

ВѢСТНИКЪ ТЕОСОФІИ

РЕЛИГІОЗНО-ФИЛОСОФСКО-
НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛЪ.

Satyât Nasti Paro Dharmah

(Нѣтъ религіи выше истины).

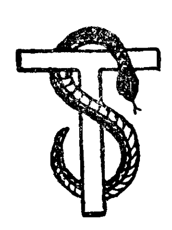
---

7 декабря.

№ 12.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ

1910

Спб. Городская Типографія, Садовая, 55, уголъ Вознесенскаго.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1911 Г. НА

Религіозно-философско-научный журналъ

„ВѢСТНИКЪ ТЕОСОФІИ".

(ЧЕТВЕРТЫЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ).

ПРОГРАММА ЖУРНАЛА:

1) статьи какъ оригинальныя, такъ и переводныя по теософіи, по сравнительному изученію религій, оккультизму, изслѣдованію психическихъ силъ, скрытыхъ въ природѣ и въ человѣкѣ, по психологіи и др. отраслямъ знанія;

2) свѣдѣнія о теософическомъ движеніи въ Россіи и за границей и о другихъ родственныхъ духовныхъ и общественныхъ движеніяхъ;

3) біографіи выдающихся представителей теософическаго міросозерцанія и общественныхъ дѣятелей;

4) художественно-литературный отдѣлъ, какъ отраженіе въ искусствѣ теософическаго міросозерцанія;

5) отзывы о книгахъ, поступающихъ въ Редакцію журнала по вопросамъ теософіи, психологіи и др.;

6) справочный отдѣлъ, вопросы и отвѣты на вопросы подписчиковъ.

Журналъ выходитъ 7-го числа каждаго мѣсяца, книжками въ форматѣ in 8° не менѣе пяти печатныхъ листовъ каждая, подъ редакціей *А. А. Каменской,* при участіи **Анни Безантъ**, доктора **Рудольфа Штейнера**, *Alba, П. Н. Батюшкова, Н. К. Боянуса, Н. Броницкой, А. Ф. Вельцъ. Вендъ, В. Д. Гарднера, А. С. Гралевской, А. Дана, Н. Гернетъ, М. Каменской, К. Кудрявцева, Е. М. Кузмина, Н. Лихачевой, И. Манджарли, Е. Писаревой (Е. П.), М. Станюковичъ, Д. Страндена, О. Д. Форшъ, Б. Ф., А. В. Унковской, П. Успенскаго, М. П., Н. Эрасси* и др. Въ теченіе двухъ лѣтнихъ мѣсяцевъ (іюнь и іюль) журналъ не выходитъ.

Въ теченіе года предполагается помѣстить нижеслѣдующія крупныя статьи: „Сила мысли" **А. Безантъ**, „Эволюція души и строеніе Вселенной" доктора **Р. Штейнера**, извлеченія изъ книги *Дж. Мида* „Забытая вѣра" (гностицизмъ) и изъ сочиненій Патанджали, **Бхагавадъ-Гита** (окончаніе), статьи по сравнительному изученію религіи (оригинальныя и переводныя) и рядъ оригинальныхъ статей сотрудниковъ Редакціи по вопросамъ искусства, педагогики, философіи и др. отдѣламъ.

Цѣна **6** руб. въ годъ съ доставкой и пересылкой въ предѣлахъ Россійской Имперіи. Допускается разсрочка: за 1/2 года—**3** р. **50** к., за 3 мѣсяца—**2** руб. Отдѣльный №—**75** к. За перемѣну адреса городского на городской—**20** к., городского на иногородній и обратно иногородняго на городской—**40** к. Цѣна за границу **10** руб. Разсрочка за границу не допускается.

Подписка для иногороднихъ **только черезъ Контору Редакціи**.

Городская подписка принимается въ Конторѣ Редакціи (СПБ., Ивановская, 22) ежедневно, кромѣ субботъ и праздничныхъ дней, отъ 1—4 час. дня и по воскресеньямъ отъ 11 — 12 час. дня, а также во всѣхъ большихъ книжныхъ магазинахъ. Годовая подписка въ разсрочку безъ повышенія цѣны допускается только **до 1 января 1911 г.**

По дѣламъ Редакціи издательница принимаетъ лично по средамъ отъ 4—5 часовъ дня.

Отъ Редакціи „Вѣстника Теософіи“.

Вышелъ отдѣльнымъ изданіемъ полный переводъ книги Эдуарда Шюре „Великіе Посвященные“ (очеркъ эзотеризма религій) 410 стр. Цѣна **2** р. **25** к.

Статьи, присылаемыя для напечатанія въ „Вѣстникѣ Теософіи“, подлежатъ, въ случаѣ надобности, сокращеніямъ и исправленіямъ. Рукописи должны быть написаны четко и на одной сторонѣ листа. Рукописи, не востребованныя въ теченіе трехмѣсячнаго срока, уничтожаются.

Во избѣжаніе недоразумѣній съ доставкою журнала, Редакція проситъ гг. подписчиковъ заблаговременно **сообщать ей о перемѣнѣ ихъ адресовъ**.

Заявленія о неполученіи очередного № должны быть дѣлаемы не позже полученія слѣдующей книжки журнала, такъ какъ жалобы, заявляемыя по истеченіи этого срока, экспедиція городского почтамта оставляетъ безъ разсмотрѣнія.

„Вѣстникъ Теософіи“ за 1909 и 1910 года имѣется для продажи въ ограниченномъ количествѣ экземпляровъ. **Цѣна** съ пересылкой по **7** рублей за каждый годъ.

Редакція.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

НА КНИГУ:

„АВТОБІОГРАФІЯ“

Анни Безантъ,

съ портретомъ. Переводъ *А. Каменской. (Alba).*

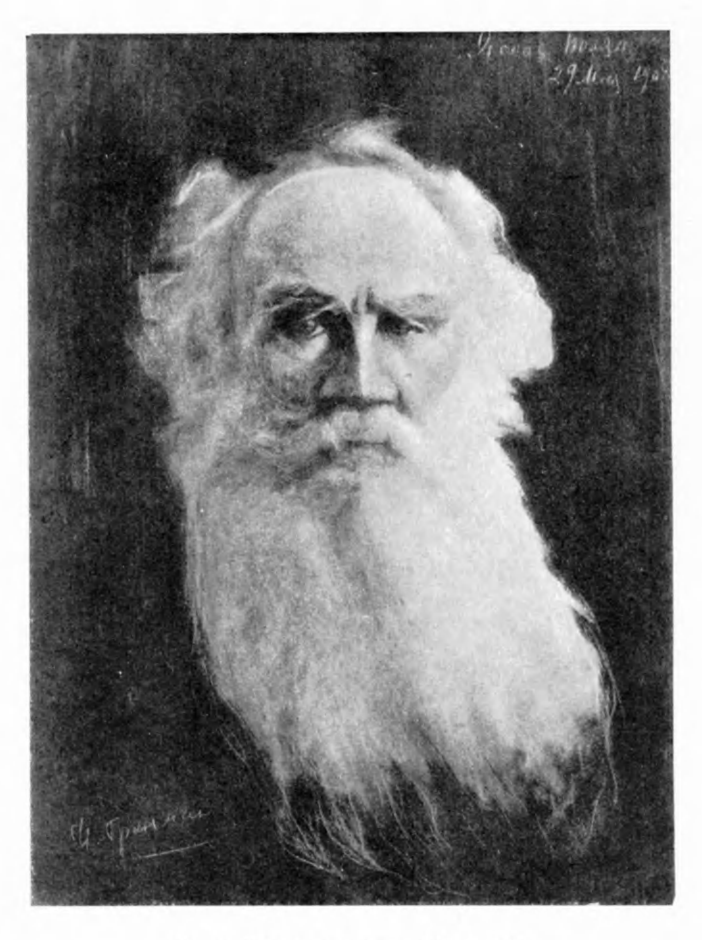
Цѣна по подпискѣ 1 руб. 20 к., по выходѣ въ свѣтъ цѣна будетъ повышена.

Въ зависимости отъ успѣха подписки, книга можетъ быть выпущена въ началѣ 1911 г.

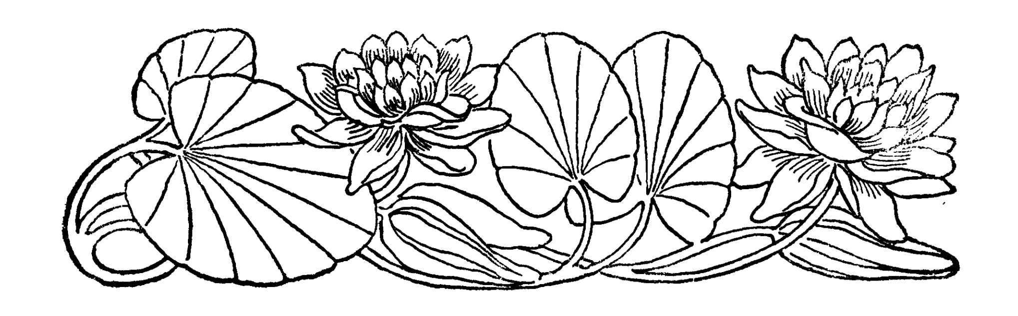
СОДЕРЖАНІЕ

декабрьской книжки „Вѣстника Теософіи“.

SOMMAIRE.

Левъ Николаевичъ Толстой.

Памяти Льва Николаевича Толстого.

„Богъ есть Любовь“.
(Ев. отъ Іоанна, IV).

„На Курукшетрѣ“,
„На святомъ полѣ Дхармы“...
(Изъ Бхагавадъ-Гиты).

Что такое геній? Геній опредѣляютъ различно, смотря по тому, на что направлено вниманіе анализа—на необыкновенную активную волю, на необыкновенный полетъ мысли или на необыкновенную силу любви. Но есть слово, которое въ себѣ заключаетъ всѣ эти понятія, если мы будемъ помнить смыслъ греческихъ корней, которые вошли въ его составъ. Это слово—энтузіазмъ, т. е. „Богъ въ насъ“.

Богъ раскрывается въ трехъ аспектахъ, какъ воля, какъ любовь и какъ творческій разумъ. Геній проявляется въ сферѣ интеллектуальной, общественной и художественной, но высшій типъ есть геній религіозный, синтезирующій какъ бы въ себѣ всѣ эти разныя стороны духовнаго творчества, и потому онъ принадлежитъ всему міру. Такимъ геніемъ былъ Левъ Николаевичъ Толстой.

Геніи—наши свѣточи на пути; они постоянно опережаютъ насъ и потому они идутъ крутыми, опасными и необычными путями. Трудно бываетъ понять ихъ, когда въ своихъ исканіяхъ Истины они страстно отрицаютъ знакомыя намъ дорогія, проторенныя дороги, когда они со всѣмъ пыломъ горячаго въ сердцѣ дерзновенія возстаютъ противъ того, что освящено вѣками традицій и зовутъ на новые, невѣдомые и жутко-далекіе пути. Трудно понять также и рѣзкіе ихъ переходы отъ одного

міропониманія къ другому, когда въ нихъ совершается переломъ, ибо потокъ бурнаго, могучаго роста пробиваетъ себѣ дорогу съ потрясающей силой стремнины: геній въ одной жизни переживаетъ какъ бы нѣсколько воплощеній. Такого человѣка нельзя мѣрить обыденной мѣркой; его мѣрой является его собственная душа. Нельзя мѣрить и потому, что геній имѣетъ особую миссію и ведетъ человѣчество къ новой жизни. Для выраженія новой жизни „старые мѣхи“ не годятся: они должны преобразиться или уступить мѣсто „новымъ мѣхамъ“. Этому процессу должно предшествовать освобожденіе отъ старыхъ формъ, ибо форма заковываетъ духъ, если онъ прилѣпляется къ ней. Человѣкъ такъ склоненъ прилѣпляться къ формѣ, дающей ему покой и уютъ, такъ велика его духовная лѣнь и такъ великъ его страхъ передъ новымъ творчествомъ, что отъ времени до времени онъ долженъ пройти черезъ потрясенія. Только та вѣра цѣнна, которая прошла черезъ потрясенія и устояла. Черезъ огонь и стремнины человѣкъ долженъ найти свой путь къ Богу, ибо Богу угодно, чтобы человѣкъ пришелъ къ Нему сознательно и свободно. Но путь свободы есть самый трудный изъ всѣхъ путей; его выдерживаетъ только зрѣлая душа. Это путь титаническаго труда и непрерывнаго творчества. Большинству онъ не по силамъ, но на помощь ему являются сильные. Когда формы грозятъ кристаллизоваться, когда представители лучшихъ идеаловъ забываютъ святые завѣты и формы незамѣтно обращаются въ оковы, тогда являются великіе дѣятели, титаны воли и мысли, Джордано Бруно, Лютеры, Львы Толстые, которые силою своего генія расшатываютъ замкнувшіяся цѣпи и во имя духа, во имя самой жизни, вступаютъ въ борьбу съ формами. Въ самыхъ крайностяхъ своего отрицанія они несутъ спасительный огонь; крайности отпадаютъ, огонь же остается и творитъ новую жизнь. Какъ одежда, сдѣлавшаяся узкой, должна временно быть сброшена, чтобы растущее тѣло не страдало отъ ея стѣсненій и чтобы ее можно было или перешить, или замѣнить новой одеждой, такъ и всякая форма должна быть временно откинута сознаніемъ, чтобы сознаніе могло перестроить ее и преобразить согласно потребностямъ растущаго духа. Вотъ почему роль религіозныхъ геніевъ на землѣ бываетъ часто такая бурная, боевая и трагическая. Геніи являются въ большинствѣ случаевъ въ минуты великихъ историческихъ и соціальныхъ кризисовъ, когда происходитъ тревожное исканіе, когда пути утеряны и человѣчество жадно ищетъ выхода изъ мучительныхъ своихъ переживаній. Тогда тотъ, кто среди

мрака и ужаса ночи зажигаетъ и поднимаетъ факелъ, дѣлается дѣятелемъ міровымъ. Эта миссія геніевъ, и такъ нужно понимать и миссію Л. Н. Толстого.

„Въ эпоху внутренняго перелома, подобную нашей, говоритъ авторъ въ „Письмѣ къ Читателю", *) когда пережитая ступень уже перестала удовлетворять общественную совѣсть, появляется всегда геніальный человѣкъ, который, какъ въ яркомъ фокусѣ, воплощаетъ въ себѣ еще смутныя, но уже зародившіяся стремленія человѣчества. Для нашей эпохи такимъ человѣкомъ является Левъ Николаевичъ Толстой... Онъ принадлежитъ не намъ однимъ, но и всему міру. Нѣтъ страны на землѣ, гдѣ бы его не знали и не прислушивались къ его голосу.

„Въ чемъ тайна его обаянія надъ лучшими людьми всѣхъ странъ и народовъ?... Онъ будилъ совѣсть неустанно, съ потрясающей искренностью, не сдаваясь ни на какіе компромиссы, не уступая ни пяди изъ своихъ вѣрованій, не останавливаясь ни передъ какими послѣдствіями... „*Геній совѣсти*" можно бы назвать его, опредѣляя однимъ словомъ ту роль, которую сыграло его творчество въ сознаніи современниковъ... Необычайное вліяніе Льва Николаевича и исходитъ изъ того, что онъ сосредоточилъ всю жизнь своего духа на *цѣльной* вѣрѣ, пренебрегая и злобою дня, и современными теченіями, что онъ призывалъ, минуя условныя правды—къ *вѣчной правдѣ*, вѣря въ нее съ такой силой, что эта сила зажигала всѣхъ слушавшихъ его и поднимала ихъ надъ мракомъ и грѣхомъ текущей жизни. Какъ могучій благовѣстъ вѣры въ неумирающую красоту человѣка звучатъ его слова: „если-бы люди только поступали, какъ требуетъ того сердце и разумъ, сразу бы разрѣшились всѣ бѣдствія, отъ которыхъ страдаютъ измученные люди всего свѣта". Вотъ эта способность—даже среди мрака смотрѣть, не отрываясь, на загорѣвшійся передъ нимъ свѣтъ и неустанно призывать къ этому свѣту и другихъ, это поглощеніе всей души безъ остатка одной великой идеей и даетъ ему такую власть надъ душой человѣка".

Авторъ заканчиваетъ свою статью такъ:

„Въ такое время какъ наше, когда старое изживается, а новое еще не выяснилось, нужна именно такая цѣльная вѣра, такой неколеблющійся свѣтъ, отъ чистой силы котораго разгоралось бы то лучшее, что уже зажглось въ глубинѣ человѣческой совѣсти, и что поднимаетъ сознаніе людей на высшую ступень".

---

*) В. Т. 1910 г., февраль.

На какую же новую ступень суждено вступить человѣчеству? На ступень духовную, ступень сверхличнаго отношенія къ жизни.

Вся задача западно-европейской цивилизаціи направлялась къ тому, чтобы довести разсудочность и личное начало до полнаго ихъ выраженія, до внутренней необходимости поворота на восходящую линію, на которой должно развернуться *сверхличное.* *) Интеллектуальная культура настоящаго дала много цѣннаго и важнаго человѣчеству, но роль ея заканчивается: ее должна смѣнить культура духовная, которая будетъ основана на братствѣ и сотрудничествѣ, а не на эгоизмѣ и соревнованіи. Человѣчество предчувствуетъ эту приближающуюся зарю, и потому оно такъ охвачено тревогой исканія. Геніи раньше другихъ и мучительно переживаютъ эту тревогу. Они раньше прозрѣваютъ въ будущее и за собой зовутъ другихъ.

Признакомъ новой ступени, на которую суждено ветать человѣчеству, будетъ *духовное сознаніе*, руководимое закономъ любви, и потому Левъ Николаевичъ Толстой сталъ проводникомъ его. Проповѣдь мира, милосердія и любви не сходила съ его устъ, вмѣстѣ съ призывомъ къ духовной свободѣ.

„Люди, отрицающіе свободу, говоритъ онъ, подобны слѣпымъ, отрицающимъ цвѣта: они не знаютъ той области, въ которой люди свободны“.

Свободно должны люди искать Бога, свободно итти къ Нему. Любовь есть путь къ Богу.

„Любовь къ Богу значитъ любовь къ добру. Любовь къ ближнему безъ любви къ Богу естъ растеніе безъ корней. Любовь къ Богу есть любовь къ совершенству. Любовь къ совершенству вызываетъ стремленіе къ нему. Стремленіе къ совершенству есть сущность жизни, и потому жизнь человѣка всегда есть сознательная или безсознательная любовь къ Богу“.

Л. Н. Толстой вѣритъ, что въ каждомъ человѣкѣ живетъ скрытый богъ и что всѣ мы сыны Божіи, дѣти Одного Отца. Насъ связываетъ такая глубокая солидарность, что грѣхъ одного есть грѣхъ всѣхъ и радость одного есть радость всѣхъ. Глубочайшими нитями души мы всѣ связаны въ едино и составляемъ одно тѣло человѣчества, одну великую семью. Эти мысли ясно выражены въ послѣднемъ „Кругѣ Чтенія“:

---

* Эта мысль прекрасно развита въ статьѣ др-а Р. Штейнера: „Гр. Толстой и Теософія“. В. Т., 1908, іюль—августъ

„Мы внѣшне отдѣлены и внутренно связаны со всѣми живыми существами“.

„Не думай, чтобы могло быть благо отдѣльнаго существа или чтобы зло отдѣльнаго существа не было бы зломъ всего міра и не отразилось бы на тебѣ“.

„Сознаніе единства нашего существа со всѣмъ другимъ проявляется въ насъ любовью“.

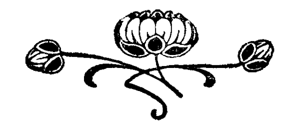
Любовь!... Къ ней стремилось все существо Л. Н. Толстого, ею жила его пламенная душа и къ ней призывалъ онъ насъ неумолкно. Во имя ея онъ страдалъ и боролся, о ней онъ думалъ, умирая.

Въ его „Кругѣ чтенія“ есть одна глубоко оккультная мысль:

„Нѣкоторыя изъ колебаній духовнаго міра мы чувствуемъ, нѣкоторыя еще не дошли до насъ, но они идутъ, какъ идетъ свѣтъ отъ звѣзды, еще невидимой для нашего глаза“.

И призывъ къ духовной свободѣ и къ духовному единенію, брошенный Л. Н. Толстымъ міру, порабощенному игомъ формъ и грѣхомъ обособленія, подобно свѣту дальней звѣзды дойдетъ со временемъ до сердца всего человѣчества. И тогда человѣчество познаетъ, что „Богъ есть любовь“.

Alba.

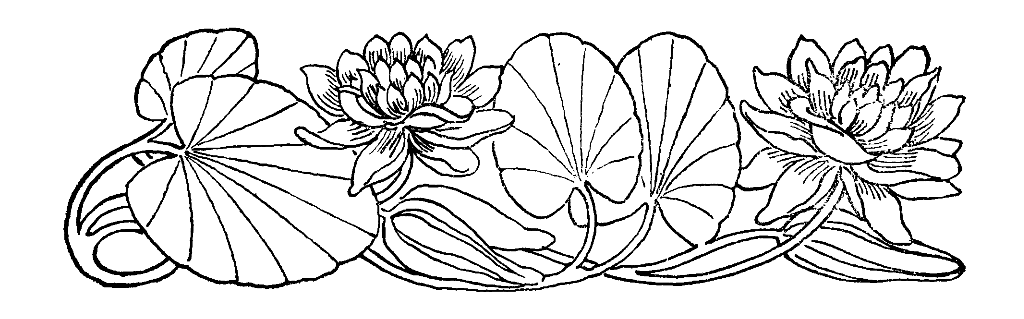

Мысли Льва Николаевича Толстого.

На извѣстной ступени углубленія въ себя человѣкъ сознаетъ Бога.

Нѣтъ Бога только для того, кто не ищетъ Его. Ищи Его и Онъ откроется тебѣ.

Если человѣкъ не сознаетъ и не понимаетъ Бога, то онъ никакого права не имѣетъ заключать изъ этого, что Его нѣтъ. Законный выводъ для него только тотъ, что онъ еще не въ силахъ сознать и понять Его.

Наука о жизни *).

Е. П. Блаватская о Л. Н. Толстомъ.

Что такое жизнь? Сотни философскихъ умовъ, множество ученыхъ и искусныхъ врачей задавали себѣ этотъ вопросъ, но всѣ попытки отвѣтить на него оставались болѣе или менѣе безрезультатными. Завѣса, скрывающая отъ нашихъ глазъ первоначальное состоянiе вселенной и таинственное возникновенiе въ ней жизни, никогда не была поднята настолько, чтобы это могло удовлетворить серьезныхъ и честныхъ людей науки. Чѣмъ болѣе оффицiальные представители науки пытаются проникнуть своими взорами за темныя складки этой завѣсы, тѣмъ болѣе сгущается вокругъ нихъ мракъ, и тѣмъ менѣе они видятъ, ибо они подобны тому искателю кладовъ, который отправился разыскивать за дальними морями сокровище, зарытое въ его собственномъ саду.

Что же это за наука о жизни, о которой здѣсь идетъ рѣчь? Есть ли это бiологiя или изученiе жизни въ наиболѣе общемъ смыслѣ этого слова? Нѣтъ. Или это физiологiя, наука объ органическихъ функцiяхъ? Опять-таки нѣтъ, потому что для первой изъ поименованныхъ наукъ проблема жизни такъ-таки и остается вопросомъ Сфинкса, вторую же можно скорѣе назвать наукой о смерти, чѣмъ наукой о жизни. Физiологiя зиждется на изученiи различныхъ органическихъ функцiй и органовъ, необходимыхъ для тѣхъ или иныхъ жизненныхъ проявленiй, но то, что наука эта называетъ живымъ веществомъ, въ сущности говоря, есть

---

*) Статья эта была помѣщена въ № 3 за 1887 г. теософическаго журнала «Lucifer», издававшагося въ Лондонѣ Е. П. Блаватской и г-жей Мэбель Коллинзъ.

вещество мертвое. Каждая молекула живого органа содержитъ въ себѣ зародышъ смерти и съ самаго момента своего зарожденія уже начинаетъ умирать, чтобы уступить мѣсто другой, замѣщающей ее молекулѣ, которая также живетъ лишь для того, чтобы въ свою очередь умереть. Органъ, т. е. болѣе или менѣе крупное естественное подраздѣленіе какого-нибудь живого существа, является лишь посредникомъ для проявленія какой-либо особой жизненной функціи и представляетъ собой въ концѣ концовъ лишь сложное сочетаніе молекулъ. Жизненный органъ, *какъ цѣлое*, надѣваетъ маску жизни, скрывая за ней постоянное распаденіе и умираніе своихъ составныхъ частей. Итакъ, ни біологію, ни физіологію нельзя назвать *наукой о жизни* или хотя бы ея отраслями, а лишь науками, изслѣдующими *видимость* жизни. Въ то время какъ истинная философія стоитъ, подобно Эдипу, передъ Сфинксомъ жизни, едва осмѣливаясь произнести парадоксъ, содержащійся въ отвѣтѣ, разрѣшающемъ загадку, задаваемую этимъ Сфинксомъ, представители матеріалистической науки, всегда заносчивой, ни на минуту не сомнѣвающейся въ собственной мудрости, внушаютъ себѣ и своимъ послѣдователямъ вѣру въ то, что наука эта разрѣшила страшную загадку бытія. Но, на самомъ дѣлѣ, развѣ матеріалистическая наука хотя бы подошла къ порогу этого рѣшенія? Во всякомъ случаѣ представители этой науки не тѣмъ приблизятся къ истинному рѣшенію, что будутъ обманывать самихъ себя и другихъ довѣрчивыхъ людей, утверждая, что жизнь есть лишь результатъ усложненія молекулярнаго строенія вещества. Неужели жизненная сила дѣйствительно лишь „фантомъ“, какъ ее назвалъ Дюбуа Реймонъ? Вѣдь упрекъ, съ которымъ онъ обращается къ виталистамъ, что „жизнь“, разсматриваемая, какъ нѣчто самостоятельное, есть лишь asylum ignorantiae *) для тѣхъ, кто ищетъ убѣжища въ абстракціяхъ, когда невозможно объясненіе по существу—упрекъ этотъ въ еще гораздо большей степени и гораздо болѣе справедливо можетъ быть сдѣланъ тѣмъ матеріалистамъ, которые, желая пустить людямъ пыль въ глаза, подставляютъ напыщенные, мудреные термины на мѣсто реальныхъ фактовъ. Развѣ пять подраздѣленій жизненныхъ функцій, носящія громкія названія Archebiosis, Biocrasis, Biodiaeresis, Biocaenosis и Bioparadosis **) сколько-нибудь помогли Гексли или Геккелю про-

---

*) „Убѣжище невѣжества“. Д. С.

**) Т. е. возникновеніе жизни, сліяніе жизни, раздѣленіе жизни, возобновленіе жизни и передача жизни.

никнуть глубже въ тайну зарожденія хотя бы самой ничтожной козявки, не говоря уже о человѣкѣ? Разумѣется нѣтъ, потому что жизнь и все, что къ ней относится, по праву принадлежитъ къ кругу вѣдѣнія *метафизика* и психолога, физическая же наука некомпетентна рѣшать ея проблему. „То, что было, есть то, что будетъ; и то, что было, уже получило имя, и извѣстно, что это—*человѣкъ*"—таковъ отвѣтъ, разрѣшающій загадку, предлагаемую Сфинксомъ. Но подъ „человѣкомъ здѣсь разумѣется не *физическій* человѣкъ; не таковъ во всякомъ случаѣ эсотерическій смыслъ этого слова. Скальпель и микроскопъ, быть можетъ, помогутъ выяснить тайну матеріальныхъ составныхъ частей *внѣшней оболочки человѣка;* но никогда имъ не удастся продѣлать окошко, сквозь которое дущѣ человѣка можно было бы узрѣть какіе-нибудь болѣе обширные горизонты бытія.

Лишь тѣ мыслители, которые, слѣдуя указанію Дельфійскаго оракула, познали жизнь черезъ познаніе своего *внутренняго „я"*, основательно изучивъ ее внутри себя прежде, чѣмъ пытаться прослѣдить и анализировать ея отраженіе въ своей внѣшней, тѣлесной оболочкѣ,—лишь они были вознаграждены за свои усилія нѣкоторой долей успѣха. Подобно средневѣковымъ „огнефилософамъ" *), они переступили черезъ *видимость* свѣта и огня, черезъ отраженіе ихъ въ мірѣ послѣдствій (т. е. въ мірѣ матеріальномъ. Д. С.) и сосредоточили все свое вниманіе на сокровенныхъ силахъ, производящихъ эти послѣдствія. Затѣмъ, прослѣдивши эти силы до ихъ источника, коренящагося въ единой абстрактной причинѣ, каждый изъ нихъ, по мѣрѣ своихъ мыслительныхъ способностей, пытался проникнуть въ глубь послѣдней *Тайны*. Такимъ путемъ они установили слѣдующія положенія: 1) что живой, *повидимому*, механизмъ, называемый физическимъ тѣломъ человѣка, есть какъ бы лишь топливо или матеріалъ, необходимый для питанія жизни, для того, чтобы она могла проявиться; 2) что, цѣной соединенія съ этимъ тѣлеснымъ организмомъ, внутренній человѣкъ пріобрѣтаетъ возможность накопить новый опытъ, предоставляемый земными иллюзорными существованіями, называемыми „жизнями".

Одного изъ такихъ философовъ въ наше время мы, несомнѣнно, имѣемъ въ лицѣ великаго русскаго писателя графа Льва Николаевича Толстого. Насколько близки его взгляды къ эсоте-

---

*) „Fire-philosophers". Такъ называли себя алхимики и розенкрейцы, полагавшіе въ основѣ міра оккультный, духовный „огонь". Примѣч. перев.

рическимъ и философскимъ ученіямъ высшей Теософіи, будетъ видно всякому, кто ознакомится съ нижеслѣдующими отрывками изъ реферата, прочтеннаго имъ въ Московскомъ Психологическомъ Обществѣ *).

Обсуждая проблему жизни, Л. Н. Толстой проситъ своихъ слушателей условно, въ цѣляхъ выясненія вопроса, предположить *нѣчто невозможное.*

Онъ говоритъ:

„Допустимъ невозможное; допустимъ что все, что желаетъ познать теперешняя наука о жизни, все ясно, какъ день! Ясно, какъ изъ неорганической матеріи зарождается черезъ приспособленіе органическая; ясно, какъ силы переходятъ въ чувство, волю мысли; и все это извѣстно не только гимназистамъ, но и деревенскимъ школьникамъ. Мнѣ извѣстно, что такія-то мысли и чувства происходятъ отъ такихъ-то движеній. Ну и что-же? Могу-ли я или не могу руководить этими движеніями, чтобы возбуждать въ себѣ такія или другія мысли; вопросъ о томъ, какія мнѣ надо возбуждать въ себѣ и другихъ мысли и чувства, остается не только нерѣшеннымъ но даже незатронутымъ. Вопросъ же этотъ и есть единственный вопросъ центральнаго понятія жизни. Наука предметомъ своимъ избрала нѣкоторыя явленія сопутствующія жизни, и, принявъ **) часть за цѣлое, назвала эти явленія совокупностью жизни... Вопросъ, неотдѣлимый отъ понятія жизни — не вопросъ о томъ, *откуда взялась* жизнь, а о томъ, *какъ надо* жить; и только начавъ съ этого вопроса, можно притти и къ какому-нибудь рѣшенію вопроса о томъ, что есть жизнь.

Отвѣтъ на вопросъ о томъ, какъ надо жить, предоставляется человѣку столь извѣстнымъ, что ему кажется, что и не стоитъ говорить объ этомъ... Жить, какъ лучше, вотъ и все. Это кажется сначала очень простымъ и всѣмъ извѣстнымъ, но это совсѣмъ не такъ и просто и извѣстно... Понятіе жизни представляется сначала человѣку самымъ простымъ и яснымъ. Прежде всего человѣку кажется, что жизнь въ немъ, въ его тѣлѣ. Я живу въ тѣлѣ,

*) Извлеченія изъ этого реферата, цитируемыя Е. П. Блаватской, были помѣщены въ № 3973 (23 марта) газеты „Новое Время“ за 1887 г.

**) „Принявъ“—въ данномъ случаѣ ошибочное выраженіе. Люди науки отлично знаютъ, что то, чему они учатъ о жизни, есть не что иное, какъ матеріалистическая фикція, которой на каждомъ шагу противорѣчатъ и логика и факты. Въ этомъ случаѣ наукой злоупотребляютъ, заставляя ее служить личнымъ вкусамъ и пользуясь ею съ предвзятой цѣлью - уничтожить въ людяхъ всякіе духовные запросы, вытравить изъ ихъ умовъ всякую мысль о духѣ.—Е. П. Б.

стало быть жизнь въ моемъ тѣлѣ. Но какъ только человѣкъ начинаетъ искать эту жизнь въ извѣстномъ мѣстѣ своего тѣла, такъ сейчасъ и являются затрудненія. Ея нѣтъ въ ногтяхъ и волосахъ, но и нѣтъ въ ногѣ, въ рукѣ, которыя можно отрѣзать, нѣтъ и въ крови, нѣтъ и въ сердцѣ, нѣтъ и въ мозгу. А есть вездѣ и нигдѣ нѣтъ. И оказывается, что по мѣсту ея жительства найти ее нельзя. Тогда человѣкъ ищетъ ее во времени, и тоже сначала кажется очень просто... Но опять, какъ станешь искать ее во времени, такъ сейчасъ видишь, что и тутъ дѣло не просто. Я живу 58 лѣтъ, какъ это выходитъ по метрическому свидѣтельству. Но я знаю, что изъ этихъ 58 лѣтъ я 20 лѣтъ спалъ. Что же, я жилъ или не жилъ? Потомъ въ утробѣ матери, у кормилицы былъ, опять—жилъ я или не жилъ? Потомъ изъ остальныхъ 38 лѣтъ большую половину, ходя, спалъ; тоже не знаю, жилъ или не жилъ? Немножко жилъ, немножко не жилъ; такъ что и во времени выходитъ—вездѣ она и нигдѣ. Тогда невольно приходитъ вопросъ, откуда же взялась эта жизнь, которую я нигдѣ не найду. Тутъ ужъ я узнаю... Но оказывается, что и здѣсь то, что показалось мнѣ такъ легко,—не только трудно, но и невозможно. Оказывается, что я искалъ что-то другое, а не свою жизнь. Искать оказывается, если уже искать ее, то не въ пространствѣ, не во времени, не какъ слѣдствіе и причину, а какъ что-то такое, что я въ себѣ знаю совсѣмъ независимо отъ пространства, времени и причины.

Стало быть изучать себя? Какъ же я знаю жизнь въ себѣ? А вотъ какъ. Знаю я прежде всего, что живу и живу, желая себѣ хорошаго, желаю этого съ тѣхъ поръ какъ себя помню и до сихъ поръ, и желаю этого съ утра и до вечера. Все то, что живетъ внѣ меня, важно для меня, но только настолько, насколько оно содѣйствуетъ тому, чтобы мнѣ было хорошо. Міръ важенъ для меня только потому, что онъ мнѣ доставляетъ радости. Но вмѣстѣ съ такимъ знаніемъ моей жизни связывается съ ней еще другое. Неразрывно съ этой жизнью, которую я чувствую, связано во мнѣ еще знаніе о томъ, что кромѣ меня живетъ вокругъ меня съ такимъ же сознаніемъ своей исключительной жизни цѣлый міръ живыхъ существъ, что всѣ эти существа живутъ для своихъ, чуждыхъ для меня, цѣлей и не знаютъ и не хотятъ знать моихъ притязаній на исключительную жизнь, и что всѣ эти существа для достиженія своихъ цѣлей всякую минуту готовы уничтожить меня. Мало этого, наблюдая уничтоженіе другихъ подобныхъ мнѣ существъ, знаю еще и то,

что мнѣ, этому драгоцѣнному мнѣ, въ которомъ одномъ мнѣ представляется жизнь, предстоитъ очень скорое неизбѣжное уничтоженіе... Въ человѣкѣ, какъ будто, два „Я“, которые, какъ будто, не могутъ ужиться другъ съ другомъ, исключаютъ одинъ другого. Одно „Я“ говоритъ: „одинъ „я“ живу по настоящему, все остальное только кажется что живетъ и потому весь смыслъ міра въ томъ, чтобы мнѣ было хорошо“. Другое „Я“ говоритъ: „Весь міръ не для тебя, а для своихъ цѣлей, и знать не хочетъ о томъ, хорошо ли тебѣ или дурно“.

И жить становится страшно; одно „Я“ говоритъ: „Я хочу удовлетворенія своихъ потребностей и желаній, и для этого только мнѣ нуженъ міръ“. Другое „Я“ говоритъ: „Все животное живетъ для удовлетворенія своихъ желаній и потребностей. Желанія и потребности однихъ животныхъ удовлетворяются только въ ущербъ другимъ, и потому все животное борется другъ съ другомъ. Ты животное, потому долженъ вѣчно бороться, но какъ бы успѣшно ты ни боролся, всѣ борющіяся существа рано или поздно задавятъ тебя“.

Еще хуже, и становится еще страшнѣе, и самое ужасное, включающее въ себѣ все предшествующее: одно „Я“ говоритъ: „Я хочу жить, жить вѣчно“. Другое „Я“ говоритъ: „Ты непремѣнно очень скоро, и можетъ быть сейчасъ, умрешь, и умрутъ всѣ тѣ, которыхъ ты любишь, и ты и они каждымъ движеніемъ уничтожаютъ свою жизнь и идутъ къ страданіямъ, къ смерти, къ тому самому, что ты ненавидишь, и чего боишься больше всего“.

Это хуже всего...

Измѣнить этого состоянія нельзя... Можно не двигаться, не спать, не ѣсть, не дышать даже, но не думать нельзя. Думаешь, и мысль моя, *моя* мысль отравляетъ каждый шагъ моей жизни, какъ личности. Какъ только началъ сознательно жить человѣкъ, такъ разумное сознаніе, не переставая, твердитъ ему одно и то же: жить тою жизнью, какою ты ее чувствуешь и видишь въ твоемъ прошедшемъ, какою живутъ животныя, какъ живетъ много людей, какъ жило то, изъ чего ты сталъ тѣмъ, что ты теперь—нельзя больше. Если ты попытаешься это сдѣлать, то вѣдь не уйдешь отъ борьбы со всѣмъ міромъ существъ, которыя живутъ такъ же, какъ и ты, для своихъ личныхъ цѣлей, и они, эти существа неизбѣжно погубятъ тебя.

Измѣнить этого положенія нельзя, и остается одно, что и дѣлаетъ всегда человѣкъ, начиная жить: переносить свои цѣли внѣ себя и стремиться къ нимъ... Но какъ бы далеко внѣ себя онъ

ни ставилъ свои цѣли, по мѣрѣ просвѣтленія его разума ни одна цѣль не удовлетворяетъ его.

Бисмаркъ, собравъ Германію и повелѣвая Европой, если разумъ освѣтилъ для него его дѣятельность, долженъ чувствовать то же неразрѣшенное противорѣчіе, тщетности и неразумности всего, достигнутаго имъ, съ вѣчностью и разумностью всего существующаго, какъ и его поваръ, приготовляющій обѣдъ, который черезъ часъ будетъ съѣденъ. Какъ тотъ, такъ и другой, если подумаютъ, видятъ ясно, во-первыхъ, что, какъ цѣлость обѣда князя Бисмарка, такъ и цѣлость могущественной Германіи держится только: первая — полиціей, вторая — войскомъ, и до тѣхъ поръ, пока бодрствуютъ и тѣ и другія, потому что голодные хотятъ съѣсть обѣдъ, а другія національности хотятъ быть такъ же могущественны, какъ и Германія, и во-вторыхъ, что обѣдъ князя Бисмарка и могущество Германіи не только не совпадаютъ со смысломъ жизни міра, но противорѣчатъ ему, и, въ-третьихъ то, что и тотъ, кто готовитъ обѣдъ, и могущество Германіи—оба очень скоро умрутъ и такъ же скоро умрутъ ихъ обѣдъ и Германія, и останется жить міръ, не поминая даже ни объ обѣдѣ, ни о Германіи, тѣмъ менѣе о тѣхъ, кто готовитъ ихъ.—По мѣрѣ усиленія разумнаго состоянія, человѣкъ приходитъ къ мысли, что никакое благо, связанное съ его личностью, не есть подвигъ, а необходимость... Личность есть только первое состояніе, съ котораго начинается жизнь, есть крайній предѣлъ жизни... „Но гдѣ начинается жизнь и гдѣ она кончается"? Спросятъ меня. Гдѣ кончается ночь и начинается день? Гдѣ на берегу кончается область моря и начинается область суши? Есть день и ночь, есть суша и море, есть жизнь и не жизнь.

Жизнь наша—съ тѣхъ поръ, какъ мы сознаемъ ее движеніе между двумя предѣлами.

Одинъ предѣлъ есть совершенное безучастіе къ жизни безконечнаго міра, дѣятельность, направленная только къ удовлетворенію потребностей своей личности. Другой предѣлъ—это полное отреченіе отъ своей личности, наибольшее вниманіе къ жизни безконечнаго міра и согласіе съ нимъ, перенесеніе желанія блага со своей личности на безконечный міръ и существа внѣ насъ *).—Чѣмъ ближе къ первому предѣлу, тѣмъ меньше жизни и блага, чѣмъ ближе ко второму предѣлу, тѣмъ больше жизни и блага. И потому всякій человѣкъ всегда движется отъ одного предѣла къ

---

*) Это и есть то самое, что теософы просто выражаютъ словами „жить *истинной* жизнью („living *the* life"). Е. П. Б.

другому, т. е. живетъ. *Это-то движеніе и есть сама жизнь.*— Если я говорю о жизни, то понятіе о жизни неразрывно связано во мнѣ съ понятіемъ разумной жизни. Другой жизни, кромѣ разумной, я не знаю и никто ее знать не можетъ. Мы называемъ жизнью жизнь животную, жизнь организма... Все это не жизнь, а только извѣстное открывшееся намъ состояніе жизни. Но что такое этотъ разумъ, требованія котораго исключаютъ личную жизнь и переносятъ дѣятельность человѣка внѣ себя, въ состояніе, сознаваемое нами, какъ радостное состояніе любви? Что такое разумъ? Что бы мы ни опредѣляли, мы опредѣляемъ всегда только разумомъ. И потому, чѣмъ же будемъ опредѣлять разумъ?.. Если мы все опредѣляли разумомъ, то разумъ по этому самому мы опредѣлить и не можемъ. Но мы всѣ не только знаемъ его, но только одного его несомнѣнно и знаемъ одинаково.

Это тотъ же законъ, какъ и законъ жизни всякаго организма, животнаго, растенія, съ тою только разницею, что мы *видимъ* совершающимся разумный законъ въ жизни растенія, законъ же разума, которому мы подчинены, какъ дерево своему закону, мы не видимъ, но исполняемъ.... Мы рѣшили, что жизнь есть то, что не есть наша жизнь. Въ этомъ и лежитъ корень заблужденія. Вмѣсто того, чтобы изучать ту жизнь, которую мы сознаемъ въ себѣ совершенно исключительно, такъ какъ мы ничего другого не знаемъ, мы для этого наблюдаемъ то, что не имѣетъ главнаго свойства нашей жизни—разумнаго сознанія....

Мы дѣлаемъ то, что бы дѣлалъ человѣкъ, изучающій предметъ по его тѣни или отраженію....

Если мы узнаемъ, что вещественныя частицы подчиняются, видоизмѣняясь, дѣятельности организма, то мы узнаемъ это вовсе не потому, что наблюдали, изучая организмъ, а потому, что у насъ есть знакомый намъ, слитый съ нами организмъ нашего животнаго, который намъ знакомъ очень, какъ матеріалъ нашей жизни, т. е. то, надъ чѣмъ мы призваны работать, подчиняя его закону разума.... Какъ только человѣкъ усумнился въ своей жизни, какъ только онъ жизнь свою перенесъ въ то, что не есть жизнь, такъ онъ сталъ несчастенъ и увидѣлъ смерть. Человѣкъ, сознающій жизнь такъ, какъ она вложена въ его сознаніе, не знаетъ ни несчастья, ни смерти, ибо его благо жизни въ одномъ подчиненіи своего животнаго закону разума, и это не только въ его власти, но это неизбѣжно совершается въ немъ.... Смерть частицъ животнаго существа мы знаемъ, смерть самихъ животныхъ и человѣка, какъ животнаго, мы знаемъ; но смерть разум-

наго сознанія мы не знаемъ и не можемъ знать, потому что оно-то и есть сама жизнь. А жизнь не можетъ быть смертью....

Животное живетъ блаженно, не видитъ смерти и умираетъ, не видя ее. За что же человѣку дано видѣть это, и почему оно для него такъ ужасно, что раздираетъ его душу, заставляетъ его убивать себя отъ страха смерти? Отчего это? Оттого, что человѣкъ, видящій смерть, есть человѣкъ больной, нарушившій законъ своей жизни, не живущій жизнью разумной. Онъ то же, что и животное, нарушившее законъ своей жизни.

Жизнь человѣка есть стремленіе къ благу, и то, къ чему онъ стремится, то и дано ему. Свѣтъ, зажженный въ душѣ человѣка, есть благо и жизнь, и свѣтъ этотъ не можетъ быть тьмою, потому что есть, истинно есть для человѣка только этотъ единый свѣтъ, горящій въ душѣ его".

Этотъ довольно длинный отрывокъ изъ отчета о превосходномъ рефератѣ Л. Н. Толстого приведенъ нами потому, что мысли, выраженныя въ немъ, являются отголоскомъ самыхъ возвышенныхъ ученій міровой этики истинной теософіи. Его опредѣленіе жизни, въ абстрактномъ смыслѣ этого слова, равно какъ и той жизни, которую долженъ осуществлять всякій серьезный теософъ, насколько это позволяютъ ему его *природныя* способности—представляетъ собой резюме, Альфу и Омегу всего того, что необходимо знать для практической работы надъ своею душевною или даже духовною жизнью. Въ рефератѣ встрѣчаются нѣкоторыя фразы, которыя среднему теософу могутъ показаться туманными и недостаточно полно выражающими мысль. Но въ словахъ Толстого не найдется ничего, противъ чего могъ бы возразить что нибудь хотя бы самый требовательный оккультистъ-практикъ. Рефератъ этотъ можно назвать трактатомъ объ алхиміи души, потому что тотъ „единый" свѣтъ, сіяющій въ душѣ человѣка, свѣтъ вѣчный и по самой своей природѣ никогда не могущій быть мракомъ, хотя бы внѣшняя наша животная природа и оставалась къ нему слѣпой—и есть тотъ самый „Свѣтъ", о которомъ написали такъ много томовъ неоплатоники Александрійской школы, а впослѣдствіи розенкрейцеры и, въ особенности, алхимики, хотя и въ наше время истинный смыслъ ихъ писаній для большинства людей все еще окутанъ непроницаемой тайной.

Правда, Л. Н. Толстой не философъ Александрійской школы и не современный теософъ; еще менѣе его можно причислить къ

розенкрейцерамъ или алхимикамъ. Но то, что эти послѣдніе скрывали подъ покровомъ своеобразной фразеологіи „огнефилософовъ“, умышленно перепутывая космическія трансмутаціи съ духовной алхиміей—все это великимъ русскимъ мыслителемъ изъ области метафизики перенесено въ область практической жизни. То, что Шеллингъ опредѣлялъ, какъ осуществленіе тождества субъекта и объекта во внутреннемъ *я* человѣка, то что связываетъ и объединяетъ это *я* съ міровой душой—которая и есть не что иное, какъ тождество субъекта и объекта на высшемъ планѣ, невѣдомое Божество—все это слилъ во едино Л. Н. Толстой, не покидая притомъ земного плана. Онъ одинъ изъ тѣхъ немногихъ *избранныхъ*, которые начинаютъ съ интуиціи и кончаютъ *приближеніемъ* къ всевѣдѣнію. То, чего достигъ Толстой, есть не что иное, какъ превращеніе металловъ—т. е. *животной природы*—въ золото и серебро; иначе говоря, онъ достигъ обладанія философскимъ камнемъ, т. е. развитія и проявленія въ своей личности своего высшаго *Я*. Подъ тѣмъ, что обыденные алхимики называли „*алкагестомъ*“, высокіе посвященные разумѣли “*Allgeist*“, т. е. всепроницающій Духъ Божій; ибо алхимія была и есть—хотя и въ наши дни это все еще извѣстно лишь очень немногимъ—столько же философіей духа, сколько и физической наукой. Тотъ, кто незнакомъ съ ея духовной стороной, никогда не проникнетъ глубоко и въ ея химическій смыслъ. Это совершенно ясно высказалъ еще Аристотель своему ученику Александру Македонскому: „Это не камень“, сказалъ онъ, говоря о философскомъ камнѣ. „*Это есть во всякомъ человѣкѣ и находится повсюду* и во всѣ времена, и этотъ философскій камень называется *концомъ* всѣхъ философовъ“, подобно тому, какъ *Веданта* означаетъ *окончательный итогъ* всѣхъ философскихъ системъ.

Заканчивая эту замѣтку о „*Наукѣ о жизни*“, скажу нѣсколько словъ о вѣчной загадкѣ, задаваемой Сфинксомъ всѣмъ смертнымъ. Не разгадать эту загадку—значило быть осужденнымъ на вѣрную смерть, такъ какъ Сфинксъ жизни пожиралъ тѣхъ лишенныхъ интуиціи людей, которые желали жить исключительно жизнью своего „животнаго“ *я*. Тотъ, кто живетъ для своего низшаго *я*, и притомъ исключительно для этого *я*, неизбѣжно долженъ умереть, какъ это говоритъ высшее *я* низшему, животному *я* въ рефератѣ Толстого. Ключей, позволяющихъ разгадать загадку Сфинкса, существуетъ семь, и Толстой, чтобы проникнуть въ тайну, скрытую за этой загадкой, воспользовался ключемъ, раскрывающимъ одинъ изъ наиболѣе высокихъ смысловъ ея. Ибо,

какъ это прекрасно выразилъ авторъ „Герметической Философiи": „Истинная тайна, наиболѣе знакомая и, вмѣстѣ съ тѣмъ, наиболѣе неизвѣстная всякому, та тайна, *въ которую человѣкъ долженъ быть посвященъ, чтобы не погибнуть, оставшись атеистомъ, есть самъ этотъ человѣкъ.* Ему предназначено обладанiе эликсиромъ жизни, отвѣдать котораго до открытiя философскаго камня значитъ пить напитокъ смерти, тогда какъ адепту и *эпопту* онъ сообщаетъ истинное безсмертiе. Адептъ можетъ познать истину такой, какова она есть въ дѣйствительности — *Aletheia,* дыханiе Божества или Жизни, сознательный разумъ въ человѣкѣ".

Это и есть „алкагестъ, растворяющiй все на свѣтѣ", и Толстой прекрасно разрѣшилъ эту загадку.

Е. П. Блаватская.

Перев. съ англiйскаго Д. Странденъ.

Если человѣкъ и не знаетъ, что онъ дышетъ воздухомъ, онъ знаетъ, что лишается чего-то, когда задыхается. Тоже и съ человѣкомъ, лишившимся Бога, хотя онъ и не признаетъ Его.

Покорность Богу даетъ свободу передъ людьми.

Люди, отрицающiе свободу, подобны слѣпымъ, отрицающимъ цвѣта: они не знаютъ той области, въ которой люди свободны.

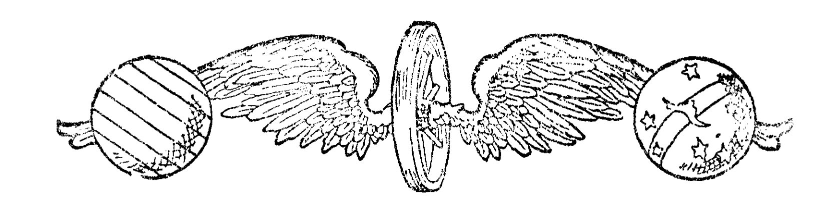
Отгоняй отъ себя все то, что мѣшаетъ тебѣ чувствовать твою связь со всѣмъ живымъ.

Не думай, чтобы могло быть благо отдѣльнаго существа или чтобы зло отдѣльнаго существа не было бы зломъ всего мiра и не отразилось-бы на тебѣ.

Сознанiе единства нашего существа со всѣмъ другимъ проявляется въ насъ любовью.

Любовь есть расширенiе своей жизни. Чѣмъ больше мы любимъ тѣмъ обширнѣе, полнѣе и радостнѣе становится жизнь.

(Мысли Льва Николаевича Толстого).

Письмо Л. Н. Толстого священнику С. *)

„Получилъ ваше письмо, любезный братъ Иванъ Ильичъ, и съ радостнымъ умиленіемъ прочелъ его. Все оно проникнуто истинно-христіанскимъ чувствомъ любви, и потому оно мнѣ было особенно дорого.

О себѣ скажу слѣдующее.

Въ одной арабской поэмѣ есть такое сказаніе. „Странствуя въ пустынѣ, Моисей, подойдя къ стаду, услыхалъ, какъ пастухъ молился Богу. Пастухъ молился такъ: „О, Господи, какъ бы мнѣ добраться до Тебя, сдѣлаться Твоимъ рабомъ. Съ какой бы радостью я обувалъ Тебя, мылъ бы Твои ноги и цѣловалъ бы ихъ, расчесывалъ бы Тебѣ волосы, стиралъ бы Тебѣ одежду, убиралъ бы Твое жилище и приносилъ бы Тебѣ молоко отъ моего стада. Желаетъ Тебя мое сердце“.

Услыхавъ такія слова, Моисей разгнѣвался на пастуха и сказалъ: „Ты—богохульникъ: Богъ безтѣлесенъ, Ему не нужны ни одежды, ни жилища, ни прислуги. Ты говоришь дурное“. И омрачилось сердце пастуха. Не могъ онъ представить себѣ существа безъ тѣлесной формы и безъ нуждъ тѣлесныхъ, и не могъ онъ больше молиться и служить Господу, пришелъ въ отчаяніе.

Тогда Богъ сказалъ Моисею: „Зачѣмъ ты отогналъ отъ Меня вѣрнаго раба Моего? У всякаго человѣка свое тѣло и свои рѣчи. Что для тебя нехорошо, то другому хорошо. Что для тебя ядъ, то для другого медъ сладкій. Слова ничего не значатъ. Я вижу сердце того, кто ко Мнѣ обращается“. Легенда эта мнѣ очень нравится, и я просилъ бы васъ смотрѣть на меня, какъ на этого пастуха. Я и самъ смотрю на себя такъ же. Все наше человѣческое понятіе о Немъ всегда будетъ несовершенно. Но льщу себя

---

*) „Русское Слово“, 1910 г., № 253.

надеждой, что сердце мое такое же, какъ у того пастуха, и потому боюсь потерять то, что я имѣю и что даетъ мнѣ полное спокойствіе и счастье.

Вы говорите мнѣ о соединеніи съ церковью. Думаю, что не ошибаюсь, полагая, что я никогда не разъединялся съ нею,—не съ той какой-либо одной изъ тѣхъ церквей, которыя разъединяютъ, а съ той, которая всегда соединяла и соединяетъ всѣхъ, всѣхъ людей, искренно ищущихъ Бога, начиная отъ этого пастуха и до Будды, Лао-Тзе, Конфуція, браминовъ и многихъ, многихъ людей. Съ этою всемірною церковью я никогда не разлучался и болѣе всего на свѣтѣ боюсь разойтись съ ней.

Очень благодарю васъ за ваше любезное письмо и братски жму вашу руку.

„Левъ Толстой“.

Мы не знаемъ Бога, но все, что мы знаемъ о мірѣ, мы знаемъ потому, что знаемъ Бога.

Въ той мѣрѣ, въ которой человѣкъ исполняетъ законъ Бога, въ той мѣрѣ онъ и знаетъ Его. И потому, у человѣка, приближающагося къ Богу, понятіе о Немъ постоянно измѣняется.

Любовь къ Богу значитъ любовь къ добру.

Любовь къ ближнему безъ любви къ Богу есть растеніе безъ корней.

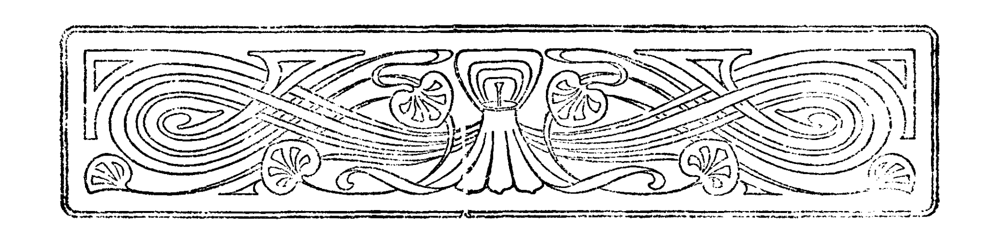
Любовь къ Богу есть любовь къ совершенству.

Любовь къ совершенству вызываетъ стремленіе къ нему.

Стремленіе къ совершенству есть сущность жизни и потому жизнь человѣка всегда есть сознательная или безсознательная любовь къ Богу.

Вѣришь вполнѣ въ Бога только тогда, когда Онъ вновь открывается, а открывается Онъ тебѣ съ новой стороны, когда ты всей душой ищешь Его. А сторонъ Его безчисленное количество.

(Мысли Льва Николаевича Толстого).

Дѣйствительное средство.

(Послѣдняя статья Льва Николаевича Толстого *).

Само собою разумѣется, что очень радъ бы былъ сдѣлать все, что могу, для противодѣйствія тому злу, которое такъ сильно и болѣзненно чувствуется всѣми лучшими людьми нашего времени.

Но думаю, что въ наше время для дѣйствительной борьбы съ смертной казнью нужны не проламыванія раскрытыхъ дверей; не выраженія негодованія противъ безнравственности, жестокости и безсмысленности смертной казни (всякій искренній и мыслящій человѣкъ и, кромѣ того, еще и знающій съ дѣтства шестую заповѣдь, не нуждается въ разъясненіяхъ безсмысленности и безнравственности смертной казни); не нужны также и описанія ужасовъ самаго совершенія казней; такія описанія могутъ только успѣшно подѣйствовать на самихъ палачей, такъ что люди будутъ менѣе охотно поступать на эти должности и исполнять ихъ, и правительству придется дороже оплачивать ихъ услуги.

И потому думаю, что главнымъ образомъ нужно не выраженіе негодованія противъ убійства себѣ подобныхъ, не внушеніе ужаса совершаемыхъ казней, а нѣчто совсѣмъ другое.

Какъ прекрасно говоритъ Кантъ, „есть такія заблужденія, которыя нельзя опровергнуть. Нужно сообщить заблуждающемуся уму такія знанія, которыя его просвѣтятъ, тогда заблужденіе исчезнетъ само собою".

Какія же знанія нужно сообщать заблуждающемуся уму человѣческому о необходимости, полезности, справедливости смертной казни, для того, чтобы заблужденіе это уничтожилось само собой?

*) Газета „Рѣчь" 13 ноября 1910 г., № 132.

Такое знаніе, по моему мнѣнію, есть только одно: знаніе того, что такое человѣкъ, каково его отношеніе къ окружающему его міру, или, что одно и то же, въ чемъ его назначеніе, и потому, что можетъ и долженъ дѣлать человѣкъ, а главное, что не можетъ и не долженъ дѣлать.

И потому, если ужъ бороться съ смертной казнью, то бороться только тѣмъ, чтобы внушать всѣмъ людямъ, въ особенности же распорядителямъ палачей и одобрителямъ ихъ, ошибочно думающимъ, что они, только благодаря смертной казни, удерживаютъ свое положеніе,—внушать этимъ людямъ то знаніе, которое одно можетъ освободить ихъ отъ ихъ заблужденія.

Знаю, что дѣло это нелегкое. Наемщики и одобрители палачей инстинктомъ самосохраненія чувствуютъ, что знанія эти сдѣлаютъ для нихъ невозможнымъ удержаніе того положенія, которымъ они дорожатъ, и потому не только сами не усваиваютъ этого знанія, но всѣми средствами... стараются скрыть отъ людей эти знанія, извращая ихъ и подвергая распространителей ихъ всякаго рода лишеніямъ и страданіямъ.

И потому, если мы точно хотимъ уничтожить заблужденіе смертной казни и, главное, если имѣемъ то знаніе, которое уничтожаетъ это заблужденіе, то давайте же будемъ, несмотря ни на какія угрозы, лишенія и страданія, сообщать людямъ это знаніе, потому что это единственное дѣйствительное средство борьбы.

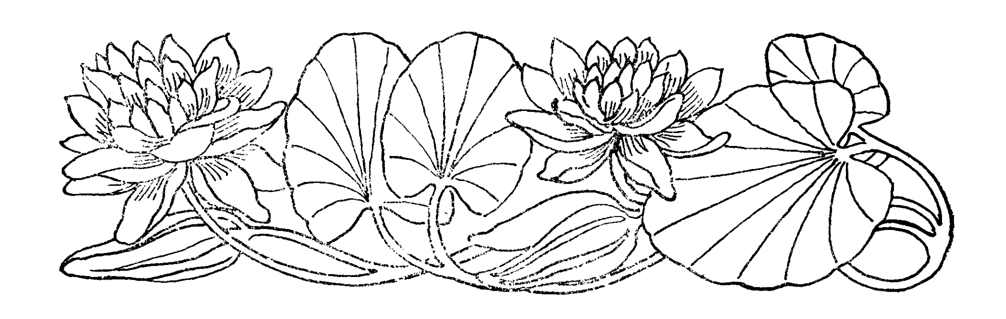
Оптина пустынь.
29 октября 1910 г.

Левъ Толстой.

Необходимость признанія Бога чувствуется яснѣе тогда, когда мы отказываемся отъ Него, забываемъ Его.

Мы внѣшне отдѣлены и внутренно связаны со всѣми живыми существами.

(Мысли Льва Николаевича Толстого).

О сознаніи духовнаго начала.

(Приложеніе къ „Кругу Чтенія“: мысли о нравственномъ совершенствованіи. Изд. „Посредника“ 1908 г.).

I. *Жизнь есть сознаніе неизмѣннаго духовнаго начала, проявляющагося въ предѣлахъ, отграничивающихъ это начало отъ всего остального.*

II. Предѣлы этого отграниченнаго отъ всего остального начала представляются человѣку движущимся тѣломъ своимъ и другихъ существъ.

III. Отдѣльность, несливаемость, непроницаемость одного существа другимъ можетъ представляться только тѣломъ (матеріей), движущимся независимо отъ движенія другихъ существъ.

IV. И потому, какъ тѣлесность и пространство, такъ и движеніе и время суть только условія возможности представленія отдѣленности нашего духовнаго существа отъ всего остального, т. е. отъ не ограниченнаго, не тѣлеснаго, не пространственнаго и не движущагося, не временнаго духовнаго существа.

V. И потому жизнь наша представляется намъ жизнью пространственнаго тѣла, движущагося во времени.

VI. Намъ представляется, что наше тѣло, составляя одну часть безконечнаго въ пространствѣ тѣлеснаго міра, происходя отъ родителей, предковъ, жившихъ прежде насъ въ безконечномъ времени, получаетъ начало въ утробѣ матери, рождается, растетъ, развивается, потомъ слабѣетъ, сохнетъ и умираетъ, т. е. теряетъ свою прежнюю тѣлесность, переходя въ другую, перестаетъ двигаться и —умираетъ.

VII. Въ дѣйствительности же истинную жизнь нашу составляетъ только сознаніе того духовнаго существа, которое отдѣ-

лено отъ всего остального и заключено въ предѣлы тѣла и движенія.

VIII. Духовное существо это всегда равно само себѣ и не подлежитъ измѣненіямъ; намъ же кажется, что оно растетъ и расширяется во времени, т.-е. движется. Движутся же только предѣлы, въ которыхъ оно находится; намъ это кажется такъ же, какъ кажется, что движется мѣсяцъ, когда тучи бѣгутъ черезъ него.

IX. Жизнь есть жизнь только тогда, когда проявляется сознаніе, когда изъ-за предѣловъ выступаетъ сознаніе. И оно всегда есть. Тѣ промежутки отсутствія сознанія, которые намъ кажутся, намъ кажутся только тогда, когда мы смотримъ на движеніе предѣловъ сознанія въ другихъ существахъ. Когда же смотримъ изъ себя, мы знаемъ, что сознаніе одно и не измѣняется, не начинается и не кончается.

X. Жизнь представляется сначала человѣку матеріально-пространственной и движущейся, временной. Человѣкъ признаетъ сначала своей жизнью тѣ предѣлы, представляющіеся ему движущейся матеріей, которые отдѣляютъ его отъ всего, и полагаетъ, что его жизнь матеріально пространственна и самодвижно-временна, и въ движеніи этой матеріи во времени видитъ свою жизнь. Въ прекращеніи же движенія этой матеріи онъ видитъ прекращеніе своей жизни.

XI. Въ этой увѣренности человѣка поддерживаетъ наблюденіе надъ другими людьми, постоянно представляющимися ему матеріальными въ пространствѣ и движущимися во времени. Наблюденіе непрерывности движенія матеріи въ другихъ существахъ заставляетъ человѣка думать, что и его жизнь непрерывно движется во времени, хотя внутренно онъ не только не испытываетъ этой непрерывности движенія, но испытываетъ одно неподвижное, всегда равное себѣ сознаніе, которое только для внѣшняго наблюденія раздѣляется промежутками сна, сумасшествія, страстей—въ дѣйствительности же всегда одно.

XII. Такъ что люди приписываютъ два различныхъ значенія слову „жизнь". Одно значеніе есть понятіе движущейся, отдѣленной отъ всего остального матеріи, признаваемой человѣкомъ собою, и второе—неподвижное, всегда равное себѣ духовное существо, которое человѣкъ признаетъ собою.

XIII. Понятія эти кажутся различными, но въ сущности это не два, а только одно понятіе: понятіе сознанія себя *духовнымъ существомъ, заключеннымъ въ предѣлы.* Признаніе жизнью про-

странственнаго и временнаго существованія отдѣленнаго существа есть только недодуманность. Сознаніе себя отдѣленнымъ отъ всего существомъ возможно только для духовнаго существа. И потому жизнь всегда есть жизнь духовнаго существа. Духовное же существо не можетъ быть ни пространственно, ни временно.

XIV. И потому признаніе всей жизнью матеріальнаго, временнаго существованія человѣка есть ошибка мысли, есть признаніе части за цѣлое, послѣдствія за причину,—есть такая же ошибка мысли, какъ признаніе силою, движущею колесомъ мельницы, падающей струи воды, а не рѣки.

XV. Различіе между признаніемъ жизнью духовнаго неизмѣннаго начала, а не проявленія его въ тѣхъ предѣлахъ, въ которыхъ оно проявляется, всегда было дѣлаемо всѣми религіозными учителями. На этомъ разъясненіи различія двухъ понятій жизни основано ученіе евангелія объ истинной жизни: жизни духа и ложной жизни: жизни плотской, временной.

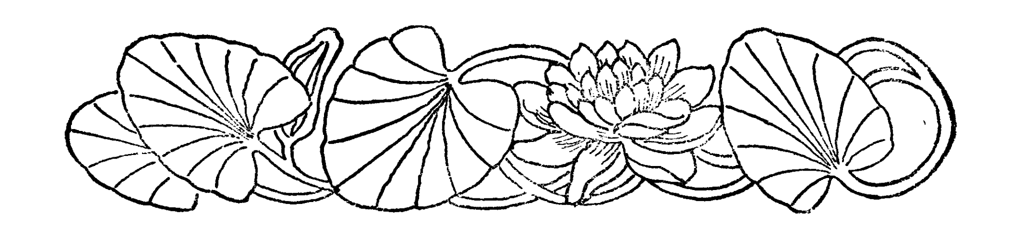
XVI. Разъясненіе это очень важно потому, что изъ сознанія того, что истинная жизнь заключается только въ духовномъ существѣ, вытекаетъ все то, что называютъ добродѣтелью и что даетъ наибольшее благо людямъ. Изъ этого сознанія вытекаетъ то, что составляетъ основу всѣхъ добродѣтелей: вытекаетъ любовь, т. е. признаніе собою жизни всѣхъ существъ міра.

XVII. Изъ этого же сознанія, которое и есть не что иное, какъ то, что мы называемъ совѣстью, вытекаетъ воздержаніе, безстрашіе, самоотверженіе, потому что только при воздержаніи, безстрашіи, самоотверженіи возможно исполненіе основного требованія сознанія: признаніе собою другихъ существъ, т. е. любви.

XVIII. Человѣкъ, познавшій свою жизнь, подобенъ (кажется, такъ говорилъ Паскаль) человѣку рабу, который вдругъ узнаетъ, что онъ царь.

Левъ Толстой.

Мистики.

Д-ра Р. Штейнера.

Джордано Бруно и Ангелусъ Силезіусъ.

Въ первой четверти XVI столѣтія естественно-научный геній Николая Коперника (1473 1543) выступаетъ съ такой системой мысли, которая заставляетъ людей послѣдующаго періода смотрѣть на звѣздное небо съ совершенно иными представленіями, чѣмъ смотрѣли ихъ предки въ древности и въ средніе вѣка. Для послѣднихъ земля была ихъ неподвижной обителью въ центрѣ вселенной. Созвѣздія же были для нихъ Сущностями, совершенными по своей природѣ, такъ какъ ихъ движеніе было кругообразно, а кругъ являлся тогда символомъ совершенства. Во всемъ, что небесныя созвѣздія говорили человѣческимъ чувствамъ, усматривалось нѣчто высшее, нѣчто духовное. Одну рѣчь вели съ человѣкомъ предметы и явленія земли; другую рѣчь—сіяющія свѣтила, появлявшіяся въ чистомъ эфирѣ по ту сторону луны и казавшіяся одухотворенными обитателями пространства. Уже Николай Кузанскій составилъ для себя иныя понятія о небесныхъ пространствахъ *).

Благодаря Копернику, земля преобразилась для людей въ планету, родственную всѣмъ остальнымъ небеснымъ тѣламъ, въ созвѣздіе, подлежащее такимъ же законамъ движенія. И вся разница, которой отнынѣ земля отличалась отъ остальной вселенной, сводилась въ сознаніи человѣка къ тому, что она представляетъ собой мѣсто его обитанія. Онъ былъ принужденъ мыслить явленія, происходящія на его землѣ, такъ же, какъ и явленія остальной

*) См. первую страницу главы о Николаѣ Кузанскомъ въ „Вѣстникѣ Теософіи“. № 7—8. 1910 г.

вселенной. И, благодаря этому, міръ его сознанія расширился до самыхъ отдаленныхъ предѣловъ. Онъ былъ принужденъ все, достигающее до его зрѣнія, признать за такой же чувственный міръ, какъ и міръ, окружающій его на землѣ. И онъ уже не могъ болѣе искать въ пространствахъ эѳира присутствія Духа посредствомъ тѣхъ же орудій, какими познается чувственный міръ.

Съ этимъ расширеннымъ сознаніемъ долженъ былъ впредь считаться каждый, стремившійся къ высшему познанію. Въ прежнія времена мыслящій человѣческій духъ стоялъ передъ иной дѣйствительностью. Теперь же передъ нимъ была поставлена новая задача. Теперь изнутри человѣка могли говорить не одни лишь предметы этой земли. Его внутренній міръ долженъ былъ обнять духовную суть всей чувственной вселенной, которая всюду одинаковымъ образомъ наполняетъ міровое пространство.

Передъ такой задачей стоялъ мыслитель изъ Нолы, Джордано Бруно (1548—1600). Къ тому времени орудія человѣческихъ чувствъ завоевали вселенную; приходилось разыскивать духовное уже внѣ космическаго пространства. Такимъ образомъ, человѣческая мысль была какъ бы принуждена искать духовное лишь тамъ, гдѣ, на основаніи глубокихъ внутреннихъ переживаній искали его тѣ мыслители, рядъ которыхъ только что прошелъ передъ нашими глазами. Эти мыслители творили *изъ себя* такое міросозерцаніе, къ которому позднѣе всѣ люди были приведены подвинувшимися естественными науками. То солнце, лучи котораго должны были освѣтить новое воззрѣніе на природу, для нихъ было все еще скрыто за горизонтомъ; но свѣтъ этого солнца уже появляется, подобно утренней зарѣ, въ такое время, когда пониманіе самой природы оставалось все еще подъ покровомъ ночного мрака.

Въ XIV столѣтіи естествознаніе перевело небесныя тѣла въ область чувственнаго міра, къ которому они дѣйствительно и принадлежатъ; до конца XIX столѣтія, наука продолжала во всѣхъ явленіяхъ растительной, животной и человѣческой жизни видѣть явленія чувственнаго порядка. Ни въ высотѣ эѳира, ни въ эволюціи живыхъ существъ, наука не искала ничего иного, кромѣ матеріально-чувственныхъ процессовъ. Какъ въ XVI вѣкѣ мыслитель долженъ былъ говорить: „земля есть такая же планета, какъ и другія планеты, подчиненныя тѣмъ же законамъ, какимъ подчиняются и онѣ“, такъ же долженъ былъ мыслитель XIX вѣка говорить: „каково бы ни было происхожденіе и будущее человѣка, для антропологіи онъ не болѣе какъ млекопитающееся, у кото-

раго организація, потребности и болѣзни отличаются необыкновенной сложностью, а мозгъ, съ его удивительными способностями, достигаетъ высочайшей степени развитія *).

Съ такой установленной естественными науками точки зрѣнія не можетъ уже болѣе происходить смѣшенія духовнаго и чувственнаго. Достигшее высокаго развитія естествознаніе не допускаетъ исканія въ природѣ духа по матеріальнымъ линіямъ; такое исканіе становится столь же невозможнымъ, какъ для здороваго мышленія невозможно искать причины передвиженія часовой стрѣлки не въ механическихъ законахъ (въ этомъ Духѣ неорганической природы), а въ какомъ-то особенномъ демонѣ, производящемъ перестановку стрѣлокъ. Съ полнымъ правомъ долженъ былъ Эрнстъ Геккель отвергнуть грубыя представленія матеріализованнаго Бога, недопустимаго для естествоиспытателя. Въ высшихъ и болѣе отвлеченныхъ формахъ тѣлесное явленіе отвергается, и Богъ почитается какъ чистый Духъ безъ тѣла. „Богъ есть Духъ, и кто ему поклоняется, долженъ поклоняться ему въ духѣ и истинѣ". И, тѣмъ не менѣе, душевная дѣятельность этого чистаго Духа остается совершенно тою же, какъ и дѣятельность очеловѣченнаго личнаго Бога. Въ дѣйствительности, этотъ *не* матеріальный Духъ мыслится не безтѣлеснымъ, а невидимымъ, газообразнымъ. Такимъ образомъ, мы получаемъ пародоксальное представленіе о Богѣ, какъ о газообразномъ позвоночномъ" **). Въ дѣйствительности, чувственно-реальное бытіе духа можетъ быть установлено лишь тамъ, гдѣ непосредственный чувственный опытъ раскрываетъ присутствіе духовнаго начала. Превосходный мыслитель, Б. Карнери, сказалъ: „Утвержденіе, что нѣтъ матеріи безъ духа и духа безъ матеріи, заставило бы насъ распространить тотъ же вопросъ и на растеніе, и даже на первую попавшуюся каменную глыбу, которая едва ли представляетъ что-либо въ пользу этого коррелятивнаго понятія" ***). Духовныя явленія, какъ факты, суть лишь результаты различныхъ дѣятельностей организма; и міровой Духъ присутствуетъ въ мірѣ не матеріальнымъ образомъ, а только духовнымъ образомъ. Душа человѣка есть сумма явленій, въ которой Духъ является наиболѣе непосредственнымъ образомъ какъ *дѣйствительность.* Но въ видѣ такой души, Духъ проявляется *только* въ человѣкѣ. И если кто

*) Paul Topinard: Anthropologie, Leipzig. 1888, S. 528.

**) Häckel, Welträtsel. S. 333.

***) B. Carneri, *Empfindung und Bewusstsein*, S. 15.

представляетъ себѣ Духа не только въ видѣ человѣческой души, но и въ видѣ иныхъ душъ, принадлежащихъ инымъ земнымъ существамъ, тотъ не понимаетъ что такое Духъ и совершаетъ великій грѣхъ противъ него. Кто это дѣлаетъ, доказываетъ одно: что онъ самъ никогда не переживалъ присутствія въ себѣ духа и знаетъ въ себѣ только одну жизнь души, этого внѣшняго проводника Духа. А это равняется тому, какъ если бы нарисованный карандашомъ кругъ принять за настоящій, математически-идеальный кругъ. Кто не переживаетъ внутри себя ничего иного, кромѣ *душевной* формы духа, тотъ чувствуетъ себя принужденнымъ одарять такой же душевной формой и внѣчеловѣческій міръ, чтобы не останавливаться на ступени грубо-чувственной матеріальности. Вмѣсто того, чтобы мыслить Первопричину вселенной какъ Духъ, онъ мыслитъ ее какъ Міровую Душу и признаетъ всеобщее одухотвореніе природы.

Джордано Бруно, на котораго новое Коперниковское міросозерцаніе оказало свое вліяніе, не могъ понимать присутствіе Духа въ мірѣ, изъ котораго этотъ Духъ былъ такъ долго изгоняемъ, иначе, какъ въ видѣ *Міровой Души*. Если бы глубже проникнуть въ произведенія Бруно, въ особенности въ его глубокомысленную книгу „о Причинѣ, Началѣ и Единомъ", получается впечатлѣніе, что онъ мыслилъ всѣ вещи одушевленными, хотя и въ различной степени. Онъ еще не переживалъ Духа внутри себя, поэтому онъ и представляется ему въ видѣ человѣческой души. Когда онъ говоритъ о Духѣ, онъ понимаетъ его именно такимъ образомъ. „Міровой Разумъ есть наиболѣе внутренняя, дѣйствительная и существенная способность и потенціальная часть Міровой Души; онъ есть та тождественность, которая наполняетъ великое Цѣлое, освѣщаетъ вселенную и направляетъ природу, чтобы она производила свои виды такими, какими они должны быть". Хотя въ этихъ словахъ Духъ изображается не какъ „газообразное позвоночное", но все же какъ существо, сходное съ человѣческой душой. „Какъ бы ничтоженъ и малъ ни былъ тотъ или другой предметъ, онъ заключаетъ въ себѣ частицу духовной субстанціи, которая, какъ только имѣется для того субстратъ, неизмѣнно стремится стать растеніемъ, или животнымъ, или инымъ организованнымъ тѣломъ, которое носитъ обыкновенно названіе одушевленнаго. Ибо Духъ находится во всѣхъ вещахъ и не существуетъ ни единаго малѣйшаго тѣльца, которое было бы лишено способности стать одушевленнымъ". Именно благодаря тому, что Джордано Бруно не переживалъ въ себѣ Духа опытнымъ обра-

зомъ, могъ онъ смѣшивать жизнь Духа съ внѣшними механическими процессами, посредствомъ которыхъ Раймондъ Луллусъ (1235—1315) въ своемъ произведеніи „Великое Искусство" считалъ возможнымъ раскрыть тайны Духа. Новѣйшій философъ Францъ Брентано описываетъ это великое искусство такъ: „на концентрическихъ, по одиночкѣ вращающихся кругахъ, были начертаны понятія, и затѣмъ изъ нихъ, путемъ вращенія, производились разнообразнѣйшія комбинаціи". То, что при вращеніи случайно складывалось, то служило поводомъ для сужденія о высочайшихъ истинахъ. И Джордано Бруно, въ теченіе своихъ многочисленныхъ передвиженій черезъ Европу, выступалъ въ различныхъ университетахъ какъ учитель этого „Великаго Искусства". Онъ обладалъ достаточнымъ мужествомъ, чтобы мыслить небесныя созвѣздія какъ міры, совершенно аналогичные нашей землѣ; естественно-научную точку зрѣнія онъ примѣнялъ также и къ землѣ; онъ уже не мыслилъ міровыя тѣла въ видѣ *тѣлесныхъ* Духовъ, но онъ все же представлялъ ихъ себѣ, какъ *душевные* Духи. Нужно отдать справедливость тому человѣку, который мыслилъ настолько необычно, что католическая церковь заставила его расплатиться за это смертью. Было огромнымъ шагомъ впередъ ввести, такъ сказать, все небесное пространство въ область того же міросозерцанія, которое до тѣхъ поръ относилось только къ однѣмъ земнымъ вещамъ, хотя бы Бруно при этомъ и надѣлялъ чувственное душевными свойствами.

* * *

Личностью, соединявшей въ большой душевной гармоніи все то, что подготовили Таулеръ, Вейгель, Яковъ Бёме и другіе, является Іоганъ Шеффлеръ, называемый Ангелусъ Силезіусъ (1624—1677). Какъ бы въ одномъ духовномъ фокусѣ соединенными и яркимъ свѣтомъ сіяющими являются идеи названныхъ мыслителей въ его книгѣ *Cherubinisher Wandersmann. Geistreiche Sinn—und Shlussreime.* И все, что Ангелусъ Силезіусъ высказываетъ, является такимъ непосредственнымъ откровеніемъ его личности, что кажется, будто для этого человѣка было особымъ предопредѣленіемъ воплотить въ своемъ личномъ образѣ всю полноту ихъ соединенной мудрости. Понятная и выразительная форма, въ которой у него появляется эта мудрость, происходитъ и потому, что онъ ее облекаетъ въ изреченія, поразительныя по своей

художественной формѣ. Онъ поднимается, подобно окрыленному духу, надъ всѣмъ земнымъ бытіемъ; и все, что онъ высказываетъ, подобно дуновенію изъ иного міра, свободнаго отъ всѣхъ грубыхъ и нечистыхъ примѣсей, изъ которыхъ человѣческая мудрость выдѣляется лишь постепенно и съ большимъ трудомъ.

Познающимъ въ смыслѣ Ангелуса Силезіуса можетъ быть лишь тотъ, у кого раскрылось зрѣніе для всего, какъ единаго цѣлаго; въ истинномъ смыслѣ видитъ его лишь тотъ, кто чувствуетъ дѣятельную руку этого великаго цѣлаго: „Богъ является во мнѣ огнемъ, а я въ немъ свѣченіемъ: не сопричастны ли мы другъ другу самымъ тѣснымъ образомъ?“—„Я столь же богатъ, какъ и Богъ; нѣтъ ни единой пылинки, которую бы я—вѣрь мнѣ, человѣкъ—не имѣлъ бы съ нимъ сообща“.—„Богъ любитъ меня болѣе, чѣмъ себя; и если я люблю его болѣе чѣмъ себя, то я отдаю ему столько же, сколько онъ отдаетъ мнѣ изъ себя“.—„Птица паритъ въ воздухѣ, камень покоится на землѣ, въ водѣ живетъ рыба, а мой духъ въ рукѣ Божіей“.—„Родился ты изъ Бога,—Богъ расцвѣтаетъ въ тебѣ; и божественность его дѣлается твоимъ сокомъ и твоей красотой“.—„Остановись, куда бѣжишь ты? Небо въ тебѣ: будешь ты искать Бога въ другомъ мѣстѣ, ты не найдешь его никогда“.

Для того, кто чувствуетъ себя такимъ образомъ въ единеніи со всѣмъ сущимъ, кончается всякое раздѣленіе между нимъ и другимъ существомъ; онъ уже перестаетъ чувствовать себя какъ единичный индивидуумъ; онъ начинаетъ чувствовать все, что въ немъ, частью міра, а свою собственную сущность — какъ всю міровую полноту. „Не міръ держитъ тебя; ты самъ тотъ міръ, который держитъ тебя заключеннымъ въ себѣ и съ собою“.—„Человѣкъ не овладѣетъ полнымъ блаженствомъ, пока Единство не поглотитъ различія“. „Человѣкъ заключаетъ въ себѣ всякую вещь: если же ему чего-либо не хватаетъ—воистину онъ самъ не знаетъ своего богатства“. Какъ существо чувственное, человѣкъ является единицей между другими единицами, и его органы чувствъ приносятъ его земной индивидуальности чувственныя вѣсти относительно всего, внѣ его заключеннаго во времени и пространствѣ; но если въ человѣкѣ начинаетъ говорить Духъ, тогда нѣтъ уже ни внѣшняго, ни внутренняго. Для Духа нѣтъ ни „здѣсь“, ни „тамъ“, ни „ранѣе“, ни „позднѣе“: время и пространство исчезаютъ въ истинномъ представленіи единаго Духа. Лишь пока человѣкъ мыслитъ какъ индивидуумъ, онъ представляетъ себя здѣсь,

а другого—тамъ; и только пока онъ взираетъ какъ индивидуумъ, одно является для него прежде, а другое позднѣе. „Человѣкъ, поскольку твой духъ паритъ надъ мѣстностью и временемъ, можешь ты взирать своимъ взоромъ въ вѣчность". „Я самъ есмь вѣчность, когда покидаю время и соединяю себя съ Богомъ, а Бога съ собой". „Та роза, которую видитъ твое внѣшнее око, цвѣла уже отъ вѣка въ Богѣ". „Помѣсти себя въ срединную точку, и ты увидишь все сразу, что происходитъ теперь, и тогда, и здѣсь, и на небесахъ". „Пока внутри тебя, о другъ, еще есть пространство и время, ты не можешь схватить ни Бога, ни вѣчности". „Когда человѣкъ отходитъ отъ многообразія и возвращается къ Богу, тогда приходитъ онъ къ единству". Такой внутренней жизнью достигается та высота, на которой человѣкъ поднимается надъ своимъ индивидуальнымъ *я* и уничтожаетъ всякое противоположеніе между міромъ и собой. Тогда начинается для него высшая жизнь; подобно смерти всего стараго и воскресенія въ новую жизнь является для него то внутреннее переживаніе, которое овладѣваетъ имъ. „Когда ты поднимаешься надъ собою и предоставляешь Богу распоряжаться, тогда начинаетъ совершаться въ твоемъ духѣ вознесеніе". „Тѣло должно возвышаться въ духѣ, а духъ подниматься въ Богѣ; пока ты въ немъ, о человѣкъ, твоя жизнь будетъ вѣчнымъ блаженствомъ". „Поскольку мое собственное *я* во мнѣ голодаетъ и уменьшается, постольку Божіе *Я* прибываетъ во мнѣ въ силѣ". Исходя изъ такой точки зрѣнія, человѣкъ познаетъ свое собственное значеніе и значеніе всѣхъ вещей въ царствѣ вѣчной необходимости. Вселенское Все является ему непосредственно какъ божественный Духъ. Мысль о божественномъ Духѣ, могущимъ имѣть бытіе надъ вещами и рядомъ съ ними, исчезаетъ, какъ побѣжденная иллюзія. Этотъ божественный Духъ является до такой степени вылившимся въ предметы вселенной, такъ существенно соединеннымъ съ ними въ одно цѣлое, что онъ становится уже немыслимъ, если извлечь изъ него хотя бы единое звено. „Нѣтъ ничего кромѣ Меня и Тебя; и если бы насъ двоихъ не было, Богъ былъ бы не Богъ и небеса не могли бы стоять незыблемо". Человѣкъ чувствуетъ себя необходимымъ звеномъ въ міровой цѣпи. Его дѣятельность перестаетъ быть произвольной, двигаемой личнымъ хотѣніемъ. Все, что онъ дѣлаетъ, необходимо въ міровой цѣпи, которая бы распалась, если бы изъ нея выпала его дѣятельность. „Богъ не можетъ сдѣлать безъ меня даже ничтожнаго червячка: не будетъ меня въ его державѣ, и червячекъ немедленно долженъ сгинуть". „Я знаю,

что безъ меня Богъ не проживетъ и секунды: превращусь я въ ничто, тогда и его духъ превратится въ ничто". Только на такой высотѣ начинаетъ видѣть человѣкъ всѣ вещи въ ихъ истинной сущности. Ему уже нѣтъ нужды всему, вплоть до мельчайшаго и грубо чувственнаго, придавать извнѣ, духовную сущность, ибо, каково бы ни было это мельчайшее во всей своей малости и матеріальности, оно все же членъ въ великомъ цѣломъ: „Нѣтъ пылинки слишкомъ презрѣнной, нѣтъ частички слишкомъ ничтожной: мудрецъ можетъ и въ нихъ видѣть Бога во всемъ великолѣпіи". „Въ маломъ горчичномъ зернѣ, если ты только сумѣешь понять, найдешь ты образъ и высшихъ всѣхъ, и низшихъ всѣхъ вещей". На этой высотѣ человѣкъ чувствуетъ себя свободнымъ, ибо насиліе бываетъ только тогда, когда оно дѣйствуетъ извнѣ. Когда же все внѣшнее влилось во внутренній міръ, когда противоположеніе между „я и міръ внѣ меня", „внѣшнее и внутреннее", „природа и духъ" уже не существуетъ, тогда все, побуждающее къ дѣйствію, человѣкъ признаетъ уже какъ свое собственное побужденіе. „Ввергни меня—съ какою силою хочешь—въ тысячу желѣзныхъ оковъ, я все же останусь свободнымъ и незакованнымъ". „Когда умираетъ моя личная воля, тогда Богу остается дѣлать то, что я хочу: я самъ предписываю Ему и начертаніе, и цѣль". И тогда для человѣка прекращаются всѣ исходящія извнѣ нравственныя нормы; человѣкъ становится самъ для себя и мѣриломъ и цѣлью. Онъ не подчиненъ никакому закону, ибо и самъ законъ становится *его* сущностью. „Для злого лишь—законъ; не будь никакихъ заповѣдей, праведные все же сохранили бы любовь и къ Богу и къ ближнему". На высшей ступени сознанія человѣкъ дѣйствительно обрѣтаетъ *невинность природы*. Онъ совершаетъ задачи, поставленныя передъ нимъ, съ чувствомъ вѣчно необходимости. Онъ говоритъ себѣ: въ силу этой же желѣзной необходимости тебѣ предоставлено изъять изъ этой необходимости то звено, которое выпало на *твою* долю. „Люди, учитесь же отъ полевыхъ цвѣтовъ: какъ можно угодить Богу и все же быть прекрасными". „У розы нѣтъ „зачѣмъ" и „почему"; она цвѣтетъ, потому что способна цвѣсти: она не думаетъ о себѣ и не спрашиваетъ видятъ ее, или не видятъ". Поднявшійся на высшую ступень человѣкъ ощущаетъ въ себѣ вѣчное, необходимое стремленіе великаго Цѣлаго такъ же, какъ его ощущаетъ полевой цвѣтокъ. Онъ дѣйствуетъ такъ же, какъ цвѣтетъ полевой цвѣтокъ. Чувство своей нравственной отвѣтственности растетъ въ немъ при этомъ до неизмѣримыхъ размѣровъ. Ибо все то, что онъ

могъ бы свершить и не свершилъ, отнимается отъ великаго Цѣлаго, убиваетъ это Цѣлое, насколько это зависитъ отъ него. „Что значитъ *не грѣшить?* Нечего объ этомъ долго спрашивать; иди, и тебѣ скажутъ о томъ нѣмые цвѣты на лугу". „Все должно подлежать закланію; если ты не сдѣлаешь этого ради Господа, съ тобой—ради Врага—сдѣлаетъ то же самое вѣчная смерть".

Переводъ съ нѣмецкаго Е. П.

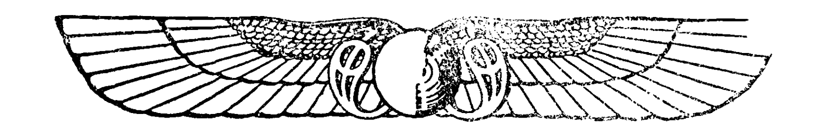
Нѣкоторыя изъ колебаній духовнаго міра мы чувствуемъ, нѣкоторыя еще не дошли до насъ, но они идутъ, какъ идетъ свѣтъ отъ звѣзды еще невидимой для нашего глаза.

Законъ, который мы познаемъ въ насъ самихъ, какъ законъ нашей жизни, есть тотъ самый законъ, по которому совершаются всѣ внѣшнія явленія міра, но съ той разницей, что мы въ себѣ познаемъ этотъ законъ, какъ то, что мы сами должны совершить.

Ложное знаніе нашего времени принимаетъ, что мы знаемъ то, чего не можемъ знать, и не знаемъ того, что мы можемъ знать. То, что несомнѣнно извѣстно человѣку — его разумное сознаніе, кажется ему непознаваемымъ, потому что оно не просто, а то, что несомнѣнно непостижимо для него, безграничное и вѣчное вещество,—то и кажется ему познаваемымъ, потому что оно по отдаленію своему отъ него кажется ему просто. Вѣдь какъ разъ наоборотъ.

Все, что вноситъ единеніе между людьми, есть благо и красота; все, что ихъ разъединяетъ — зло и уродство. Всѣ люди знаютъ эту истину. Она запечатлѣна въ нашемъ сердцѣ.

(Мысли Льва Николаевича Толстого).

Древняя Мудрость на протяженіи вѣковъ.

Д-ра Теофиля Паскаль.

*(Окончаніе *).*

Всемірная жертва.

Идея созданія міра тѣсно связана съ идеей жертвы. Мы видѣли, что безконечное жертвуетъ собою, чтобы возникъ Логосъ. Логосъ-Троица—жертвуетъ собою, чтобы создать существа вселенной—онъ даетъ имъ тѣло отъ своего тѣла, душу—отъ огня своей жизни, сознательное „я"—отъ лучей своего „Я".

Жертва повсюду, безъ нея ничто не могло бы существовать.

Атомы, жертвуя собой, даютъ возможность построить органы; органы жертвуютъ собою для общей жизни тѣла; физическое тѣло, проявляющее физико-химическую жизнь, должно быть пожертвовано въ пользу болѣе тонкихъ тѣлъ, которыя даютъ возможность чувствовать, думать, любить и хотѣть. Тѣло чувствованья жертвуется для тѣла мысли, но и разумъ, обуздывающій страсти, приносится въ свою очередь въ жертву любви, которая одна должна властвовать надъ всѣмъ, и надъ разумомъ, и надъ волей.

Если взять болѣе обширное поле наблюденія, мы увидимъ, что въ первой половинѣ эволюціи жертва *требуется.*

Формы, вначалѣ безсознательныя, не могутъ отдавать себя добровольно, онѣ берутся дѣйствіемъ закона; когда же онѣ становятся мыслящими существами, достигаютъ ступени человѣчества, тогда наступаетъ борьба между разумомъ и сердцемъ: разумъ хочетъ сохранять, а сердце желаетъ давать. До тѣхъ поръ, пока сердце не выраститъ, будетъ властвовать разумъ, и до тѣхъ поръ не прекратится борьба. Въ настоящее время мы находимся какъ разъ въ этомъ періодѣ.

---

*) См. „Вѣстникъ Теософіи" 1910 г., № 11.

Когда же сердце станетъ сильнѣе всего остального, тогда самопожертвованіе будетъ истекать само собою изъ любви и сострадания: и тогда настанетъ миръ, единеніе, золотой вѣкъ будущаго.

Слѣдовательно, первая ступень закона эволюціи есть законъ болѣе приспособленнаго, т. е. болѣе сильнаго: отсюда борьба за существованіе. Вторая ступень—законъ наиболѣе совершеннаго, законъ жертвы, законъ божественности.

Когда человѣкъ становится Христомъ, когда любовь Логоса начала проявляться въ немъ, онъ отдаетъ себя въ свою очередь, онъ принимаетъ крестъ жертвы. Онъ страдаетъ потому, что сердце его приближается къ зрѣлости; онъ начинаетъ чувствовать въ себѣ отголосокъ вибрацій всей вселенной; онъ живетъ жизнью другихъ существъ и чувствуетъ ихъ радости и горести, какъ свои. Онъ страдаетъ... Иначе и быть не можетъ, ибо эволюція подобна размаху часового маятника: чѣмъ выше онъ поднимается, тѣмъ ниже опускается, чѣмъ длиннѣе періодъ свѣта, тѣмъ продолжительнѣе періодъ тьмы, чѣмъ ярче свѣтъ, тѣмъ гуще тьма, чѣмъ выше радость, тѣмъ глубже печаль. Человѣчество, подобно эволюціи подвигается также циклически. Человѣкъ страдаетъ еще и потому, что его путь очень крутъ, и что въ короткое время онъ долженъ накопить большое количество опыта. Въ концѣ своего пути онъ долженъ пройти Голгоѳу, пройти черезъ высшее испытаніе, когда ученикъ остается одинъ съ своими силами, когда ему кажется, что все у него отнимается: и друзья, и руководитель; самъ Богъ какъ бы оставляетъ его.

Вотъ почему эта стезя называется Путемъ Страданія, по той же причинѣ и ученикъ называется человѣкомъ страданія. Печаль охватываетъ его; его жертва не всегда радостна, каковой бываетъ жертва Бога, и это потому, что онъ не совершененъ: въ немъ происходитъ внутренняя борьба между его ограниченнымъ личнымъ „я“, не желающимъ жертвовать собою, боящимся, что, отдавая себя, оно потеряетъ самую жизнь, и всевѣдущимъ сердцемъ, которое знаетъ, что, отдавая свою жизнь, оно получитъ жизнь вѣчную.

Прекрасный символъ этой борьбы данъ христіанствомъ; онъ изображенъ въ жизни евангельскаго Христа, въ мистическомъ Христѣ человѣчества. Я постараюсь изложить его въ нѣсколькихъ словахъ и вы увидите, какъ въ немъ отмѣчена двойственность состояній радости и печали, свѣта и тьмы.

Христосъ рождается; появляется звѣзда; это—звѣзда посвященія, хорошо извѣстная мистикамъ.

Онъ рождается въ ясляхъ, гдѣ кормятся животныя: божественная жизнь является, чтобы просвѣтить и овладѣть животнымъ тѣломъ, его страстями. Въ то же время радость (посвященіе) проникаетъ въ душу.

И немедленно затѣмъ начинается страданіе, циклическій оборотъ возвращаетъ душу къ темной сторонѣ природы: угроза Ирода символируетъ вредныя силы природы, которыя, видя рожденіе будущаго Спасителя, хотятъ задушить его въ колыбели и воспрепятствовать его росту. Возобновляется борьба. еще болѣе жестокая и упорная, чѣмъ она была ранѣе, до появленія Спасителя.

Но Христосъ продолжаетъ развиваться, и позднѣе появляется Отецъ, чтобы благословить его. Это выражено въ крещеніи водой, дающемъ новыя силы. Здѣсь опять радостная сторона.

Послѣ сошествія силы слѣдуетъ искушеніе—снова полюсъ страданія.

Злыя силы прельщаютъ Христа честолюбіемъ и гордостью, онѣ побуждаютъ его воспользоваться своими силами для себя самого. Но онъ далъ обѣтъ употреблять ихъ только для другихъ.

Христосъ продолжаетъ расти. Онъ преображается на горѣ, гдѣ встрѣчаетъ Великихъ Существъ (Моисея и Илью), которые предшествовали ему и привѣтствуютъ его: это—третье Посвященіе, новая волна божественной жизни, наполняющая душу радостью и новыми силами.

Но за Ѳаворомъ слѣдуетъ Голгоѳа.

Наконецъ, четвертая радость, новое торжество: въѣздъ въ Іерусалимъ, а за нимъ видѣніе Голгоѳы.

Объ этомъ переживаніи, объ этомъ часѣ одиночества и полной покинутости я и упоминалъ, говоря о послѣднемъ испытаніи ученика.

Страшная печаль охватываетъ душу, печаль, которая рождается отъ кажущейся безплодности страданія: эту печаль долженъ былъ испытывать на Голгоѳѣ историческій Христосъ, когда провидѣлъ, съ какою медленностью будетъ распускаться цвѣтокъ христіанства...

Тогда наступаетъ чувство одиночества и начинаются страданія человѣка: сначала клевета, несправедливыя обвиненія; затѣмъ измѣна, поцѣлуй Іуды, покинувшіе друзья, отреченіе Петра, судъ и приговоръ. Бичеваніе прибавляетъ физическую боль къ боли душевной; разрываніе одеждъ означаетъ подозрѣніе и богохульство.

На Ученика возлагаютъ крестъ униженія; онъ падаетъ на дорогѣ и ему, разбитому, никто не помогаетъ подняться, кромѣ не имѣющихъ значенія Симона и св. женъ; онъ остается совершенно одинъ.

Его прибиваютъ гвоздями къ позорному дереву и проходящіе говорятъ: „другихъ спасалъ, а себя не можетъ спасти!“ А онъ могъ бы дѣйствительно разбить этотъ крестъ и подняться торжествующимъ; онъ обладалъ всѣми необходимыми для этого силами, но онъ далъ обѣтъ употреблять эти силы только для пользы другихъ. Самъ же онъ рѣшилъ предать себя на волю Отца и ждать.

Но одиночество его полное: злыя силы торжествуютъ. Его „Я“ въ агоніи стонетъ: „Боже мой, Боже мой, для чего ты меня оставилъ?“ Затѣмъ онъ отдаетъ себя и говоритъ: „Да будетъ воля Твоя... Въ руки Твои предаю духъ Мой“.

Послѣ того слѣдуетъ ударъ копьемъ, пронзается Его сердце, послѣднія капли крови падаютъ на крестъ; такъ послѣдняя капля жизни Посвященнаго должна быть пролита за человѣчество.

Онъ умираетъ; личное „Я“ побѣждено, жизнь его перешла въ жизнь сердца, въ божественную жизнь.

Онъ спускается въ адъ.

Когда отдавшій себя въ жертву Посвященный становится Спасителемъ міра, онъ владѣетъ всѣми силами, онъ можетъ дѣйствовать и помогать страдающимъ душамъ во всѣхъ мірахъ, видимыхъ и невидимыхъ и, говоритъ преданіе, можетъ освободить извѣстное число душъ, пребывающихъ въ, такъ называемомъ, „аду“.

Наконецъ, какъ прославленный и торжествующій Христосъ, онъ воскресаетъ и возносится къ Отцу.

Таковъ Христіанскій символъ жизни человѣческаго Христа, Человѣка Скорби, становящагося Спасителемъ міра.

Теперь я передамъ въ нѣсколькихъ словахъ египетскій символъ послѣдняго акта великой Голгоѳской драмы, чтобы показать его тождество съ предшествующимъ символомъ.

Въ Египтѣ ученика, съ свободно связанными членами, помѣщали на выдолбленный крестъ; затѣмъ его погружали въ трансъ. Вслѣдъ за тѣмъ къ его сердцу прикасались тирсомъ; тирсъ—символъ воскресшаго человѣка, обладающаго могуществомъ, символъ человѣческой нервной системы, которая служитъ проводникомъ для божественной силы, проявляющейся въ видимомъ мірѣ. Когда человѣкъ становится носителемъ тирса, говоритъ св. Климентъ

Александрійскій, онъ получаетъ силу отдавать всю свою жизнь, т. е. помогать всѣми силами, на какія способенъ божественный человѣкъ.

Прикосновеніе тирса къ сердцу посвященнаго означало, что онъ достигъ необходимой силы, чтобы отдать человѣчеству всѣ свои силы до послѣдней капли крови.

Копье св. Логина есть лишь видоизмѣненіе этого символа; одинаково выразительный въ обоихъ случаяхъ, въ Египтѣ онъ болѣе научный, а у христіанъ болѣе трогательный.

Египетскаго посвященнаго опускали вслѣдъ за тѣмъ въ подземелье, тамъ онъ оставался три дня и три ночи, потомъ, на утро четвертаго дня, его выносили и помѣщали на востокъ отъ пирамиды, гдѣ восходящее солнце пробуждало его; это пробужденіе носило названіе третьяго рожденія.

Первое рожденіе онъ получалъ отъ человѣчества, второе—дѣлало его Христомъ, третье рожденіе дѣлало его Спасителемъ міра.

Такимъ образомъ мы видимъ, что жертва различна повсюду, и человѣческій Христосъ въ свою очередь пригвожденъ къ кресту. Символизмомъ креста мы и закончимъ эту лекцію.

Крестъ представляетъ собою дифференцированную матерію, какъ бы раздробленную на сегменты, иными словами—множественность. Распятый, это—божественная жизнь, заключающая себя въ матерію для ея оживотворенія.

Прообразъ всѣхъ распятыхъ есть Логосъ; Онъ изображался въ древности въ видѣ *Небеснаго Человѣка*, простирающаго руки съ выраженіемъ той радости, съ которой Онъ жертвуетъ собою изъ любви къ человѣчеству. Онъ не распростертъ на крестѣ, но изображаетъ крестъ своими руками.

Позднѣе, когда онъ погребаетъ себя въ природѣ, во Вселенной, онъ скрывается въ Крестѣ Воплощенія: греческій крестъ съ равными сторонами. Сначала въ немъ ничего не видно, затѣмъ онъ начинаетъ обнаруживать признаки оживленія: божественная энергія излучается изъ него, изъ его конечностей выходитъ пламя, это крестъ—древне-индусскій, свастика. Вскорѣ, подъ вліяніемъ напора жизни, крестъ начинаетъ вращаться, вдоль его частей пробѣгаетъ пламя, которое, расширяясь, образуетъ форму Мальтійскаго креста; вращаясь все скорѣе и скорѣе, онъ принимаетъ видъ колеса, пылающаго божественнымъ огнемъ; таковы самыя обыкновенныя формы символическаго креста, изображающаго созданіе Вселенной.

Существуетъ еще иная форма креста, появившаяся въ послѣдніе вѣка и давшая свое имя религіозному братству, пользовавшемуся въ тѣ времена большой извѣстностью. На точкѣ пересѣченія креста находится бутонъ розы, мало по малу распускающійся; розовѣющія краски жизни постепенно усиливаются, свѣтъ проникаетъ въ него, и онъ распускается въ розу на крестѣ.

Когда роза вполнѣ распускается, божественный огонь пробѣгаетъ вдоль всѣхъ сторонъ креста, пока онъ не достигнетъ полнаго расцвѣтанія божественной жизни.

На обѣихъ формахъ креста отсутствуетъ изображеніе Пригвожденнаго; Богъ еще не достаточно проявился, чтобы быть представленнымъ подъ видомъ человѣка.

Но при изображеніи жертвы второго лица Троицы, фигура распятаго появляется: это—латинскій крестъ, крестъ нашихъ распятій, крестъ воплощенія.

Двѣ стороны этого креста не равны; человѣческая фигура, распростертая на немъ, представляетъ Сына Божья, воплотившагося, чтобы быть распятымъ въ матеріи; но глаза его открыты, отъ него изливается радость, онъ отдается міру съ любовью.

Съ теченіемъ времени многія измѣненія произошли въ этомъ символѣ. Такъ, мы находимъ въ немъ терновый вѣнецъ; это означаетъ, что золотые лучи божественной славы потемнѣли благодаря погруженію въ матерію и превратились въ вѣнецъ униженія.

Наконецъ, начиная съ XII вѣка, на изображеніяхъ распятаго Христа появились закрытые глаза, выраженіе страданія и пронзенныя гвоздями руки и ноги.

Всюду и всегда крестъ былъ символомъ жертвы, жертвой же отличается и жизнь человѣка, идущаго къ богочеловѣчеству.

Въ заключеніе приведу два замѣчательные стиха, которые встрѣчаются въ руководствѣ для учениковъ восточныхъ учителей:

„Только тѣ дѣянія достойны жизни ученика, черезъ которыя блеститъ свѣтъ креста“.

И далѣе:

„Когда ученикъ вступаетъ на путь, онъ кладетъ свое сердце на крестъ; когда сердце и крестъ сольются въ одно, тогда онъ достигъ своей цѣли“.

Перев. **А. Г.**

Мистицизмъ.

(А. Безантъ).

Въ первые вѣка христіанства—мы знаемъ это изъ писаній многихъ Отцовъ Церкви и еще точнѣе оккультнымъ путемъ—существовали въ самой Церкви такъ называемыя „Мистеріи“. Черезъ нихъ человѣкъ, очистившійся и духовно развитой, приходилъ въ соприкосновеніе съ высшими существами, отъ которыхъ поучался и узнавалъ тайны „Царства Небеснаго“. Послѣ того, какъ Христосъ оставилъ свое физическое тѣло, Онъ продолжалъ являться своимъ ученикамъ и поучалъ ихъ въ теченіе многихъ лѣтъ, до тѣхъ поръ, пока тѣ, которые знали Его въ физическомъ мірѣ, въ свою очередь не покинули этого міра. Во все время, пока существовали христіанскія мистеріи, Іисусъ освящалъ ихъ, отъ времени до времени, своимъ присутствіемъ, также присутствовали на нихъ главные изъ его учениковъ. Такимъ образомъ шли бокъ о бокъ и въ полномъ согласіи ученія экзотерическое и эзотерическое. Мистеріи воспитывали для высокаго служенія Церкви людей, которые были дѣйствительно учителями для вѣрующихъ массъ, потому что сами они были посвящены въ „сокровенныя тайны Бога“ и могли говорить съ авторитетомъ „власть имѣющихъ“ или обладали прямымъ знаніемъ. Съ исчезновеніемъ Мистерій все стало медленно измѣняться и измѣняться къ худшему. Возникло различіе между ученіемъ эзотерическимъ и экзотерическимъ; они стали расходиться, и различіе это расло до тѣхъ поръ, пока глубокая пропасть не отдѣлила ихъ одно отъ другого.

Толпа вѣрующихъ, сгруппированная вокругъ экзотерическаго ученія, вскорѣ совершенно потеряла изъ виду мудрость эзоте-

ризма. Духъ все больше и больше замѣнялся буквой, а жизнь—формой.

Тогда началась въ христіанской Церкви борьба между священникомъ и мистикомъ, которая никогда уже не прекращалась. Священникъ всегда хранитель экзотеризма. Онъ блюститель внѣшняго порядка, онъ передаетъ традиціи изъ вѣка въ вѣкъ. Ему надлежитъ хранить непоколебимой чистоту религіи, съ неизмѣнной точностью повторять священныя формулы и передавать неизмѣннымъ ученіе Церкви *. Задача великая и благородная; неоцѣнимы заслуги его передъ народомъ. Онъ освящаетъ рожденіе, бракъ и смерть; онъ утѣшаетъ въ горѣ и очищаетъ въ радости. Въ угрюмую и сѣрую жизнь онъ вноситъ лучъ радости, поэзіи и красоты, онъ расширяетъ ея узкій горизонтъ видѣніемъ лучезарнаго будущаго. Унывающимъ и отчаивающимся онъ указываетъ на Распятіе, которое говоритъ имъ о страданіи, искупившемъ всякое горе; у изголовья умирающаго онъ шепчетъ обѣщаніе воскресенія и жизни вѣчной, о которой говоритъ христіанскій праздникъ Пасхи.

Безъ священника, который наставляетъ, исповѣдуетъ и утѣшаетъ, трудны были бы первые шаги восхожденія по лѣстницѣ человѣческой эволюціи.

Совершенно иной представляется жизнь мистика, одиноко живущаго на высотахъ. Онъ достигъ вершины, опередивъ свою расу. Никакая помощь, никакая поддержка, ничто изъ внѣшняго міра не доходитъ до него. Внимательно, неустанно прислушивается онъ къ тончайшимъ звукамъ внутренняго голоса, къ голосу Бога, живущаго въ немъ. Смиреннѣйшій изъ людей, когда онъ созерцаетъ окружающую его божественную красоту и неизмѣримыя глубины божественнаго Духа—онъ гордъ, когда противится указамъ внѣшняго авторитета, онъ мятежный и непокорный, когда отказывается склонить голову подъ внѣшнее иго Церкви. Со своими видѣніями, экстазами, исканіями, порывами къ свѣту, со своей внезапной, нераціональной экзальтаціей, смѣняющейся такой же внезапной, нераціональной подавленностью и тоской,.... — что мо-

---

*) Изъ всего предыдущаго и послѣдующаго ясно, что авторъ не смотритъ на антагонизмъ между мистиками и оффиціальными представителями Церкви, какъ на нѣчто нормальное, а видитъ въ немъ лишь временное явленіе, вызываемое упадкомъ духовности въ Церкви. По существу священники должны быть мистиками и представителями эзотеризма. и чѣмъ менѣе это осуществляется въ дѣйствительности, тѣмъ дальше, значитъ, отклонилась оффиціальная Церковь отъ первоначальнаго, нормальнаго порядка вещей. Примѣч. Редакціи.

жетъ онъ противопоставить опредѣленнымъ, точнымъ доктринамъ и верховному авторитету внѣшней Церкви?—Ничего, кромѣ неизмѣнной увѣренности, которую онъ не всегда можетъ объяснить или оправдать; ничего, кромѣ убѣжденности, которая при всѣхъ его колебаніяхъ, когда онъ хочетъ сообщить или объяснить что нибудь, остается непоколебимой въ немъ самомъ, несмотря ни на какія испытанія, насмѣшки или оскорбленія. Что же можетъ сдѣлать священникъ съ этимъ непокорнымъ, который свои видѣнія ставитъ выше толкованій Писаній, даваемыхъ Церковью, и который на всѣ требованія послушанія и подчиненія отвѣчаетъ утвержденіемъ своей неотъемлемой духовной свободы?— Также ничего; потому, что мистикъ не служитъ священнику, какъ и священникъ не служитъ мистику. Эта непреклонность мистика нарушаетъ установленный порядокъ Церкви. Отъ этого происходитъ та непрерывная борьба, въ которой вначалѣ священникъ кажется торжествующимъ, тогда какъ въ концѣ неизмѣнно побѣждаетъ мистикъ. Борьба кажется неравной: священникъ имѣетъ за собой всю силу величественной традиціи, многовѣковой исторіи, неизмѣннаго авторитета; тогда какъ мистикъ совершенно одинокъ. Но на самомъ дѣлѣ борьба не столь неравна, какъ она кажется, потому что мистикъ черпаетъ свои силы изъ источника, дающаго начало всѣмъ религіямъ, онъ погружается въ потокъ вѣчно возрождающихъ водъ, въ потокъ вѣчной Истины.— Поэтому, въ этой постоянно возобновляющейся борьбѣ, священникъ всегда побѣдитель въ мірѣ матеріальномъ, въ мірѣ формы— и всегда побѣжденный въ мірѣ духовномъ. Зачастую мистикъ, осужденный, преслѣдуемый, гонимый, пока живетъ въ своемъ физическомъ тѣлѣ, становится, какъ только онъ оставляетъ его, святымъ для своихъ гонителей, гласомъ истины для той самой Церкви, которая осудила его на молчаніе, краеугольнымъ камнемъ тѣхъ самыхъ стѣнъ, которыя были для него тюрьмой. Въ католической церкви, гдѣ эта борьба ведется изъ вѣка въ вѣкъ, она всегда приводитъ къ одному и тому же результату: Тереза Авьела (d'Avièla), которую духовникъ ея порицаетъ и осуждаетъ, становится для слѣдующихъ поколѣній—Св. Терезой. Сколько мужчинъ и женщинъ, на которыхъ смотрѣли съ недовѣріемъ и презрѣніемъ ихъ современники, стали потомъ центрами свѣта, къ которымъ тянулись тысячи вѣрующихъ сердецъ... Быть можетъ, такъ и должно это быть до тѣхъ поръ, пока не засіяетъ вновь божественная Мудрость, потому что иначе всякій мечтатель могъ бы быть принятъ за мистика, а истерія за откровеніе. Если истинный мистикъ можетъ

непоколебимо стоять подъ тяжестью оскорбленій, за то онъ одинъ можетъ сказать хотя-бы въ самомъ аду:—„Я знаю“. Католическая церковь, также и Православная сохранили систематическую тренировку въ религіозной жизни, настоящую подготовку къ оккультной жизни, которая всегда признавалась въ теоріи, хотя на практикѣ подвергалась сомнѣнію и оспаривалась. Поэтому въ этой Церкви столько святыхъ, такой великой духовной красоты, что невольно прощаешь ея жестокости за ту широкую волну духовной жизни, которая излилась на безплодную пустыню внѣшняго міра. Осуждая суровость и жестокость католической Церкви, нужно и понять также, что она сурово защищала и охраняла ту самую почву, которая давала возможность развиться и расцвѣсти подобнымъ сѣменамъ святости. Протестантство не сумѣло сохранить оккультныя традиціи и систематическую тренировку, и потому въ немъ нѣтъ почвы, на которой рѣдкій цвѣтокъ святости могъ бы укорениться и возрасти. Мистики протестантской общины очень немногочисленны, хотя гигантская фигура Якова Бёме возвышается величественно, какъ бы указывая, что даже отсутствіе традицій и тренировки не можетъ заглушить голосъ Бога, живущаго въ человѣкѣ. Протестантство болѣе, чѣмъ какая-либо форма христіанства, нуждается въ присутствіи мистиковъ въ своей средѣ и въ соприкосновеніи съ духомъ живымъ, чтобы спасти себя отъ мертвящей буквы.

Теософія есть утвержденіе мистицизма въ нѣдрахъ всякой живой религіи; утвержденіе реальности и цѣнности мистическаго вѣдѣнія. Среди поколѣнія, воспитаннаго на современной наукѣ, скептически настроеннаго и склоннаго къ критикѣ, Теософія утверждаетъ и возвѣщаетъ превосходство духовнаго міра. Смѣло смотря въ лицо современнымъ жрецамъ науки и критики, признавая блестящіе результаты, достигнутые историческими изслѣдованіями и научными исканіями—она вѣщаетъ несравненную красоту и величіе царства Духа, реально познаваемое и видимое. Первое переживаніе мистика это прямое общеніе съ невидимымъ, соприкасаніе съ невидимыми реальностями, прохожденіе съ открытыми очами въ потустороннія міры. Авторитету мистикъ противупоставляетъ опытъ, вѣрѣ—знаніе. Гарантіей его утвержденій является тожество переживаній всѣхъ тѣхъ, которые когда-либо проникали въ области, скрытыя отъ обычныхъ взоровъ. Результатомъ мистическихъ опытовъ и переживаній является толкованіе всѣхъ доктринъ и писаній, толкованіе, оправдываемое скорѣе тѣмъ свѣтомъ, который оно проливаетъ, освѣщая темныя и непонятныя доктрины, чѣмъ разсудоч-

ной аргументаціей. Такова всегда была работа просвѣтленныхъ. Примѣръ это всего лучше покажетъ. Возьмемъ доктрину Искупленія. Въ формѣ этой христіанской доктрины мистикъ видитъ древнюю и всегда возрождающуюся истину: развитіе или вѣрнѣе раскрытіе человѣческаго духа въ сознательномъ его единеніи съ Богомъ. Мистикъ видитъ совершающееся искупленіе и единеніе черезъ „Христа", родившагося въ человѣкѣ по мѣрѣ того, какъ въ сознаніи его отраженіе второго аспекта божественнаго Сознанія постепенно становится яснѣе и лучезарнѣе. Въ то время, какъ растетъ „Христосъ" въ человѣкѣ,—совершается единеніе, и полнымъ оно является только тогда, когда сынъ, побѣдившій разъединеніе, сознаетъ себя единымъ съ человѣчествомъ и Богомъ, и въ силу этого сознанія, этого единенія, онъ становится истиннымъ Спасителемъ, истиннымъ Посредникомъ между Богомъ и людьми. Мистикъ не заботится о мертвой буквѣ, не оспариваетъ никакого догмата; онъ видитъ сердце, сущность вещей при свѣтѣ собственнаго своего переживанія, и для него смыслъ и цѣнность догмата—во внутреннемъ его значеніи, а не во внѣшнемъ, историческомъ фактѣ. То же самое и съ Писаніями. Возможно, что съ точки зрѣнія исторіи они достовѣрны или же недостовѣрны. Для мистика истинное значеніе и цѣнность ихъ заключается въ изложеніи истинъ духовнаго міра. Ему кажется имѣющимъ мало значенія, бродилъ или не бродилъ физическій народъ Израильскій по физической пустынѣ; — много народовъ проходили такимъ же образомъ по многимъ пустынямъ. Но духовный Израиль всегда будетъ бродить по пустынямъ духовнымъ, ища Землю Обѣтованную; и это всегда истинно и всегда ново. Мистикъ видитъ это сказаніе въ свѣтѣ духовной истины. Онъ видитъ Моисея въ каждомъ изъ великихъ Пророковъ и огненный столбъ, окруженный облакомъ, надъ каждымъ изъ руководителей человѣчества. Такимъ образомъ мистикъ читаетъ Священныя Писанія, такимъ же образомъ объясняетъ Апостолъ Павелъ въ своемъ посланіи къ Галатамъ (гл. IV) исторію Авраама, Агари, Исаака; такимъ же образомъ первые Отцы Церкви искали внутренній смыслъ вещей, не заботясь о внѣшнемъ значеніи словъ. Такое толкованіе является жизненнымъ вопросомъ для современнаго, образованнаго христіанина, который не хочетъ совершенно отбросить религію. Среди современныхъ научныхъ открытій, только непосредственное знаніе, полученное въ мистическомъ состояніи сознанія, можетъ сохранить для него религію. Современная критика и наука подрыли въ корнѣ авторитетъ церкви; подземные ходы и галлереи подко-

пали незамѣтнымъ, тонкимъ, но смертельнымъ образомъ почву подъ ногами этого авторитета, который покоится отнынѣ на тонкой и хрупкой корѣ, могущей проломиться каждую минуту, и тогда рухнетъ все зданіе. Церковь не можетъ дольше быть построена на авторитетѣ исторіи; она вновь должна быть перестроена и воздвигнута на твердой скалѣ знанія и опыта. Мистика дастъ ей наивысшую и самую твердую устойчивость, какая существуетъ въ мірѣ: увѣренность въ непрерывности мистическаго опыта, безконечно повторяемаго. Внутренній, мистическій Христосъ, единственная порука, единственное утвержденіе Христа историческаго; и этого достаточно. Совершенный Христосъ является во всемъ своемъ величіи, какъ историческій фактъ потому, что въ душѣ каждаго человѣка живетъ потенціальный „Христосъ"; и только тѣ, въ которыхъ рождается „Христосъ" мистическій, могутъ смотрѣть черезъ бездну вѣковъ и видѣть Христа историческаго. Они могутъ подняться за предѣлы своего физическаго тѣла и тамъ познать Его въ настоящей, живой дѣйствительности; видѣть Его столь же реально и, быть можетъ, полнѣе, чѣмъ Его видѣли и знали ученики Его, когда Онъ ходилъ по берегамъ Генесаретскаго озера.

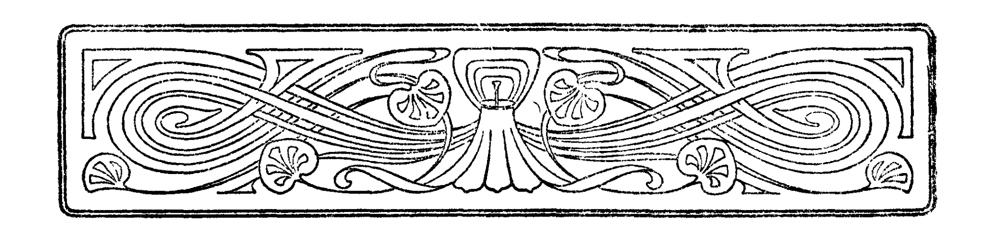
Перев. **А. В.**

Человѣкъ, познавшій свою жизнь, подобенъ члеловѣку рабу, который вдругъ узнаетъ, что онъ царь.

Жизнь есть сознаніе неизмѣннаго духовнаго начала, проявляющагося въ предѣлахъ, ограничивающихъ это начало отъ всего остального.

(Мысли Льва Николаевича Толстого).

Бхагавадъ-Гита.

*(Продолженіе *).*

Пѣснь XI.

1.

Арджуна сказалъ:

Это слово о Высочайшей Тайнѣ Ты повѣдалъ мнѣ изъ состраданія; этимъ разсѣяно мое невѣдѣніе [1]).

2.

О происхожденіи и разрушеніи всѣхъ существъ слышалъ я отъ Тебя, о Ты съ очами лотоса [2]), я слышалъ о Твоемъ непреходящемъ величіи.

3.

Такимъ, какимъ Ты описываешь Себя, Господи, я жажду узрѣть Твою всемощную форму, о Совершенный, о лучшій изъ Существъ!

4.

Если ты думаешь, что Мною она можетъ быть постигнута, Господи, то яви мнѣ Свое вѣчное Я, о Господь Іоги!

5.

Благословенный молвилъ:

Созерцай, о Партха, сотни и тысячи Моихъ разновидныхъ формъ, божественныхъ и различныхъ по цвѣту и образамъ.

---

*) „Вѣстникъ Теософіи“ 1910 г., № 11.

1) Буквально: мое заблужденіе, моя иллюзія.

2) Буквально: чьи очи подобны лепесткамъ лотоса.

6.

Созерцай Адитія [1]), Вазу [2]), Рудровъ [3]), двухъ Атвинъ [4]), а также Марутовъ [5]); созерцай безчисленныя, до сихъ поръ невиданныя чудеса, о Бхарата.

7.

Созерцай въ моемъ тѣлѣ, о Гудакеша [6]), всю вселенную, неподвижную и въ движеніи, и все, что ты жаждешь узрѣть.

8.

Воистину, ты не въ силахъ своими глазами созерцать Меня; божественныя очи дарую тебѣ. Воззри на Мою царственную іогу.

9.

Санджая [7]) сказалъ:

Молвивъ это, о Царь, великій Господь Іоги, Гари [8]), явилъ Партхѣ свою высочайшую форму, какъ Богъ.

10.

Съ безчисленными устами и очами, во многихъ чудесныхъ видахъ, съ безчисленными божественными украшеніями, съ многообразнымъ поднятымъ божественнымъ оружіемъ.

11.

Облаченный въ божественныя одежды и ожерелья, помазанный божественными благоуханными маслами, всечудесный, безпредѣльный Богъ, съ обращеннымъ всюду ликомъ.

12.

Если бы свѣтъ тысячи солнцъ одновременно засіялъ на небѣ, то онъ бы походилъ на славу этого великаго Существа [9]).

---

[1]) 7 сыновей Адити, матери боговъ.

[2]) Боги.

[3]) Демоны.

[4]) Божественные близнецы, боги зари.

[5]) Духи стихій. боги вѣтра и бури.

[6]) Побѣдитель враговъ.

[7]) Приближенный царя Дритараштры.

[8]) 2-е лицо Св. Троицы, Индусской Тримурти.

[9]) Магатма, Великая Душа.

13.

Тогда Пандава [1]) увидѣлъ всю вселенную, раздѣленную на тысячу частей, и всѣ онѣ соединились во едино въ тѣлѣ Бога боговъ.

14.

Тогда Дхананджая [2]), потрясенный изумленіемъ, съ волосами, стоящими дыбомъ, склонилъ голову передъ Богомъ и, сложивъ руки, сказалъ:

15.

Арджуна сказалъ:

О Боже, внутри Твоего тѣла я вижу боговъ, а также множество видовъ существъ [3]); вижу Господа, Брахму, возсѣдающаго на лотосовомъ престолѣ, и всѣхъ Риши, и небесныхъ Змѣй [4]).

16.

Всюду вижу я Тебя, въ безпредѣльномъ проявленіи, съ безчисленными устами, очами, руками, чревами и не нахожу въ Твоей безграничной формѣ, Господи [5]), ни начала, ни середины, ни конца Тебя.

17.

Вижу Твое сверкающее сіяніе [6]), вижу Тебя съ дискомъ, съ вѣнцомъ и съ тіарой; ослѣпляя взоръ какъ солнце и огонь, Ты льешь съ небесъ [7]) потокъ Своей безпредѣльной [8]) славы.

18.

Превыше всякаго познанія, Непогибающій, Ты еси великая сокровищница; все—имманентный [9]), Ты еси вѣчный стражъ неизмѣнной Дхармы; я мыслю Тебя, какъ вѣчнаго [10]) человѣка.

---

[1]) Сынъ Панду.
[2]) Счастьемъ рожденный.
[3]) Буквально: всѣ виды, всѣ ступени существъ.
[4]) Т. е посвященныхъ.
[5]) Буквально: Господь вселенной.
[6]) Буквально: всюду сверкающее Твое сіяніе.
[7]) Буквально: со всѣхъ сторонъ небесъ.
[8]) Неизмѣримой славы Твоей.
[9]) Буквально: неисчерпаемый, вѣчно изливающійся.
[10]) Буквально: древняго, съ незапамятныхъ временъ.

19.

Безъ начала, безъ середины и конца вижу Тебя, Всемогущій, съ безчисленными десницами, съ солнцемъ и мѣсяцемъ вмѣсто очей! Подобно жертвенному огню Твой ликъ своимъ сіяніемъ согрѣваетъ вселенную.

20.

Тобой однимъ преисполнены земля, небеса и все пространство между ними; увидавъ Твое чудесное и страшное проявленіе, тройственные міры затрепетали, о Всесильный [1]).

21.

Воистину въ Тебя вступаютъ сонмы Лучезарныхъ [2]) и со сложенными руками въ трепетѣ славословятъ Тебя, сонмы пресвятыхъ [3]) взываютъ къ Тебѣ, воспѣвая Твою хвалу громкимъ пѣснопѣніемъ: „Да будетъ все ко благу!“ [4]).

22.

На Тебя взираютъ восхищенные сонмы духовъ [5]), боговъ [6]), свѣтовъ [7]), геніевъ [8]), святыхъ и мудрецовъ, а также и демоны.

23.

Увидавъ Твою могущественную форму съ безчисленными устами и очами, съ безчисленными десницами и стопами, съ обширнымъ чревомъ, со многими страшными зубами, міры трепещутъ, какъ и я.

24.

Лучезарный, Ты касаешься неба, переливаясь цвѣтами радуги; съ раскрытыми устами и сіяющими, широко раскрытыми очами; увидѣвъ Тебя, все мое существо трепещетъ и самообладаніе и сила оставляютъ меня, Вишну [9]).

---

[1]) Магатма, Великая Душа.

[2]) Суры.

[3]) Maharshis, siddhas.

[4]) Т. е., да будетъ конечная цѣль всѣхъ проявленій свѣтъ! Эта мысль выражена однимъ словомъ: Svasti.

[5]) Рудры, воинство низшихъ міровъ.

[6]) Сыны Адити и Васу, также космическіе боги.

[7]) Vishvas.

[8]) Siddhas.

[9]) 2-е лицо Индусской Троицы, Тримурти.

25.

Увидѣвъ Твои страшные уста съ зубами на подобіе пожирающаго пламени времени, я не знаю больше, гдѣ найти мнѣ покой; помилуй меня, Господи, убѣжище всѣхъ міровъ.

26.

Сыны Дритараштры [1]), а съ ними весь этотъ сонмъ земныхъ царей: Бхишма [2]) и Дрона [3]), царскій сынъ Суты и всѣ благороднѣйшіе воины нашихъ ратей.

27.

Всѣ они стремительно бросаются въ Твои отверзтыя уста со страшными зубами; нѣкоторые попадаются между Твоими зубами и головы мгновенно испепелены въ прахъ.

28.

Подобно тому, какъ потоки рѣкъ стремительно несутъ свои воды въ океанъ, такъ эти герои, эти владыки земли неудержимо бросаются въ Твои пылающія уста.

29.

Подобно моли, которая, все ускоряя свой полетъ, быстро летитъ въ огонь и тамъ погибаетъ, эти воины неудержимо устремляются въ Твои уста и находятъ тамъ смерть.

30.

Все поглощая Своимъ огненнымъ языкомъ, Ты, Всеистребляющій, пожираешь человѣчество; Твоя слава наполняетъ пространство; вселенная, о Вишну, вся пылаетъ въ Твоихъ огненныхъ лучахъ.

31.

Открой мнѣ свое Я, Ты, чья форма такъ ужасна! Я падаю ницъ предъ Тобою. Пощади меня, высочайшій Боже! Я жажду познать Твою сокровенную сущность, а не проявленіе Твое.

32.

Благословенный молвилъ:

Я есмь Время, пожирающее міръ; Я проявляюсь, чтобы уничтожить землю. Ни одинъ изъ этихъ воиновъ, выстроившихся для битвы, не избѣгнетъ смерти; одинъ лишь ты останешься живъ.

---

[1]) Слѣпой царь, сыны котораго сражаются на полѣ Курукшетры.

[2]) Бхишма, герой великихъ подвиговъ.

[3]) Гуру, учитель, сынъ Бхарадвая.

33.

Возстань же и достигни славы! Побѣдивъ враговъ, наслаждайся своимъ могущественнымъ царствомъ. Мною они уже побѣждены; будь же ты внѣшней причиной ихъ пораженія [1]).

34.

Уже убиты Мною Дрона, Бхишма и Джаяндратха, Карна и всѣ другіе славные воины. Сражайся же безъ страха. Ты побѣдишь.

35.

Санджая сказалъ:

Услышавъ тѣ слова Кешавы [2]), увѣнчанный діадемой, сложивъ руки, дрожа и простираясь ницъ, снова обратился къ Кришнѣ, трепеща отъ ужаса и закрывая лицо.

36.

Арджуна сказалъ:

О Хришикеша! [3]) справедливо міръ радуется Твоей славѣ, славословя Тебя [4]); въ ужасѣ разбѣгаются во всѣ стороны демоны [5]); сонмы святыхъ падаютъ ницъ передъ Тобою.

37.

Какъ имъ не падать ницъ, о Высочайшій! Ты еси превыше самого Брахмы [6]), о Безконечный! Господь боговъ, родина всѣхъ міровъ вселенной! Ты непреходящій, Бытіе и Небытіе [7]), Ты—То Наивысшее [8]).

38.

Ты первѣйшій Богъ и древнѣйшій Человѣкъ [9]), божественная сокровищница всего сущаго; Ты познающій и познаваемый, обитель горняя, Тобою проникнута вселенная, о Существо безконечныхъ проявленій!

---

1) Буквально: ты—лѣвша, сражающійся лишь лѣвою рукой.
2) Имѣющій великолѣпные волосы.
3) Въ текстѣ: славословя Тебя въ гимнахъ, пѣснопѣньяхъ.
4) Владыка чувствъ.
5) Ракши.
6) Первое лицо Индусской Троицы, первый аспектъ проявленнаго Бога.
7) Sat и Asat.
8) Направленный Первоисточникъ жизни—То.
9) Пуруша, Духъ.

39.

Ты еси Вайю и Яма [1]), Агни [2]), луна, Варуна [3]), Отецъ и Предокъ всѣхъ [4]); Слава, слава, тысячу разъ слава Тебѣ! снова и снова всеслава Тебѣ!

40.

Все ницъ во прахѣ предъ Тобою, и позади Тебя, и со всѣхъ сторонъ Твоихъ, о Вседержитель. Безграничный въ могуществѣ и неизмѣримый въ силѣ, Ты все держишь Собою: ибо Ты самъ еси Все.

41.

Если по недомыслiю считая тебя лишь другомъ, я восклицалъ: „О Кришна! о Другъ“, не зная о Твоемъ величiи или безпечный въ моей любви къ Тебѣ;

42.

Если шутя, въ разгарѣ веселiя, во время отдыха, бесѣды или за трапезой, я явилъ недостатокъ благоговѣнiя къ Тебѣ, будучи одинъ или въ обществѣ друзей, о Безгрѣшный [5]), прости мои заблужденiя, о Ты безпредѣльный.

43.

Отецъ мiровъ, всего что движется и неподвижно, болѣе достойный почитанiя, чѣмъ Высшее Я Гуру [6]), нѣтъ подобнаго Тебѣ во всѣхъ трехъ мiрахъ. Несравнима неизреченная слава Твоя.

44.

Посему я падаю ницъ передъ Тобою и молю простить меня. Благослови и будь со мною, какъ отецъ съ сыномъ, какъ другъ съ другомъ, какъ любящiй съ любимымъ.

45.

Радуется мое сердце, что я видѣлъ то, что никто не видѣлъ до меня, но разумъ мой трепещетъ отъ страха. Яви мнѣ вновь иной свой образъ, Боже! пощади, о Господь боговъ, ты—родина мiровъ!

---

[1]) Богъ жизни и смерти.

[2]) Огонь и Духъ Огня, Господь очищающаго пламени.

[3]) Богъ воды.

[4]) Праяпати.

[5]) Ачiюта.

[6]) Учитель.

46.

Снова жажду видѣть Тебя по-прежнему, съ вѣнцомъ, палицей и дискомъ въ рукѣ, въ Твоемъ прежнемъ проявленіи, о тысячерукій, о Ты, проявленіе вселенной.

47.

Благословенный молвилъ:

Арджуна, по Моей милости ты увидѣлъ эту высочайшую форму, доступную созерцанію лишь въ сокровенной іогѣ, сіяющую, всепроникающую, безконечную, первичную, которой никогда никто не видѣлъ кромѣ тебя.

48.

Ни жертвоприношенія, ни знаніе Ведъ, ни дѣла милосердія, ни труды, ни суровые подвиги не могутъ дать человѣку созерцаніе этой формы.

49.

Не смущайся, не трепещи, ибо ты вынесъ созерцаніе этой страшной формы; отгони всякій страхъ, и пусть твое сердце радуется, узри Меня снова въ Моемъ обычномъ образѣ.

50.

Санджая сказалъ:

Молвивъ эти слова, Васудева [1]) снова явилъ Свой собственный образъ [2]) и утѣшилъ потрясеннаго Арджуну. Магатма [3]) снова принялъ Свой кроткій образъ.

51.

Арджуна сказалъ:

Снова созерцая Твой кроткій человѣческій образъ, о Джанардана [4]), я снова прихожу въ себя и становлюсь самъ собою.

52.

Благословенный молвилъ:

Эту форму Мою, которую ты видѣлъ, очень трудно вынести. Воистину, боги постоянно жаждутъ узрѣть ее.

---

[1]) Кришна.

[2]) Признакъ Аватара—способность проявлять себя, какъ Логосъ.

[3]) Великая Душа.

[4]) Тревожащій людей.

53.

И не можетъ никто черезъ знаніе Ведъ, черезъ подвиги, милостыни или жертвоприношенія увидѣть Меня, какъ ты видѣлъ Меня.

54.

Одной лишь любви [1]) доступно такое созерцаніе, Арджуна; любви дано созерцать Меня въ Моей сокровенной Сути и слиться со Мною, о Парантапа [2]).

55.

Тотъ, кто дѣлаетъ все во имя Мое, для кого Я—высочайшее благо, кто преданъ Мнѣ, свободный отъ привязанности [3]), недоступный враждѣ, приходитъ ко Мнѣ, о Пандава [4]).

Такъ гласитъ XI бесѣда славной Бхагаватъ-Гиты, именуемая Іогой созерцанія вселенской формы.

Пер. И. Манціарли и Alba.

. . . Чѣмъ труднѣе тѣ условія, въ которыхъ мы находимся, тѣмъ плодотворнѣе и для себя и для другихъ можетъ быть внутренняя работа надъ собою.

(Мысли Льва Николаевича Толстого).

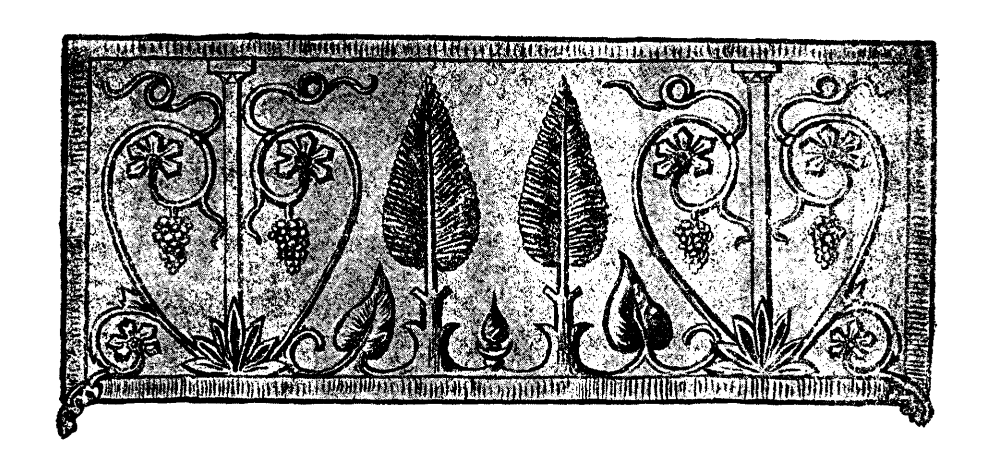
---

1) Bhakti, Богу преданность, любовь къ Богу.

2) Искусный въ подвигахъ, Tapas.

3) Т. е., привязанности къ земнымъ благамъ и къ формамъ.

4) Сынъ Панду.

Тріады бардовъ.

Приводя ниже тріады ирландскихъ бардовъ, необходимо сказать нѣсколько словъ объ ихъ авторахъ и о томъ племени, среди котораго онѣ появились. Племя это—племя Кельтовъ. Рѣдко о комъ такъ много писали и такъ мало знали бы, что̀ отчасти объясняется крайней скудостью историческихъ документовъ, а главное тѣмъ, что и начало ихъ исторіи теряется во мракѣ временъ.

Кое-какія данныя указываютъ, что Кельты впервые появляются въ Малой Азіи, откуда переправляются къ сѣверу Чернаго моря. Въ Галатахъ, которымъ писалъ впослѣдствіи Апостолъ Павелъ нѣкоторые изслѣдователи склонны видѣть ихъ остатки.

Отнюдь ничего не утверждая, за отсутствіемъ серьезныхъ научныхъ данныхъ, можно все-таки предположить, что Кельтскіе народы не были абсолютно чужды тѣмъ племенамъ, изъ которыхъ впослѣдствіи на югѣ нынѣшней Россіи образовалось и наше государство. Какъ бы то ни было, близкое ихъ соприкосновеніе со скиѳами несомнѣнно. Діодоръ Сицилійскій (1-й вѣкъ) прямо на это указываетъ. „Галльскія народности, пишетъ онъ, наиболѣе удаляются къ сѣверу и сосѣднія Скиѳіи такъ свирѣпы, что онѣ пожираютъ людей; то же разказываютъ и относительно Бретонцевъ, населяющихъ островъ Иринъ (Ирландію).

„Слава объ ихъ храбрости и варварствѣ установилась издавна, ибо подъ именемъ Киммерійцевъ они въ прежнія времена опу-

стошили Азію. Это они взяли Римъ, разрушили храмъ въ Дельфахъ, подчинили дани большую часть Европы и Азіи, и въ Азіи, овладѣвъ землею побѣжденныхъ, образовали смѣшанное племя Галлогрековъ" *). Дѣйствительно, нѣкоторые обычаи Киммерійцевъ, этихъ древнихъ жителей Крыма, представляютъ, по мнѣнію Тьери, странное сходство съ тѣмъ, что практиковалось у балтійскихъ Кимвровъ и Галловъ. Къ числу этихъ обычаевъ онъ относитъ гаданія по внутренностямъ человѣческихъ жертвъ, а также любовь окружать свои жилища головами убитыхъ враговъ, натыканными на шесты **). Въ Галліи красили волосы въ красный цвѣтъ, обычай существовавшій и у нашихъ отдаленныхъ предковъ, какъ о томъ свидѣтельствуютъ многіе изъ найденныхъ въ южной Россіи череповъ ***), наконецъ благородные брились, сохраняя лишь длинные усы и предоставляя ношеніе бороды однимъ простолюдинамъ. Можно еще найти и нѣсколько кельтскихъ словъ, какъ gora—высокое мѣсто (рус. гора), liun, leun—одѣяло, плащъ (рус. ленъ), которыя съ полнымъ основаніемъ могутъ дать поводъ къ нѣкоторымъ сближеніямъ и на почвѣ языковѣдѣнія. Но, повторяю, эти сближенія не выходятъ изъ сферы догадокъ, ожидающихъ подтвержденія отъ серьезнаго научнаго труда, спеціально имъ посвященнаго. Пока же имѣются только историческіе слѣды, что часть Кельтовъ около 631 г. до Р. Х. съ равнинъ Днѣстра были отброшены скиѳами къ Дунаю и Рейну. Встрѣчаютъ ихъ у Балтійскаго моря, у моря Нѣмецкаго и, наконецъ, въ нынѣшней Ирландіи и Франціи, тогдашней Галліи, гдѣ застаетъ ихъ Цезарь.

Конечно, подобныя передвиженія не были единичными, и часто новые пришельцы заставали на завоевываемыхъ мѣстахъ болѣе древнія, но все же родственныя племена.

По свидѣтельству Амьена Марцеллина „Друиды утверждаютъ что часть населенія Галліи была мѣстнаго происхожденія, а другая прибыла изъ отдаленныхъ острововъ и Зарейнскихъ странъ, будучи сдвинутой со своихъ мѣстъ частыми войнами и наводненіями Океана" (Amm. Marcel. XV g.). Этими обстоятельствами слѣдуетъ объяснить и крайне разнообразныя свидѣтельства относительно многихъ обычаевъ, взглядовъ и наконецъ самой религіи Кельтовъ, первоначальная идея которой, по общему закону, подвергалась

*) Diodor Sic. 1 vol. 32. выдержка прив. въ Histoire des Gaulois par A. Thierry. Paris 1858 VI p. 59.

**) Интересно, что въ нашихъ народныхъ сказкахъ (напр. о Василисѣ Мелентьевнѣ и др.) такъ оисывается жилище бабы-яги.

***) Имѣются въ Кіевск. музеѣ.

неоднократному искаженію и вырожденію, доходящему до полнаго противорѣчія съ основнымъ принципомъ—явленіе повторяющееся и въ наши дни.

За примѣрами ходить не далеко:—стоитъ для этого хотя бы сопоставить высокое ученіе, изложенное въ тріадахъ, съ ужасными обрядами, совершавшимися у Кельтовъ и въ особенности съ человѣческими жертвоприношеніями, когда жертва распиналась, убивалась стрѣлами, или съ ночными вакханаліями, когда жрицы, совершенно нагія и выкрашенныя въ красный цвѣтъ, предавались всякимъ неистовствамъ съ пылающими факелами въ рукахъ *).

Насъ, конечно, интересуютъ не эти искаженія, а то зерно истины, которое горитъ яркимъ пламенемъ въ чистомъ ученіи бардовъ, переданнымъ имъ отъ друидовъ.

Кто же были эти таинственные барды? Барды, евбаги и друиды составляли три ступени въ духовной іерархіи Кельтовъ. Высшая власть принадлежала друидамъ. Они были главными руководителями, духовными учителями, хранителями тайнаго ученія. Имъ же принадлежало и первоначальное воспитаніе мальчиковъ, изъ которыхъ и выбирались достойные для пополненія ихъ собственныхъ рядовъ послѣ долгаго, чуть ли не двадцатилѣтняго искуса, проведеннаго въ изученіи наизусть тайнъ вѣковой мудрости и знанія друидовъ. Служители внѣшняго культа носили имя евбаговъ. Это они выполняли обряды, приносили жертвы, занимались гаданьемъ; иногда же, подъ именемъ „филе“, исполняли обязанности судей. Третьимъ звеномъ великаго братства были барды—эти мудрые поэты—пѣвцы, глашатаи истины, рыцари правды и добра, вдохновляющіе героевъ на великіе подвиги и, въ вѣкъ жестокости и насилія, провозглашающіе принципы мира и любви. Роль этихъ пѣвцовъ была огромна, какъ и то уваженіе, которымъ они по справедливости пользовались. Многіе изъ королей съ гордостью носили это почетное званіе.

Существуютъ преданія о томъ, какъ враждующіе станы, готовые уже къ сраженію, при звукѣ девяти-струнной лиры именитаго пѣвца—барда складывали свое оружіе и, прослушавъ пѣсню, изъ враговъ превращались въ друзей. Проще говоря, барды были апостолами ученія друидовъ, живымъ мостомъ между скрытыми въ дубовыхъ рощахъ и молчаливыми созерцателями тайнъ и шумной, вѣчно тревожной массой народа. Въ чемъ заключалось это ученіе я не стану передавать. Это лучше меня сдѣлаетъ прила-

---

*) Plin. XXIIC². Тацитъ „о Германцахъ“.

гаемый подлинникъ. Укажу только на одну особенность, которая могла бы ускользнуть отъ недостаточно внимательнаго читателя.

Особенность эта—рѣзко подчеркнутый принципъ сохраненія высшей *) индивидуальности (Awen) и при достиженіи полнаго сліянія со всѣмъ и всѣми въ кругѣ Гвинфидъ **), что до нѣкоторой степени является разъясненіемъ идеи Нирваны. Эта послѣдняя, какъ извѣстно, многими изслѣдователями понимается, какъ полное исчезновеніе въ Божествѣ. Здѣсь же выясняется, что эта полнота сліянія является вмѣстѣ съ тѣмъ и полнотою развитія основного и вполнѣ индивидуальнаго гринципа (Awen) каждой человѣческой личности.

Переходя къ самому тексту тріадъ, я долженъ отмѣтить, что старался возможно ближе держаться ихъ французскаго перевода, жертвуя подчасъ ради точности красотою формы. Впрочемъ, утѣшаюсь той мыслью, что жесткія сопоставленія нѣкоторыхъ словъ только лучше передадутъ и духъ Кельтской рѣчи, суровой и грозной, какъ и природа, среди которой она создавалась, и полной звуковъ, заимствованныхъ изъ рева бури и громыханія каменныхъ массъ, двигаемыхъ волнами Океана, гдѣ царствуютъ Законы Рока грозной бездны Annwfn.

О Богѣ.

1. Существуетъ три первичныхъ единства, и каждое изъ нихъ возможно лишь единымъ: единый Богъ, единая Истина и одна точка Свободы, т. е. точка равновѣсія всѣхъ противоположностей.

(Символомъ этого равновѣсія были, такъ называемые, качающіеся камни, которые при огромномъ вѣсѣ могли быть сдвинуты простымъ прикосновеніемъ рукъ).

2. Три вещи проистекаютъ изъ трехъ первичныхъ единствъ: всякая Жизнь, всякое Благо, всякое Могущество.

3. Богъ необходимо троиченъ: Онъ составляетъ большую часть Жизни, большую часть Знанія, большую часть Могущества, и не можетъ въ немъ быть больше этой большей части каждой вещи.

*) Въ отличіе отъ низшей, узко личной, связанной съ чисто временными условіями того или иного воплощенія. См. Тріады 41 и 44.

**) Эта особенность получаетъ особый интересъ, если вспомнить, что Кельты появились на зарѣ формированія нашей 5-субъ-расы, которой предстояло, вмѣстѣ съ созиданіемъ критически-научной мысли, утвердить принципъ индивидуальнаго сознанія.

4. Три Божьихъ Величія: совершенная Жизнь, совершенное Знаніе, совершенное Могущество.

5. Три вещи обязательно возобладаютъ: высшее Могущество, высшій Разумъ, высшая любовь Бога.

(Гатьенъ-Арну даетъ другую версію: Три вещи необходимы: высшее Могущество, высшій Разумъ, высшая Любовь).

6. Три гарантіи того, что Богъ дѣлаетъ и свершитъ: Его безконечное Могущество, Его безконечная Мудрость, Его безконечная Любовь, такъ какъ нѣтъ ничего, что не могло быть свершено, стать истиннымъ и не быть волимымъ этими тремя аттрибутами.

7. Три вещи, которыми Богъ не можетъ не быть: тѣмъ, въ чемъ должно заключаться совершенное Благо, тѣмъ, что должно желать совершенное Благо и что должно выполнить совершенное Благо.

8. Три вещи, которыя Богъ не можетъ не совершить: самое полезное, самое необходимое, самое прекрасное для каждой вещи.

9. Три главныя цѣли дѣятельности Божества, какъ творца всякой вещи: уменьшить зло, усилить добро, сдѣлать явнымъ всякое различіе такимъ образомъ, чтобы дать возможность узнать то, что должно быть и, наоборотъ, то, чего быть не должно.

10. Три Божьихъ необходимости: быть безконечнымъ въ самомъ себѣ, быть конечнымъ по отношенію къ конечному, быть въ согласіи со всякимъ видомъ бытія въ кругѣ Гвинфидъ (Будди).

О существахъ вообще.

11. Три первопричины живыхъ существъ: божественная Любовь въ согласіи съ высшимъ разумомъ; божественная Мудрость, знающая всѣ средства, и божественное Могущество (въ согласіи) съ высшей Волей, Любовью и Мудростью.

12. Три вещи Богъ далъ всякому существу: полноту его собственной природы, полное выявленіе (отличительно) его Индивидуальности и самобытность его Авенъ (Эго). Въ этомъ заключается дѣйствительное и полное опредѣленіе личности каждаго существа.

(Этимологически Авенъ означаетъ приливъ, флюидъ, то, что истекаетъ, что движется, стремится, принципъ стремленій, склонностей, вкусовъ).

13. Три различія всякаго живого существа по отношенію къ другимъ: Авенъ (Эго), Память и Воспріятіе. Ибо эти свойства у

каждаго во всей полнотѣ и не могутъ быть раздѣлены съ другимъ существомъ. Всякій владѣетъ этими свойствами въ полнотѣ исключительной, и двѣ полноты каждой вещи невозможны.

14. Божьей справедливостью всякое живое существо принимаетъ участіе въ трехъ вещахъ: Состраданіи Божества въ Абредѣ (кругъ воплощеній); потому что безъ сего невозможно было бы познаніе, привилегія божественной любви и сотворчество съ божьимъ могуществомъ, посколько Онъ справедливъ и милостивъ.

15. Три круга бытія: кругъ пустоты (Cylch y Ceugant), гдѣ кромѣ Бога нѣтъ ничего ни живого, ни мертваго, и никто кромѣ Бога не можетъ его пройти; кругъ перевоплощенія (Абредъ), гдѣ всякое одухотворенное существо рождено смертью, и человѣкъ проходитъ его; кругъ блаженства (Гвинфидъ), гдѣ всякое одухотворенное существо рождено жизнью и человѣкъ пройдетъ его въ небѣ *).

16. Три необходимыя фазы всякаго существованія по отношенію къ жизни: начало въ Аннвфнъ (Annwfn безднѣ), перевоплощенія въ Абредѣ и Полнота въ небѣ или кругѣ Гвинфидъ; безъ этихъ трехъ фазъ нѣтъ жизни—кромѣ какъ у Бога.

17. Три послѣдовательныхъ состоянія живыхъ существъ: состоянія униженія въ Аннвфнъ (безднѣ), свободы въ Абредѣ, Любви и счастья въ небѣ.

18. Три силы бытія: не имѣть возможности быть другимъ, не быть обязательно другимъ, и не имѣть возможности быть лучшимъ по немыслимости этого. Въ этомъ заключается совершенство всякой вещи **).

19. Три вещи не будутъ имѣть конца вслѣдствіе необходимости ихъ власти: Форма бытія, Качество бытія и Польза бытія: потому что эти свойства, освободившись отъ всякаго зла, будутъ вѣчны у существъ одушевленныхъ и неодушевленныхъ во всемъ разнообразіи красоты и добра круга Гвинфидъ.

20. Три существенныя отличія между человѣкомъ, равно какъ и всякимъ другимъ существомъ и Богомъ: человѣкъ и всякое иное существо—ограниченъ; Богъ—нѣтъ. Человѣкъ и всякое другое существо—имѣетъ начало; у Бога нѣтъ начала. Человѣкъ обязательно долженъ пройти черезъ рядъ послѣдовательныхъ перемѣнъ

---

*) У Цезаря читаемъ: Друиды доказываютъ, что души не погибаютъ и послѣ смерти онѣ переходятъ изъ одного тѣла въ другое. Они думаютъ, что этотъ взглядъ пробуждаетъ въ людяхъ смѣлость, заставляя ихъ презирать страхъ смерти. Кромлехи—символическія изображенія круговъ жизни.

**) Эта загадочная тріада приводила въ смущеніе и нѣкоторыхъ комментаторовъ

въ кругъ Гвинфидъ *) вслѣдствіе своего безсилія вынести Ceugant, а Богъ—безъ перемѣнъ, потому что Онъ можетъ вынести всякую вещь, не теряя при этомъ блаженства.

21. Три невозможности для всякаго существа, кромѣ Бога: выдержать вѣчность Geugant, быть соучастникомъ всѣхъ состояній, самъ не измѣняясь, улучшать и измѣнять всѣ вещи, не уничтожая ихъ.

Человѣкъ, его природа и его будущность.

22. Три необходимости въ кругѣ Абредъ (на ступени Аннвфнъ): наименьшая возможная степень всякой жизни, и оттуда—ея начало; матерія всѣхъ вещей, и отсюда—вытекающее ихъ прогрессивное развитіе, которое можетъ происходить лишь какъ необходимость (т. е. въ силу необходимыхъ законовъ); образованіе всякой твари изъ смерти и отсюда бренность существованія.

23. Три вещи первично совершенны: Человѣкъ, Свобода, Свѣтъ.

24. Три преимущества человѣческаго состоянія: Равновѣсіе добра и зла и вытекающее отсюда свойство сравнивать. Свобода выбора и отсюда возможность сужденія и предпочтенія. Развитіе силы (нравственной), какъ слѣдствіе сужденія и предпочтенія.

Эти три вещи необходимы для исполненія чего бы то ни было.

А. Человѣкъ въ кругѣ Абредъ.

25. Три причины необходимости круга Абредъ: развитіе матеріальной субстанціи, всякаго живого существа; развитіе силы (духовной) для побѣды надъ всякимъ препятствіемъ и Cythraul (сатаной) и для освобожденія отъ Drwg (зла). И безъ этого перехода изъ одного состоянія жизни въ другое никакое существо не можетъ достигнуть законченности.

26. Три главныя вещи, которыхъ необходимо достигнуть на ступени человѣка: Знаніе, Любовь и Власть въ наибольшей степени возможности ихъ развитія до смерти (т. е. при жизни). Это можетъ быть достигнуто лишь на ступени Человѣчества преимуществомъ свободы и выбора (самого человѣка). Эти три вещи называются тремя Побѣдами.

---

*) Здѣсь неясность текста: l'homme doit nécessairement passer par des changements d'état successifs das le cercle de Gwynfid . . . въ кругъ Гвинфидъ или въ кругѣ Гвинфидъ? вѣрнѣе первое.

27. Три побѣды надъ Drwg и Cythraul: Знаніе, Любовь и Власть, потому что Знать, Желать и Мочь исполняютъ что бы то ни было въ сродности съ вещами. Эти три побѣды начинаются на ступени человѣчества и продолжаются безконечно.

28. Три необходимости для побѣды человѣка: Безстрашіе, Перемѣна (перевоплощеніе) и Свобода; и вслѣдствіе возможности свободнаго выбора, нельзя заранѣе положительно утверждать въ какую сторону направится человѣкъ.

29. Тремя вещами человѣкъ падаетъ въ необходимость Абреда (перевоплощенія): отсутствіемъ усилія къ знанію, отсутствіемъ привязанности къ добру и приверженностью ко злу. Вслѣдствіе этихъ вещей онъ спускается въ Абредъ до своего подобія *) и начинаетъ сначала рядъ своихъ перевоплощеній.

30. Тремя вещами человѣкъ обязательно снова опускается въ Абредъ, даже если во всѣхъ другихъ отношеніяхъ онъ привязанъ къ добру: черезъ гордость онъ падаетъ въ Аннвфнъ; криводушіемъ—до степени соотвѣтствующаго униженія; отсутствіемъ милосердія—до степени подходящаго животнаго. Оттуда онъ снова путемъ перевоплощенія идетъ къ Человѣчеству.

31. Три выбора, предоставленные человѣку: Абредъ или Гвинфидъ; Необходимость или Свобода; Зло или Добро; все въ равновѣсіи и человѣкъ по собственной охотѣ можетъ наслѣдовать то или другое.

32. Три необходимости въ кругѣ Абреда: нарушеніе Закона, такъ какъ оно неизбѣжно; освобожденіе въ смерти отъ Дургъ и Ситро (Drwg и Cythrault); умноженіе жизни и блага удаленіемъ отъ Дургъ (зла) въ освобожденіи смерти—и это при помощи Бога, который обнимаетъ все **).

33. Три вещи ослабляются съ каждымъ днемъ вслѣдствіе возрастающаго противодѣйствія: Невѣжество, Ненависть, Несправедливость.

34. Три вещи съ каждымъ днемъ усиливаются вслѣдствіе возрастающаго къ нимъ стремленія: Знаніе, Любовь, Справедливость.

35. Три вещи постоянно уменьшаются: Мракъ, Заблужденіе, Смерть.

---

*) „До своего подобія“ вѣроятно слѣдуетъ понимать въ смыслѣ нисхожденія до соотвѣтствующихъ его уровню условій жизни.

**) Неясность въ подлинникѣ: la delivrance de la mort (смерти или отъ смерти?) devant Drwg et Cythrault l'accroissement de la vie et du bien par l'èloignement de Drwg, dans la delivrance de la mort.

36. Три вещи возрастаютъ постоянно: Огонь или Свѣтъ, Разумъ или Истина, Духъ или Жизнь. Эти три вещи въ концѣ возьмутъ верхъ надъ всѣми другими и тогда Абредъ будетъ уничтоженъ.

37. Три первичныя бѣдствія круга Абредъ: Необходимость, Отсутствіе памяти, Смерть.

38. Три дѣйствительныя средства Божества въ Абредѣ для побѣды надъ Дургъ и Ситро и преодолѣнія ихъ противодѣйствія по отношенію къ кругу Гвинфидъ: Необходимость, Отсутствіе памяти, Смерть.

Б. О человѣкѣ въ кругѣ Гвинфидъ.

39. Три главныя преимущества круга Гвинфидъ: Отсутствіе зла, отсутствіе нужды, отсутствіе смерти.

40. Три вещи будутъ возвращены человѣку въ кругѣ Гвинфидъ: Перводухъ—Awen (Авенъ), Перволюбовь, Первопамять, потому что безъ сего блаженство не мыслимо.

41. Три отличительныя преимущества въ кругѣ Гвинфидъ: Призваніе, преимущество и Авенъ. Дѣйствительно, два существа, вполнѣ тождественныя другъ съ другомъ—невозможны, а потому для каждаго полнота въ томъ, что составляетъ его отличительную особенность; полнота же вещи необходимо подразумѣваетъ все, чѣмъ она можетъ быть въ дѣйствительности.

42. Изъ перемѣнъ состояній въ кругѣ Гвинфидъ вытекаютъ три выгоды: Познаніе, Красота, Покой. Эти перемѣны вытекаютъ изъ невозможности человѣку вынести Сеган—(бездну Ceugant), которая внѣ всякаго познаванія.

43. Три необходимыя условія для достиженія полноты Знанія: Перевоплощаться въ Абредѣ, Перевоплощаться въ Гвинфидѣ, вспомнить все, бывшее во время перевоплощеній даже въ Аннвфи.

44. Три власти, вытекающія изъ Знанія: Полная трансмиграція (перевоплощеніе) черезъ всѣ ступени существованія; воспоминанія о каждомъ воплощеніи и связанныхъ съ нимъ событіяхъ, власть по желанію пройти снова черезъ какое-либо состояніе ради опыта и возможности сужденія. И это будетъ достигнуто въ кругѣ Гвинфидъ.

(Легенда о Мерлинѣ и Тальезинѣ, вернувшихся изъ круга Гвинфидъ для блага своихъ ближнихъ).

45. Три вещи, познаніе которыхъ уничтожаетъ Зло и Смерть и даетъ побѣду надъ ними: Знаніе сущности вещей; Знаніе ихъ

причинъ; Знаніе способа ихъ дѣйствія. И это знаніе будетъ достигнуто въ Гвинфидѣ.

46. Три полноты счастія въ Гвинфидѣ: участіе во всякомъ качествѣ съ особымъ совершенствомъ; обладаніе всякой геніальностью съ геніальностью исключительной; охватывать всѣ существа въ чувствѣ любви, обладая вмѣстѣ съ тѣмъ любовью единичной—любовью къ Богу. И въ этомъ заключается полнота неба и Гвинфидъ.

Е. Кузьминъ.

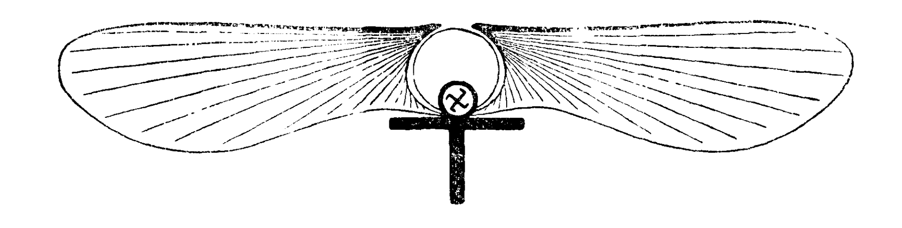

Жизнь міра совершается по чьей-то волѣ,—кто-то этою жизнью всего міра и нашими желаніями дѣлаетъ свое какое-то дѣло. Тотъ, кто это дѣлаетъ, и есть то, что мы называемъ Богомъ.

Законъ Бога, по отношенію къ Богу, есть тоже, что наши чувства по отношенію къ міру, къ вещамъ. Не было-бы чувствъ, мы ничего не не знали-бы о вещахъ; не было-бы въ нашемъ сердцѣ закона—мы ничего-бы не знали о Богѣ.

Мы неразрывно соединены духовной связью не только со всѣми людьми, но и со всѣми живыми существами.

(Мысли Льва Николаевича Толстого).

Летучій Голландецъ.

Биргеръ Этвинга.

(Переводъ съ нѣмецкаго изъ „Theos." 1909 г., стр. 485).

Въ великомъ океанѣ, далеко за горизонтомъ, вдали отъ всякаго жилья и шума людского, куда никогда не ступала нога человѣческая, лежитъ таинственный, чудный островъ.

Молва идетъ, что на этомъ островѣ забывается всякое горе, каждое желаніе исполняется и всѣхъ потерянныхъ друзей и любимыхъ существъ здѣсь вновь можно найти. Такой миръ и такая тишина царствуютъ здѣсь, что слышится даже біеніе сердца великой матери природы и музыка сферъ въ дивныхъ краскахъ несется отъ свѣтила къ свѣтилу по сверкающему небосклону. Словно ближе къ намъ спускается необъятный сводъ небесъ и все глубже проникаешь въ далекіе, еще чуждые намъ міры.

Въ каждомъ столѣтіи лишь однажды, глубокой ночью, островъ этотъ становится доступнымъ для потерянныхъ душъ, безъ устали скитающихся по низинамъ земли...

Давно отвергнутый приговоромъ Боговъ Летучій Голландецъ долженъ былъ безъ устали скитаться по морямъ, уничтожая все и все убивая, что бы ни встрѣчалось ему на пути, до тѣхъ поръ, пока не найдется душа, достаточно сильная въ любви къ нему, чтобы поднять его въ обитель Боговъ, въ тѣ райскіе сады, откуда когда-то онъ былъ изгнанъ.

Отъ своей бурной, не знающей покоя, жизни, онъ уже началъ уставать, а все еще не удалось ему найти безкорыстно любящую его душу. Тщетно искалъ онъ ее всюду, въ каждой гавани, на каждомъ островкѣ бѣлаго свѣта. И въ эту тихую ночь, когда доступъ къ далекому таинственному острову былъ открытъ, его черный, зловѣщій корабль медленно подходилъ къ тихой гавани.

Гора на этомъ островѣ гордо подымала свою сѣдую голову къ небесамъ, подобно Сфинксу-Великану, а у ногъ великана былъ входъ, замкнутый такими гигантскими вратами, что цѣлая армія, казалось, не смогла бы отворить ихъ. Засовъ-же на вратахъ походилъ на могучіе вѣсы.

Лишь тотъ, кому извѣстна тайна устройства засова-вѣсовъ, можетъ открыть врата ко входу и найти тамъ, — говоритъ преданіе,—такой кладъ золота и дивныхъ драгоцѣнныхъ камней, что они своимъ свѣтомъ залили бы не только всю землю, но даже и внутренности горъ и глубины морскія. Животныя и растенія увидали бы этотъ дивный свѣтъ и вся тварь возрадовалась бы ему.

Блѣдный ликъ луны въ эту ясную ночь глядѣлъ на святой островъ; тихій воздухъ былъ прозраченъ; яркія звѣзды какъ бы приблизились къ землѣ, млечный путь на темно-синемъ небосклонѣ казался серебристымъ облакомъ, а Сфинксъ-Великанъ, залитый луннымъ свѣтомъ, тихо дремалъ.... и все это отражалось на зеркальной поверхности невозмутимаго океана съ такой отчетливостью, что трудно было отличить дѣйствительность отъ призрака.

Черный корабль Голландца бросилъ якорь передъ самымъ таинственно-величавымъ входомъ и якорь безшумно опустился на дно морское. Большіе черные паруса корабля вяло мотались по мачтамъ, едва колыхаясь въ неподвижномъ воздухѣ. Безмолвіе это охватило и Голландца, и его мятежный корабль.

Капитанъ стоялъ на рубкѣ задумчивый. Онъ думалъ о тѣхъ давно прошедшихъ временахъ, когда онъ былъ еще послушнымъ рабомъ вѣчныхъ Боговъ, и длинною вереницею неслись передъ нимъ вѣка его безплодныхъ исканій въ погонѣ за душей, могущей избавить его отъ горькой его участи. Погруженный въ эти думы, онъ взглянулъ на величаваго Сфинкса и увидѣлъ надъ нимъ вечернюю звѣзду, мягкими лучами ласкающую его сердце. Никогда еще не видалъ онъ ее въ такомъ чудномъ блескѣ. Звѣзда все ближе и ближе спускалась къ нему, становилась все больше и больше и наконецъ превратилась въ лучезарную богиню, стоящую передъ входомъ въ гору. Она казалась ему какъ-будто знакомой и все-таки въ ней было что-то новое, чудесное... Это и была та душа, которую онъ такъ жадно искалъ столько лѣтъ, душа сладкихъ его грезъ, любящая и преданная ему. Невидимая сила потянула его къ ней, онъ хотѣлъ пасть ницъ и обнять ея колѣна... Но едва онъ помыслилъ объ этомъ, какъ яркое сіяніе стало тускнѣть и чудное видѣніе, какъ бы удаляясь, давало ему знакъ—не приближаться.

Оцѣпенѣлый онъ остановилъ свой порывъ и тогда сіяніе снова усилилось, становилось все ярче и ярче — почти ослѣпило его. Теперь онъ только впервые замѣтилъ, что засовъ во вратахъ какъ-будто сталъ отмыкаться и стоящая передъ нимъ богиня, казалось, отражала только свѣтъ зарытаго подъ Великаномъ-Сфинксомъ чуднаго клада.

„Ты самъ долженъ открыть врата, прежде чѣмъ Я могу спасти тебя“,—шептала она.

— Но я вѣдь не посвященъ въ тайны замкà.

„Прекрати свои блужданія, успокойся и въ часы безмолвія ты познаешь тайну эту!“—отвѣчала она.

Но корабль мой всюду встрѣчаетъ препятствія и если бы я не умѣлъ лавировать, онъ бы разбился въ щепки, — жаловался онъ.

„Пусть разобьется!“—возразила она.

— Но какъ, лишенный корабля, вернусь я снова къ этому острову?

„Повинуйся мнѣ и тебѣ черезъ пучину откроется мостъ, по которому ты безопасно достигнешь цѣли“.

— Но какъ поплыву я безъ корабля и компаса.

„Ты сумѣешь!“

— Но какимъ образомъ?

„Старайся найти меня!“

— Да я вѣдь повсюду уже искалъ тебя и нигдѣ не могъ найти.

„Ты никогда не пытался найти меня самою“,—возразила она, пронизавъ его глубокимъ взглядомъ.

„Ты искалъ только — это!“ — продолжала она, указавъ на зеркальную поверхность воды.

Тогда онъ взглянулъ на прекрасное отраженіе чудной богини въ водѣ и не могъ оторваться отъ этого сіяющаго дивною красотою видѣнія...

И вдругъ показалось ему, что видѣніе это имѣетъ сходство съ нимъ самимъ. И чѣмъ глубже онъ всматривался, тѣмъ больше и больше находилъ онъ сходство. Наконецъ ему стало ясно, что онъ смотритъ на свое собственное отраженіе.

„Ты искалъ только это!“ повторилъ онъ послѣднія слова богини и взглянулъ на верхъ.

Богиня исчезла, врата были замкнуты... и только вечерняя звѣзда высилась надъ головою величаваго Сфинкса.

Такимъ одинокимъ, такимъ печальнымъ, покинутымъ, почувствовалъ себя теперь мятежный скиталецъ-морякъ, что палъ на колѣни и началъ молиться...

Съ берега потянулъ свѣжій вѣтерокъ, зефиромъ прошелъ по холмамъ, едва коснулся зеркальныхъ водъ и корабля, а высокія снасти шептали: „терпѣніе!"... и скалы вторили: „терпѣніе, терпѣніе!"

Тогда просвѣтлѣло лицо моряка-скитальца. Миръ и надежда вернулись въ сердце его. Теперь онъ ясно сознавалъ, что настанетъ день, когда онъ найдетъ свою путеводную звѣзду, и она приведетъ его въ царство мира.

Все стихло кругомъ. Безмятежный, сладкій сонъ объялъ и его. Глубокая, безмолвная ночь спустилась на спящій островъ и корабль,—тихая ночь неизреченной Нирваны.

Пер. **Н. Боянусъ.**

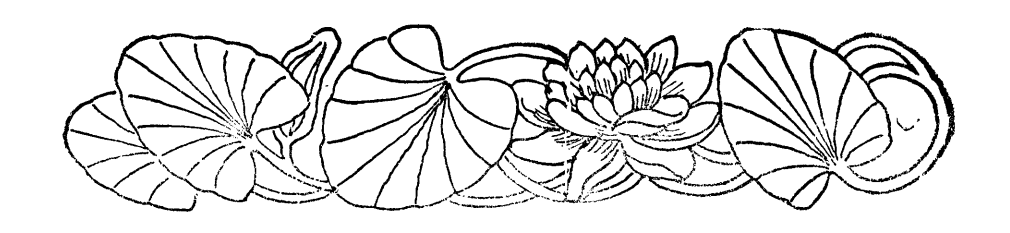

Моисей воззвалъ: „О Господи, гдѣ я найду Тебя?" Богъ сказалъ: „Когда ты ищешь Меня, ты уже нашелъ Меня".

Богъ—это то *все*, чего мы сознаемъ себя частью.

Отрицать Бога значитъ отрицать себя, какъ духовное, разумное существо.

(Мысли Льва Николаевича Толстого).

Обозрѣніе Теософической Литературы.

„Adyar Bulletin“ даетъ статью Ч. Ледбитера: „Карма въ Деваканѣ“ и очеркъ С. Нараянасвами: „Жизнь и ея оболочки“.

Ч. Ледбитеръ указываетъ, что человѣкъ творитъ карму на всѣхъ планахъ. Освобождаясь отъ грубо-физической оболочки, человѣкъ и въ загробной жизни вліяетъ своими стремленіями на окружающихъ; какъ всякія иныя силы, причины эти должны имѣть опредѣленныя послѣдствія. Это касается, главнымъ образомъ, міра астральнаго, ибо средній обыкновенный человѣкъ, вступая въ Девакан, больше не творитъ новыхъ причинъ, а лишь пожинаетъ накопившуюся духовную жатву послѣдняго воплощенія. Но человѣкъ духовный, опередившій своихъ братьевъ, можетъ двояко вліять на міръ: 1) созданіемъ чрезвычайно чистой и свѣтлой атмосферы, пробуждающей жизнь и радость во всемъ, что съ нею соприкасается, и 2) созданіемъ прекрасныхъ мыслеобразовъ, направленныхъ на помощь міру. Чѣмъ человѣкъ болѣе преисполненъ любви и отреченія, тѣмъ интенсивнѣе его творчество въ Деваканѣ. Порождая же цѣпь новыхъ причинъ и послѣдствій, человѣкъ тѣмъ самымъ продолжаетъ и творить карму въ Деваканѣ.

С. Нараянасвами такъ опредѣляетъ человѣка и его оболочки: Живатма (т. е. Божественная Сущность въ человѣкѣ) представляетъ собою какъ-бы Царя. Его оболочки суть его крѣпости. Царя нельзя смѣшивать съ его крѣпостями, которыя являются лишь вратами его государства.

„Theosophist“ даетъ статью А. Безантъ „Освобожденіе или Спасеніе“. Авторъ указываетъ, что въ первые вѣка христіанства, когда гнозисъ жилъ еще въ лонѣ христіанской церкви, слово „Спасеніе“ имѣло великій смыслъ. Оно означало познаніе жизни

вѣчной и побѣду надъ смертью; „спасшійся“ былъ человѣкъ, ставшій „столпомъ въ храмѣ Бога Живаго“. Такимъ образомъ, значеніе этого слова въ тѣ далекія времена совершенно совпадало со смысломъ слова „Освобожденія“, употребляемаго у послѣдователей Индуизма и Буддхизма. Съ матеріализаціей и упадкомъ религій эти слова постепенно утеряли свое высокое значеніе и стали служить проповѣди эгоистическаго самоспасенія. Въ свѣтѣ Теософіи раскрывается ихъ первоначальное глубокое значеніе.

Кхаза Кханъ разбираетъ Суфизмъ и указываетъ, что эта мистическая секта Ислама принимаетъ всецѣло ученіе о перевоплощеніи и Кармѣ. Авторъ указываетъ на глубокій символизмъ мусульманскихъ ученій.

Албарусъ начинаетъ очерки, посвященные Западной философіи и литературѣ. Въ I части своей статьи онъ отмѣчаетъ тотъ ростъ жизни чувства, который нашелъ себѣ выраженіе въ сентиментальномъ направленіи XVIII вѣка и романтизмѣ XIX. Авторъ видитъ въ этомъ интересѣ къ жизни сердца опредѣленный признакъ вступленія европейскаго общества въ новый фазисъ развитія, который долженъ былъ его подготовить къ пониманію великихъ нѣмецкихъ философовъ прошлаго вѣка.

Нараянасвами Айеръ, въ статьѣ „Индусская медицина“, знакомитъ насъ съ національными методами врачеванія „Чарака“ и „Шушрата“. Въ древнія времена Индусскій врачъ былъ іогомъ, онъ обладалъ духовнымъ вѣдѣніемъ и зналъ не только анатомію физическаго тѣла, но и строеніе болѣе тонкихъ нашихъ проводниковъ. Онъ зналъ, что всѣ недуги плоти имѣютъ свой корень въ болѣзняхъ духа и потому прежде всего обращалъ свое вниманіе на внутреннее состояніе человѣка. „Чарака“ даетъ такое опредѣленіе жизни: „Соединеніе въ одно тѣла, чувствъ, ума и души называется жизнью“. Медицина, называемая въ Индіи „Наука жизни“, заботилась о томъ, чтобы эти составныя части жизни находились въ гармоніи. Медицина неизбѣжно захватывала и область духовную. Ученіе о пранѣ, какъ о главномъ факторѣ во всѣхъ физіологическихъ процессахъ, играетъ важную роль въ древне-Индусской медицинѣ.

Ч. Ледбитеръ разбираетъ оккультную сторону христіанства. Авторъ указываетъ на то, что Отцы Церкви первыхъ вѣковъ обладали несомнѣнными глубокими духовными знаніями, гнозисомъ, и относились отрицательно къ неразумной слѣпой вѣрѣ.

Въ библіографическомъ Отдѣлѣ даются портретъ и біографія генеральнаго секретаря Итальянскаго Теософическаго Обще-

ства, Отто Пенцига, профессора ботаники при Генуэзскомъ университетѣ.

Отто Пенцигъ родился въ 1856 г. въ Пруссіи. Онъ получилъ образованіе въ лицеѣ, а затѣмъ въ университетѣ Бреслау. Двѣнадцати лѣтъ онъ уже пристрастился къ естественнымъ наукамъ и въ 1878 г. блестяще закончилъ естественный факультетъ. Онъ былъ назначенъ ассистентомъ при ботанической лабораторіи политехникума въ Карлсруэ, но здоровье заставило его уѣхать на югъ. Его работы при ботаническомъ садѣ въ Павіи, а затѣмъ въ Падуѣ обратили на себя вниманіе ученыхъ круговъ. Ставъ итальянскимъ подданнымъ, онъ былъ въ 1883 г. назначенъ директоромъ Королевской Земледѣльческой Станціи въ Моденѣ, а въ 1885 г. онъ получилъ особую награду за свои ученые труды. Въ 1890 г. онъ получилъ мѣсто профессора ботаники при Генуэзскомъ университетѣ. Въ 1887 г. онъ издавалъ извѣстный ботаническій журналъ Malpighia. Въ теченіе своей ученой карьеры онъ не разъ предпринималъ поѣздки на дальній Востокъ и привозилъ оттуда богатѣйшія коллекціи растеній. Въ настоящее время онъ состоитъ одновременно профессоромъ ботаники, завѣдующимъ естественнымъ факультетомъ и директоромъ ботаническаго сада въ Генуѣ. У него много ученыхъ цѣнныхъ трудовъ. Его эрудиція поразительна и въ иныхъ областяхъ знанія. Онъ говоритъ на 8 языкахъ.

Съ 1905 г. этотъ выдающійся дѣятель и ученый сталъ во главѣ теософическаго движенія въ Италіи. Прелестный домъ посреди его любимаго ботаническаго сада всегда открытъ теософамъ и является маленькимъ очагомъ жизни и свѣта. Своимъ внимательнымъ отношеніемъ къ учащейся молодежи, своей привѣтливостью и поразительной скромностью О. Пенцигъ завоевалъ себѣ всеобщую любовь и всеобщее уваженіе.

Къ № приложенъ древне-индусскій рисунокъ „Танецъ Шивы“ съ объясненіемъ А. Кумарасвами.

Богъ Шива танцуетъ, т. е. приводитъ въ движеніе Космосъ и даетъ толчокъ міровой эволюціи. Онъ одѣтъ въ леопардовую шкуру; шея его обвита змѣемъ. Оркестръ божественныхъ музыкантовъ своей музыкой участвуетъ въ божественномъ движеніи. За ними стоитъ Господь огня, Агни, слѣва боги, святые и цари склоняются передъ Шивой. Внимаютъ Богу богини и святыя; изъ нихъ выдается лучезарный образъ Сарасвати, богини рѣчи и музыки. На второмъ планѣ богиня тѣней Шакти сидитъ на престолѣ изъ лотосовъ, любуется собою въ зеркалѣ и вводитъ су-

щества въ огненный кругъ перевоплощеній. Надъ нею простирается древо жизни. Всѣ стоятъ на золотой землѣ небесъ, въ раю Шивы, окруженномъ бѣлоснѣжными вершинами Гималая. По нимъ плывутъ облака съ дэвами (ангелами), которыя бросаютъ дождь звѣздоподобныхъ цвѣтовъ.

Эта картина принадлежитъ кисти Абаниндранатъ Тагоре, школы Кангра Валлей; изъ всѣхъ позднѣйшихъ направленій живописи, эта школа сохранила наиболѣе чистыми Индусскія традиціи искусства.

„Lotus bleu" даетъ статью А. Лео „Астрологія есть душа астрономіи", продолженіе очерковъ Ч. Ледбитера о VI расѣ и его же статью „Одержимость животныхъ".

Въ этомъ послѣднемъ очеркѣ Ч. Ледбитеръ указываетъ, что животныя, также какъ и люди, могутъ быть одержимы. Ими можетъ овладѣть тревожная душа, не находящая себѣ покоя на астральномъ планѣ и страстно притягиваемая къ земной жизни. Если такая душа не находитъ для себя удобной почвы медіума, добровольно культивирующаго отдачу своей воли астральнымъ существамъ, то она можетъ устремиться на животное, овладѣть его психикой и, посредствомъ его, войти въ соприкосновеніе съ физическимъ планомъ. Такія одержимыя животныя чрезвычайно несчастны; ихъ сторонятся другіе звѣри и боятся. Вселившаяся въ животное душа испытываетъ всѣ мученія, наносимыя животному, и такимъ образомъ нерѣдко мучители животныхъ пожинаютъ послѣ смерти страшную карму своей жестокости на землѣ *).

Нѣмецкій журналъ „Theosophie" даетъ конецъ статьи г. Смита „Перевоплощеніе и біологія", продолженіе очерка Ч. Ледбитера о VI расѣ и статью А. Лео: „Астрологія есть душа астрономіи". Эта послѣдняя статья представляетъ прекрасное популярное введеніе въ изученіе астрологіи.

Въ „Annales Théosophiques", появляющихся 4 раза въ годъ, мы находимъ статью Ж. Шевріэ: „Личность человѣческая и воплощающееся Эго", очеркъ А. де-Нуаркармъ „Эзотеризмъ въ христіанскомъ ученіи" и статью Элмес'а „Матеріализмъ передъ судомъ разума".

Ж. Шевріэ устанавливаетъ отличительные признаки индивидуальности въ отличіе отъ временной земной личности, которая

*) Такая одержимость можетъ быть только временная и постигаетъ она только тѣхъ, кто живетъ еще самыми грубыми страстями и стремится только къ удовлетворенію животной чувственности.

умираетъ вмѣстѣ съ физическимъ и астральнымъ тѣлами даннаго воплощенія. Индивидуальность же, безсмертное Эго, переживаетъ всѣ свои воплощенія, нанизывая накопленный опытъ на нити своей безсмертной жизни.

А. де-Нуаркармъ въ своей статьѣ ставитъ вопросъ: почему христіанство утеряло древній гнозисъ? Авторъ объясняетъ это явленіе тѣмъ, что временно должно было особенно ярко быть выдвинуто значеніе человѣческой личности въ ея земной дѣятельности. Послѣдствіемъ было то, что вѣра въ вѣчную индивидуальность была замѣнена вѣрой въ безсмертную личность. Но 2000 лѣтъ, истекшіе съ Р. Х., являются только подготовительной фазой къ пониманію истиннаго христіанства, съ которымъ долженъ воскреснуть и древній эзотеризмъ и вѣра въ безсмертіе индивидуальности.

М. Элмэсъ разбираетъ ученіе матеріализма съ точки зрѣнія философской, этической и логической. Авторъ приходитъ къ заключенію, что передъ судомъ чистаго разума матеріалистическая система оказывается несостоятельной.

Американскій „Вѣстникъ Теософіи“ (The Theosophic Messenger) даетъ статью С. Жинаражадаза: „Мистицизмъ обѣдни“. Авторъ разбираетъ оккультную сторону церковныхъ ритуаловъ и ихъ символизмъ.

Статья „Японскій методъ леченія“ разсказываетъ о починѣ японскаго доктора Кванкосама, директора извѣстной санаторіи, который лечитъ нервно-больныхъ путемъ работы мысли и духовнаго углубленія. Больному даются психологическія задачи возрастающей трудности, надъ которыми онъ долженъ ежедневно работать. Въ теченіе нѣсколькихъ недѣль больные должны соблюдать ежедневно нѣсколько часовъ полнаго молчанія и думать только о заданныхъ задачахъ. Сосредоточиваясь на духовныхъ вопросахъ, больные забываютъ свои тревоги и волненія, крѣпнутъ духомъ, а затѣмъ и тѣломъ. Одинъ изъ паціентовъ, прошедшій курсъ леченія въ этой санаторіи, пишетъ: „Леченіе мое кончилось. Я укрѣпился тѣломъ и душою. Я утерялъ свою нервность и раздражительность, я могу теперь смотрѣть на вещи болѣе спокойно и чувствую себя въ силахъ справиться съ заботами и трудностями жизни“.

Въ статьѣ „Горькія воды“, В. Г. призываетъ къ радости жизни и къ бодрому труду. Мы не должны носиться съ прежними страданіями и не омрачать себя ненужными заботами о завтрашнемъ днѣ. Все это горькія воды, лишенныя живительной

влаги. Мы не должны прибавлять къ мраку и скорби міра. Сосудъ души мы должны наполнять свѣжей и живой водой беззавѣтной вѣры, надежды и любви.

Р. Жаганіатъ разсказываетъ о своей встрѣчѣ съ Е. П. Блаватской и о потрясающей силѣ произведеннаго на него впечатлѣнія. Это впечатлѣніе было такъ глубоко, что Р. Жаганіатъ серьезно принялся изучать Теософію и изъ атеиста обратился въ теософа.

X. Крауфордъ посвящаетъ статью разбору философіи Платона и приходитъ къ заключенію, что Платонъ былъ великій теософъ.

„Hindu College Magazine" разбираетъ рѣчь Т. Розвельт'а въ Парижѣ и обращаетъ вниманіе на глубоко религіозное отношеніе бывшаго Президента къ задачамъ жизни. Многія его мысли совершенно близки къ теософическому міропониманію.

Миканди Лила, ученикъ Ц. И. Коллэджа въ Бенаресѣ, обращается съ трогательной рѣчью къ учащимся товарищамъ. Онъ говоритъ, что долгъ воспитанника по отношенію къ своей Alma mater — школѣ, поддерживать ее духовно и матеріально. Онъ предлагаетъ отчислять мѣсячный процентъ изъ своего заработка и, кромѣ того, употребить каникулярное время на сборы пожертвованій въ пользу дорогой Индусамъ школы *).

Шведскій журналъ „Teosofisk Tidskrift" выходитъ ежемѣсячно и является органомъ Скандинавской Секціи. Въ послѣднемъ № идетъ статья Е. X. о христіанствѣ. Авторъ стремится объяснить христіанскую символику и особенно останавливается на ученіяхъ о грѣхѣ, о страшномъ Судѣ, о томъ, какъ понимать муки „вѣчныя" и мистерію крестнаго распятія. Свои объясненія авторъ заимствуетъ у А. Безантъ и Ч. Ледбитера. Нерѣдко онъ также дѣлаетъ ссылки на статьи Е. П. Блаватской. Кончается статья призывомъ къ духовной жизни.

Кромѣ хроники движенія идетъ еще краткое обозрѣніе теософической литературы.

„Tietäa" (Совѣсть), органъ Финляндской Секціи, выходитъ ежемѣсячно небольшими, но содержательными книжками. Въ послѣднемъ, полученномъ нами №, редакторъ Пекка Эрваетъ, представитель движенія въ Финляндіи, даетъ статью о „Царствіи

*) Уже не первый годъ учащіеся Ц. И. Коллэджа предпринимаютъ лѣтомъ путешествія пѣшкомъ, обходятъ много городовъ и деревень и собираютъ крупныя суммы въ помощь фондамъ Ц. И. Коллэджа.

Божьемъ внутри насъ". Въ этомъ №, кромѣ статьи Ч. Ледбитера о VI расѣ, идутъ еще слѣдующіе очерки: 1) Е. П. Блаватская и Тайная Доктрина (гр. К. Вахтмейстеръ); 2) Очеркъ жизни и дѣятельности Пиѳагора (В. Полона); 3) Душевное развитіе и внѣшнія условія (Henkinen); 4) Гдѣ рай? (Мисса on); 5) Путь познанія (Р. Штейнера); 6) Путь къ жизни черезъ смерть; 7) Обозрѣніе теософической литературы и хроника движенія. Есть также библіографическій отдѣлъ и Вопросы и Отвѣты.

Можно отъ души порадоваться, что юная Секція уже обладаетъ такимъ серьезнымъ органомъ и что теософическое движеніе въ Финляндіи такъ сильно растетъ.

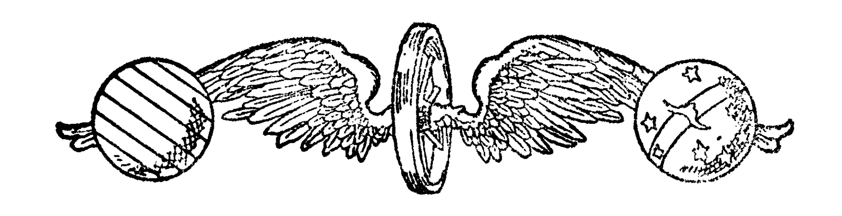
Alba.

Вся жизнь человѣка, пробужденнаго къ духовной жизни, должна проходить между требованіями разума, т. е. божескими, и требованіями человѣческими и желаніями личными.

Люди, не воскресшіе къ жизни, заняты всегда и всего только представленіями жизни, а жизни нѣтъ; заняты ѣдой, сномъ, ученіемъ, отдыхомъ, продолженіемъ рода, воспитаніемъ. Одного нѣтъ—жизни, роста своей жизни.

(Мысли Льва Николаевича Толстого).

Хроника Теософическаго движенія.

═ 27 октября, въ залѣ Женскаго Общества, состоялось открытое собраніе Россійскаго Теософическаго Общества. Членъ Совѣта, М. А. Каменская, сдѣлала сообщеніе на тему „Основныя положенія Теософіи". Въ своемъ докладѣ лекторъ особенно оттѣнилъ синтетическую сторону Теософическаго ученія, которое примиряетъ религію съ наукой и объединяетъ всѣ религіозно-философскія системы міра. Послѣ сообщенія были оживленныя пренія. Слѣдующее открытое Собраніе назначено на 8 декабря.

═ 30 октября состоялось I открытое собраніе Калужскаго Отдѣла Россійскаго Теософическаго О-ва. Предсѣдательницею было сдѣлано сообщеніе на тему „Е. П. Блаватская и ея значеніе" Послѣ преній былъ концертъ при содѣйствіи А. В. Унковской и гр. С. Н. Толстой.

═ При Кіевскомъ Отдѣлѣ Рос. Теос. О-ва начался популярный курсъ по Теософіи. На эти бесѣды записалось большое количество слушателей.

═ 19 ноября, въ большой аудиторіи Соляного городка, А. В. Унковская прочла лекцію на тему „Искусство въ свѣтѣ Теософіи и метода цвѣто—звукъ—число". Лекція имѣла блестящій успѣхъ.

═ 21 ноября, при помѣщеніи Рос. Теос. О-ва состоялось годовое собраніе О-ва.

═ Въ Англіи возникло въ связи съ лѣтними Теософическими курсами интересное учрежденіе: „Школа Е. П. Блаватской", которая организуетъ систематическіе курсы по различнымъ отраслямъ Теософіи и организуетъ „классы корреспонденціи", на которые можно записаться изъ любой части свѣта; опытные лекторы будутъ завѣдывать этой перепиской и давать серьезные и обстоятельные отвѣты на присылаемые имъ вопросы членовъ Школы. По своему плану, эта Школа очень напоминаетъ только-что основанный „Институтъ имени Е. П. Блаватской" *) въ Гэл'ѣ (Hale, Cheshire.

*) О немъ были свѣдѣнія въ сентябрскомъ № „В. Т".

Riverside). „Школа Е. П. Блаватской“ открываетъ въ Лондонѣ свой центръ съ пансіономъ и клубомъ для теософовъ и не теософовъ. Программа дѣятельности этого учрежденія интересна. Завѣдующимъ его состоитъ кн. Гагаринъ. (Всѣ справки нужно посылать на его адресъ: Лондонъ 71, Clements Inn, Strand, W. C.) Вступительный взносъ 10 гиней (105 руб.), годовая плата 4 гинеи (42 руб.), для иногороднихъ 2 гинеи (21 руб.); для иноземцевъ 1 гинея (10 р.). Членство даетъ право на пользованіе комнатой при клубѣ и на слушаніе всѣхъ лекцій, устраиваемыхъ Школой. Цѣль общежитія— дать возможность пріѣзжимъ теософамъ не останавливаться въ гостинницахъ и создать мѣсто для свободнаго общенія между теософами и интересующимися Теософіей.

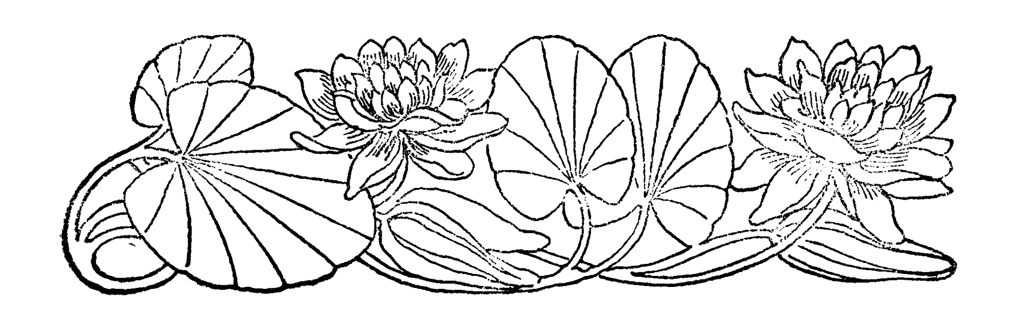
═ Въ Швейцаріи, въ Женевѣ 22 октября состоялось соединенное собраніе 7 вѣтвей Теософическаго общества. Состоялось единогласное рѣшеніе образовать Швейцарское Теософическое Общество, примыкающее къ Адіару, главной квартирѣ международнаго Теос. О-ва. Такимъ образомъ, скоро будетъ еще одно Національное Теософическое О-во, счетомъ 18-е. Судя по росту движенія въ Испаніи и Бельгіи, можно ожидать, что въ скоромъ времени число такихъ Обществъ достигнетъ 20.

═ Въ Лондонѣ, при помѣщеніи Теос. О-ва начались воскресныя бесѣды по Теософіи для интересующихся. Эти бесѣды составлены очень популярно. Онѣ безплатны и привлекаютъ многочисленную публику.

═ Въ декабрѣ 27—30, въ Бенаресѣ состоится годовой съѣздъ Индусскихъ теософовъ, при которомъ происходятъ засѣданія Общаго Совѣта всеміpнаго Теософическаго Общества.

═ Одновременно развоплотились два выдающихся работника—теософа: гр. Вахтмейстеръ и г-жа Елена Шюстэтъ, знаменитый ораторъ Швеціи.

Графиня Вахтмейстеръ родилась въ Италіи. Она принадлежала къ древнему французскому роду Marquis de Bourb, воспитывалась въ Англіи, у своей тетки, г-жи Бэлклей. Въ 1863 г. вышла замужъ за шведскаго посланника, гр. Вахтмейстеръ. Она обладала ясновидѣніемъ и долго искала объясненія своимъ необыкновеннымъ переживаніямъ. Наконецъ ей удалось встрѣтиться съ Е. П. Блаватской и Теософія освѣтила всѣ мучившіе ее вопросы. Она пробыла нѣсколько лѣтъ съ Е. П. Блаватской и всей душой отдалась дѣлу Теософіи, которому вѣрно служила до самой своей смерти. Особенно много она поработала для Теософіи въ Америкѣ.

Хроника жизни.

═ 12 октября состоялось закрытое собраніе Философскаго Общества въ С.-Петербургскомъ Университетѣ. Былъ прочитанъ докладъ С. И. Поварнина „Объ интуитивизмѣ Н. О. Лосскаго". Положенія доклада: 1) Видовое отличіе (differentia specifica) въ опредѣленіи познанія у г. Лосскаго неопредѣленно. Оно приводитъ къ ряду противорѣчій въ ученіи объ отношеніи сознанія къ познанію. Противорѣчія эти проходятъ черезъ все ученіе г. Лосскаго. 2) Ученіе о сужденіи у г. Лосскаго отчасти недостаточно, отчасти противорѣчиво. Недостаточно учтена роль синтеза въ познаніи; и пробѣлъ, получившійся отъ этого, отчасти скрытъ неопредѣленностью терминологіи, отчасти приводитъ къ новымъ противорѣчіямъ. 3) Однимъ изъ слабыхъ мѣстъ „Интуитивизма" является ученіе о критеріи истины. 4) Интуитивизмъ г. Лосскаго есть интуитивизмъ только наполовину. Міръ познается непосредственно, по теоріи г. Лосскаго, въ лучшемъ случаѣ только наполовину. 5) Интуитивное познаніе Бога у мистиковъ, въ которомъ г. Лосскій видитъ какъ бы аналогію съ „интуитивнымъ" познаніемъ міра въ Интуитивизмѣ, не имѣетъ съ послѣднимъ ровно ничего общаго, кромѣ одного признака непосредственности. Въ остальномъ они противоположны другъ другу. Поэтому названіе „мистическій эмпиризмъ" не соотвѣтствуетъ содержанію.

═ Въ С.-Петербургскомъ Религіозно-Философскомъ Обществѣ 13 октября состоялся докладъ Д. В. Философова: „Желательна ли анкета по религіозному вопросу?"

Религіозная анкета, предпринятая студентомъ Введенскимъ, не удалась, но она пробудила къ себѣ большой интересъ, а потому Религіозно-Философское Общество рѣшило само произвести

подобную анкету. Но такъ какъ невозможно опросить всю интеллигенцію, весь народъ—такъ, чтобы этотъ опросъ далъ основанія „для научныхъ выводовъ“, то Д. В. Философовъ предлагалъ устроить пока такую анкету среди студенчества. Многіе возражали, что это не будетъ соотвѣтствовать цѣли,—узнать направленіе религіозной мысли современной интеллигенціи, такъ какъ одно студенчество не представляетъ собою всю интеллигенцію, оно скорѣе лишь „будущая“ интеллигенція и теперь отличается неопредѣленностью и неустойчивостью въ своихъ воззрѣніяхъ; а г. Трегубовъ очень горячо настаивалъ на плодотворности подобной анкеты среди сектантовъ и вообще той части народа, въ которой уже ясно пробудились религіозныя стремленія,—и онъ указалъ на громадныя толпы у „братца Иванушки“, полныя энтузіазма... но, такъ какъ, несмотря на отдѣльные, вѣроятно, очень интересные отвѣты, въ общемъ этотъ опросъ не могъ бы дать основанія для статистическихъ выводовъ (на это все время указывалъ Д. В. Философовъ, назвавъ, между прочимъ, это религіозное пробужденіе народа хлыстовствомъ),—то обществомъ и была принята пока анкета среди студенчества.

═ Тамъ же 26 октября—докладъ проф. Н. А. Гредескула: Религія въ границахъ человѣческаго (о книгѣ Natorp'a „Religion innerhalb der Grenzen der Humanität“).

Задачи человѣческаго познанія Наторпъ видитъ въ наукѣ нравственности и искусствѣ, религіозную же сферу Наторпъ называетъ чувствомъ,—въ смыслѣ первоосновы всѣхъ ихъ объединяющей.

Но, какъ могущество и обаяніе религіи кроется въ ея притязаніи на универсальность, на общеніе съ безконечнымъ, такъ въ этомъ же лежитъ и ея „фальсификація“, такъ сказать, опасность отъ нея для познанія и нравственности, такъ какъ безконечное недоступно для познанія, — а она полагаетъ его своимъ объектомъ; такъ какъ честно, „нравственно“ поступать по отношенію къ безконечному, къ Богу нельзя,—это безсмыслица, а для религіи общество людей, какъ объектъ, кажется недостаточнымъ, то она обезцѣниваетъ конечныя, „земныя“ задачи. Поэтому, по мнѣнію Наторпа, религію надо ограничить, „отсѣчь“ отъ нея все, что стремится къ трансцендентному.

Докладчикъ, перейдя къ оцѣнкѣ этой теоріи, высказался противъ какого бы то ни было урѣзыванія религіи въ пользу ли „нравственности“ или науки, такъ какъ только тогда религія будетъ истиннымъ благомъ для человѣчества, когда она будетъ свободна.

Оппонировали г. Столпнеръ (соглашался съ оцѣнкою докладчика, но исходилъ изъ нѣсколько другихъ основаній) и г. Гессенъ.

═ Въ числѣ вопросовъ, поставленныхъ на программу состоявшагося въ началѣ октября новаго стиля VIII международнаго пенитенціарнаго конгресса въ Вашингтонѣ, значился вопросъ о той роли, какую играетъ смертная казнь, какъ наказаніе въ различныхъ странахъ. Семь государствъ откликнулись на эту анкету: С.-Ам. С. Штаты, Франція, Россія, Швеція, Норвегія, Гамбургъ и Трансвааль.

Представленныя статистическія таблицы Швеціи и Норвегіи показываютъ, что значительное сокращеніе преступности противъ жизни шло параллельно съ вымираніемъ смертной казни. Во Франціи статистика тоже показываетъ, что число убійствъ уменьшается въ годы, когда смертная казнь примѣняется рѣдко. Въ статистикѣ примѣненія смертной казни въ С.-Ам. Штатахъ указано, что штаты, въ которыхъ смертная казнь отмѣнена, являются вмѣстѣ съ тѣмъ штатами съ наименьшимъ количествомъ убійствъ; то же самое въ Гамбургѣ и Трансваалѣ. Почерпнутые изъ опыта указанныхъ странъ результаты показываютъ, что смертная казнь вымираетъ и что число преступленій противъ жизни не стоитъ въ прямой зависимости отъ суровости репрессій. Отмѣна смертной казни, наоборотъ, несомнѣнно вызываетъ пониженіе этого вида преступности.

═ Братецъ Иванъ Чуриковъ, учитель московскихъ братцевъ Ивана Колоскова и Димитрія Григорьева, до сихъ поръ еще не отлученъ отъ церкви; а такъ какъ московскіе братцы, отлученные отъ церкви, проповѣдывали то же самое ученіе и имѣли разрѣшеніе на публичную проповѣдь, то рѣшено (замѣтка въ газетѣ „Голосъ Москвы") посредствомъ суда выяснить: законно ли „братцы" отлучены отъ церкви, т. е. толкуютъ ли они Евангеліе въ духѣ православной церкви или проповѣдуютъ сектанскую ложь. Дѣло это находится у судебнаго слѣдователя московскаго окружнаго суда. Предстоитъ интересный религіозный процессъ (говорится въ замѣткѣ) московскаго духовенства съ „братцами", на которомъ посредствомъ гражданскаго суда будутъ выясняться чисто духовно-религіозные вопросы.

═ Съ ноября 1910 г. будетъ выходить еженедѣльная общественно-педагогическая газета „Школа и жизнь". „Школа и жизнь"— названіе одной изъ незабвенныхъ статей Н. И. Пирогова, столѣтіе дня рожденія котораго мы чествуемъ въ этомъ году, и мы съ

благоговѣніемъ (говорится въ объявленіи объ этой газетѣ) заимствуемъ это названіе для нашей газеты; нашъ лозунгъ—основная мысль этой статьи: „школа и жизнь есть одно неразрывное цѣлое“. Прогрессъ нашей сложной жизни немыслимъ безъ школы школа строится совокупностью условій жизни. Въ частности, наша школа можетъ быть организована лишь совмѣстными усиліями общества и педагоговъ. Наша цѣль—заставить самые широкіе круги общества признать первенствующее и рѣшающее значеніе образованія для всей дальнѣйшей судьбы нашей родины. Для этого у общей печати нѣтъ въ достаточной мѣрѣ ни мѣста, ни времени, ни сконцентрированныхъ силъ, и изданіе съ этою цѣлью специальной общественной газеты намъ кажется вполнѣ обоснованнымъ и своевременнымъ. Могущественнѣйшее средство для всемѣрнаго распространенія и развитія образованія мы усматриваемъ въ единствѣ школы, въ преемственной связи всѣхъ ея трехъ ступеней,—и подъ этимъ знаменемъ мы вступаемъ въ жизнь... Школа есть достояніе и явленіе культуры и, какъ таковая, должна стоять внѣ партій и политики; поэтому и наша газета будетъ строго безпартійной.

Признаніе права всѣхъ національностей на свой родной языкъ въ школѣ мы считаемъ существеннѣйшимъ признакомъ здороваго націонализма и національная школа въ этомъ широкомъ смыслѣ встрѣтитъ въ насъ горячихъ защитниковъ"...

Далѣе она говоритъ о необходимости ознакомленія общества съ матеріалами, накопившимися въ наукѣ и въ опытѣ всемірной школьной жизни, о значеніи частной иниціативы, о желаніи освѣтить всѣ вопросы по педагогикѣ, методикѣ обученія, психологіи и философіи.

═ Вегетаріанское Общество давно уже озабочено мыслью объ открытіи въ Петербургѣ общественной столовой на возможно простыхъ, экономныхъ и гигіеничныхъ основаніяхъ. Для этой цѣли оно намѣрено теперь пригласить г-жу Ж. И. Шульцъ, извѣстную не только въ Россіи, но и за-границей своими познаніями въ вегетаріанскомъ кулинарномъ дѣлѣ и опытную въ дѣлѣ организаціи и содержаніи вегетаріанскихъ столовыхъ. Совѣтъ Вегетаріанскаго Общества проситъ всѣхъ членовъ и лицъ, сочувствующихъ вегетаріанскому питанію, придти Совѣту на помощь—принять извѣстную часть отвѣтственности въ случаѣ, если столовая дастъ убытки, а также жертвовать деньгами и вещами.

═ 30 октября вѣсти изъ Ясной Поляны взволновали всѣхъ: Левъ Николаевичъ Толстой внезапно уѣхалъ съ докторомъ Мако-

вецкимъ неизвѣстно куда. Онъ оставилъ письмо, въ которомъ пишетъ, что ему тяжело жить въ обстановкѣ роскоши, что такая жизнь давно противна его убѣжденіямъ и что онъ мечтаетъ жить по иному. Пишетъ, что уходитъ изъ чуждаго ему міра, какъ уходятъ нѣкоторые въ монастырь. Онъ проситъ не безпокоиться о немъ и не безпокоить его. Онъ все равно не вернется...

Московскій корреспондентъ пишетъ, что для друзей Толстого этотъ уходъ не былъ какой-нибудь неожиданностью. Онъ — психологическое слѣдствіе міросозерцанія и настроеній Льва Николаевича.

Но самый день ухода (четвергъ, 28) былъ совершенной неожиданностью даже для спутника Льва Николаевича, д-ра Маковецкаго, что видно изъ его письма за два дня до этого.

Это событіе, конечно, привлечетъ вниманіе всего міра: геніальный, великій писатель и человѣкъ бросаетъ все, порываетъ связь со всѣми родными и той обстановкой, въ которой протекла большая часть его жизни, чтобы предаться полнѣйшему уединенію. „То уединеніе, на которое рѣшился Л. Н.,—сказала Т. А. Кузьминская, сестра графини С. А. Толстой,—является настоящимъ апоѳеозомъ всей его жизни"... „Сколько разъ, содрагаясь передъ ужасами жизни,—говоритъ А. Хирьяковъ въ газетной замѣткѣ,— онъ высказывалъ желаніе умереть! А когда, недавно, писалъ о своемъ желаніи быть посаженнымъ въ тюрьму, то вѣдь и это желаніе есть только видоизмѣненное желаніе оторваться отъ ужасовъ современной жизни, почувствовать свою несвязанность съ тѣмъ строемъ, который создаетъ эти ужасы!..."

═ 7 ноября, въ 6 час. утра, Л. Н. Толстой — великій апостолъ мира и любви—покинулъ физическій міръ.

═ Въ кіевскомъ религіозно-философскомъ обществѣ въ сентябрѣ и октябрѣ текущаго года былъ прочитанъ рядъ докладовъ. Первый, докладъ г. Лазарева, былъ посвященъ памяти Джемса, причемъ во время возникшихъ преній довольно подробно былъ разсмотрѣнъ вопросъ о мистикѣ, какъ возможность непосредственной связи человѣка съ непознаваемымъ. Другой докладъ г. Попова былъ посвященъ вопросу о конфессіонализмѣ; докладчикъ рядомъ удачно подобранныхъ ссылокъ на историческіе документы съ полной наглядностью показалъ, что каждая изъ существующихъ христіанскихъ церквей считаетъ возможность спасенія допустимой исключительно лишь для своихъ членовъ и отрицаетъ эту возможнесть для членовъ другихъ, хотя бы и христіанскихъ церквей. Оживленные дебаты вызвало засѣданіе, посвя-

щенное анкетѣ А. И. Введенскаго, гдѣ докладчиками выступали В. В. Зѣньковскій и Е. М. Кузьминъ. Первый, изложивъ доводы противъ анкеты, особенно подчеркнулъ полную ея непригодность въ смыслѣ научнаго матеріала. Второй, соглашаясь отчасти съ г. Зѣньковскимъ въ оцѣнкѣ научной стороны вопроса, указалъ на значеніе анкеты въ смыслѣ поднятія опредѣленной психической волны въ настоящемъ обществѣ и значеніи анкеты для каждой отдѣльной личности, которой будутъ поставлены извѣстные вопросы. Изъ возникшихъ дебатовъ выяснилось, что большинство публики всетаки стоитъ за анкету. При этомъ особенно выдѣлилась рѣчь В. Н. Добринскаго, очень удачно развившаго и объяснившаго мысль о „психической волнѣ", указавшаго на дѣйственную реальность мысли вообще, выходящей далеко за предѣлы той аудиторіи, гдѣ она высказана или даже только продумана. Докладъ г. Лашнюкова „о происхожденіи религій" имѣлъ цѣлью показать неосновательность тѣхъ представителей псевдонаучной мысли, которые выводятъ религію изъ наблюденій первобытнымъ человѣкомъ необъяснимыхъ имъ явленій природы. Во время дебатовъ однимъ изъ присутствующихъ теософовъ была высказана мысль, что всѣ великія религіи никогда не были выводомъ индуктивной мысли, опирающейся на наблюденіи фактовъ, а были даваемы путемъ откровенія и по мѣрѣ удаленія отъ своего первоисточника не только не развивались, какъ было высказано однимъ изъ ораторовъ, а наоборотъ приходили въ упадокъ и теряли въ силѣ воздѣйствія ихъ на людей.

Текущій годъ кіевское религ. фил. об-во предполагаетъ закончить засѣданіями, посвященными памяти о Хомяковѣ и Влад. Соловьевѣ.

= Памяти Льва Николаевича Толстого былъ посвященъ рядъ вечеровъ въ разныхъ обществахъ. 13 ноября—въ залѣ Консерваторіи было публичное собраніе, устраиваемое всѣми научными литературными обществами столицы и печатью. Собраніе привлекло громадное стеченіе публики и билеты брались съ бою. Собраніемъ руководилъ проф. М. М. Ковалевскій. Эстрада была нарядно убрана; среди растеній возвышался большой бюстъ Л. Толстого; на аванъ-сценѣ въ яркомъ освѣщеніи былъ выдвинутъ его портретъ. Говорили: М. Ковалевскій, г. Адріановъ, г. Овсяннико-Куликовскій, Г. А. Фальборкъ, г. Арабажинъ, г. Милюковъ, г. Родичевъ. Чрезвычайно интересно, что у многихъ ораторовъ звучала нота призыва къ духовному единенію и Л. Н. Толстой разсматривался какъ геній, объединившій своимъ религіознымъ настроеніемъ людей всего міра.

= 12-го ноября Россiйское Теософическое Общество чествовало память Л. Н. Толстого, а 13-го ноября память его чествовало Религiозно-Философское Общество.

Россiйскимъ Теософическимъ Обществомъ была отправлена въ Ясную Поляну телеграмма: „Совѣтъ Р. Т. О-ва шлетъ свое глубокое сочувствiе осиротѣвшей семьѣ великаго Апостола мира и любви".

Н. Т.

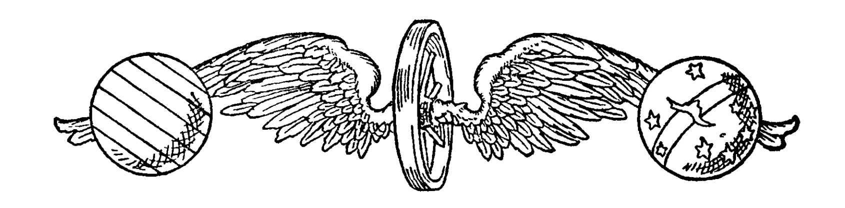

Предѣлы этого ограниченнаго отъ всего остальнаго начала представляются человѣку движущимся тѣломъ своимъ и другихъ существъ.

Жизнь наша представляется намъ жизнью пространственнаго тѣла, движущагося во времени.

Царствiе Божiе внутри насъ и внѣ насъ. Когда мы его устанавливаемъ въ себѣ, оно устанавливается въ мiрѣ. Установленiе Царства Божiя внутри насъ нужно и для Бога, и для насъ, и для другихъ людей.

(Мысли Льва Николаевича Толстого).

Изъ газетъ и журналовъ.

═ Вышли отдѣльной брошюрой письма архимандрита Михаила „О свободѣ и христіанствѣ (о подлинномъ Христѣ)“. Въ предисловіи къ нимъ онъ спрашиваетъ: „Что такое христіанская церковь? Она не въ храмахъ только, она обнимаетъ все и все освѣщаетъ: „Своды ея охватываютъ не только вѣру и религію, но и всю жизнь; все, что живетъ, существуетъ: будничный трудъ и воскресный покой, утра заботы, сны ночи, юности рѣзвость и старца печаль; ключъ, что журчитъ подъ горою, тотъ водопадъ, что въ ущельѣ реветъ, бури стенанія, стонъ моря... Все это церковь—весь міръ“... („Брандтъ“, драма Ибсена). Въ своей исторической эволюціи, говоритъ онъ,—необходимость самосохраненія и коллективной борьбы съ природой за право существованія заставила человѣка группироваться въ общества, союзы и тогда выдвинулась рабская мораль общества противъ покушеній со стороны отдѣльнаго индивидуума, не желающаго справляться съ желаніями большинства... Произошло порабощеніе духа. И тогда пришелъ Христосъ. „Я пришелъ разрушить“, сказалъ Онъ; и разрушеніе Онъ началъ съ того, что люди привыкли считать опорой своего существованія, за что они прятались, какъ за оправданіе своего права жить... Но одну ветхозавѣтную заповѣдь Христосъ повторилъ: „Люби ближняго, какъ самого себя“. Для того же, чтобы любить, какъ самого себя, надо — найти себя, полюбить тотъ образъ, который данъ человѣку Богомъ, скрытое лицо человѣка—бога... надо полюбить свою душу и не бояться свое „я“ разсматривать, какъ возможный центръ своего жизнепониманія... Христа и его „жертву“ не понялъ міръ: Христосъ показалъ, что надо страдать за весь міръ, а Его послѣдователи стали убѣгать отъ міра и его зла... Это привело къ кощунству противъ Бога, къ отрицанію всего добраго и прекраснаго, что Онъ далъ въ природѣ и

искусствѣ... Распятіе Христа—это начало искупленія, оно должно завершиться самимъ человѣчествомъ, облекшимся во Христа. Но Христосъ живъ у насъ, такъ сказать, лишь по праздникамъ... Христіанство сдѣлалось религіей калѣкъ, ко Христу приходятъ люди, чтобы Онъ „возлилъ на нихъ вино и масло“, и послѣ снова возвращаются въ „будни“ животной жизни... Поэтому внѣ христіанства уже родилась борьба за „освобожденіе жизни“, но этому движенію—безъ Христа,—которое имѣло столько оттѣнковъ отъ Фурье и Сенъ-Симона до „Саввы“ Андреева,—не достаетъ любви „къ себѣ“, христіанскаго культа личности, нѣтъ благоговѣнія предъ идеей человѣка, движущагося къ Богу. „Ложь соціализма“—сказалъ Владиміръ Соловьевъ, „не въ томъ, что онъ такъ много требуетъ для рабочихъ въ матеріальномъ отношеніи, а въ томъ, что такъ мало требуетъ въ духовномъ отношеніи... *въ умаленіи вѣчныхъ цѣнностей*“. Нужно рядомъ съ борьбою за хлѣбъ поставить какую-нибудь огромную идею, которая родила бы въ людяхъ постоянную и вѣчную тоску о *„будущемъ человѣкѣ“*. Въ заключеніи своихъ писемъ архимандритъ Михаилъ говоритъ о большой, по его мнѣнію, роли женщины въ будущемъ, такъ какъ женщина уже поняла, говоритъ онъ, что „дѣло освобожденія“ шире и трагичнѣе. „И когда“—заканчиваетъ онъ, „земное движеніе столкнется съ небеснымъ—родится, воскреснетъ человѣкъ и будетъ совершено искупленіе“.

Въ своемъ вѣроисповѣданіи,—вѣроисповѣданіи въ мукахъ родившемся, такъ какъ „не легко отойти отъ родныхъ шатровъ, гдѣ жили отцы“,—онъ говоритъ, что церкви, называющія себя христіанскими, не исповѣдуютъ Христа Истиннаго,—и онъ обвиняетъ церковь въ служеніи земной власти, тому, чего не можетъ принять совѣсть.

Всему этому онъ противопоставляетъ положенія Новой церкви, основанной на свободѣ вѣроисповѣданія, единствѣ народовъ, отрицаніи собственности и на полной ея независимости отъ государства; утверждаетъ, что Духъ Святой и теперь продолжаетъ свои откровенія, такъ что истины нравственности, вѣры и жизни становятся все глубже и глубже; что всякое знаніе, раскрывающее тайны міра и законы жизни—боговдохновенно; что боговдохновенно и священно искусство, а также и тѣло человѣка...

Заканчивается вѣроисповѣданіе призывомъ къ дѣлу обновленія міра всѣхъ людей, которые даже и не вѣрятъ въ Христа-Бога, не принимаютъ догмы Историческаго Христа, но для которыхъ Христосъ все же живъ, какъ идея обновленнаго человѣка, а Голгоѳа—какъ проповѣдь о путяхъ человѣчества.

═ Въ „Вегетаріанскомъ Обозрѣніи“ съ мая мѣсяца печатаются „Письма буддиста къ христіанину“ (переводъ съ нѣмецкаго книги подъ заглавіемъ „Ужасы христіанской цивилизаціи“). Эту книгу Л. Н. Толстой въ своемъ письмѣ о ней называетъ очень интересной и поучительной; онъ говоритъ: Буддизмъ въ послѣднее время все болѣе и болѣе очищается отъ наростовъ, скрывавшихъ его, все болѣе и болѣе открывается его истинная сущность, такъ что въ послѣднее время и въ Европѣ, и въ Америкѣ все чаще и чаще встрѣчаются люди, переходящіе изъ христіанства въ буддизмъ. Не говоря о метафизической глубинѣ ученія, такъ хорошо разъясненнаго Шопенгауеромъ, особенно привлекательна нравственная практичность этого ученія съ его основными пятью заповѣдями для всѣхъ вѣрующихъ въ буддизмъ: 1) не убивать умышленно никакое живое существо, 2) не присваивать себѣ того, что считается другими ихъ собственностью, 3) не предаваться половой похоти, 4) не лгать и 5) не одурманивать себя напитками или куреніемъ. Невольно приходитъ въ голову, какая произошла бы огромная перемѣна въ жизни, если бы люди знали эти заповѣди и считали ихъ хотя бы столь же обязательными, какъ и исполненіе внѣшнихъ обрядовъ.

═ „Въ Ѳеодосійскомъ Листкѣ“ была статья „Нейтрализація Іерусалима и Палестины“, въ которой авторъ говоритъ: Ни одна христіанская церковь не освободитъ Іерусалимъ и Палестину, если за это освобожденіе не возьмутся сами евреи-христіане, принадлежащіе къ различнымъ христіанскимъ церквамъ. Совершенно забываютъ о томъ, что евреи-христіане являются не менѣе вѣрными носителями Христова ученія, чѣмъ представители другихъ націй... въ этомъ евреи сами до нѣкоторой степени виноваты. Когда христіане-евреи поймутъ настоящую силу въ признаніи своей національности, то Христіанскій Іерусалимъ окажется столицей ихъ коренного отечества...

Необычайно интересно представить себѣ, какъ группы самыхъ различныхъ людей, хотя и одной національности, будутъ работать надъ объединеніемъ своего народа на почвѣ высшихъ философскихъ теченій; не осуществится ли здѣсь въ области христіанскихъ церквей задача Теософіи—братство религій?..

═ Въ „Вѣстникѣ воспитанія“ были статьи Е. Лозинскаго „О нравственномъ началѣ въ жизни и воспитаніи ребенка“. Такъ какъ „Вегетаріанское Обозрѣніе“, перепечатавъ тѣ мѣста изъ его статьи, которыя представляли специфическій интересъ для послѣдователей вегетаріанскаго ученія, не упомянуло объ основной

мысли ея по данному вопросу, то Лозинскій и указалъ на нее въ письмѣ въ редакцію „Кіевскихъ вѣстей“, озаглавленномъ „Вегетаріанство и антропофагія“. Онъ говоритъ, что „классовое расчлененіе общества“—распаденіе послѣдняго на эксплоатирующихъ и эксплоатируемыхъ, на „пожирающихъ“ и „пожираемыхъ“ не можетъ не отражаться на душевномъ ростѣ подрастающихъ поколѣній. Можно перестать питаться мясомъ животныхъ и все же продолжать—самымъ фактомъ своего привиллегированнаго существованія—питаться мясомъ своихъ ближнихъ... впредь до отмѣны современныхъ каннибальскихъ началъ жизни, всѣ вегетаріанскія радѣнія могутъ имѣть (и имѣютъ) почти одно лишь медицинское, но не истинно-моральное значеніе... Современный типичный вегетаріанецъ, говоритъ Лозинскій, это—„людоѣдъ“, испортившій свой желудокъ въ самомъ процессѣ своей каннибальской жизни и ищущій своего оздоровленія въ перемѣнѣ мясной пищи на растительную... Необходимо мужественное и неуклонное проведеніе „вегетаріанскихъ“ началъ „безубойнаго питанія“ во всѣ сферы жизни, какъ чисто личной, такъ и общественной; необходимо тщательное различеніе тѣхъ вегетаріанцевъ, которые примыкаютъ къ данному теченію исключительно въ интересахъ своего правильнаго пищеваренія, отъ тѣхъ, которые смотрятъ на безубойное питаніе лишь какъ на самую незначительную часть огромной нравственной и общественной задачи—борьбы со всѣмъ каннибальскимъ строемъ жизни...

== По изслѣдованію медіумизма появился новый, послѣдній, трудъ недавно скончавшагося виднаго дѣятеля Общества для психическихъ изслѣдованій Ф. Подмора „The new Spiritualism“. Въ своемъ трудѣ Подморъ сокрушаетъ всѣ лучшія свидѣтельства заодно съ плохими, при малѣйшемъ поводѣ въ нихъ усумниться. Но, выполнивъ это, Подморъ оказывается вынужденнымъ признать, что въ области „таинственныхъ“ душевныхъ явленій дѣйствительно имѣется нѣчто пока таинственное и достойное удивленія и размышленія. Трудъ его посвященъ, главнымъ образомъ, такъ называемымъ „ясновидѣнію“ и сообщеніямъ, исходящимъ якобы отъ душъ умершихъ, проявленіямъ предполагаемыхъ „духовъ“ черезъ медіумовъ, впадающихъ въ „трансъ“, когда, по мнѣнію современныхъ психологовъ и неврологовъ, въ нихъ начинаетъ свободную дѣятельность загадочная природа подсознательной душевной жизни. Упомянутыя явленія, послѣ временнаго пренебреженія ими, изучаются теперь самымъ научнымъ и тщательнымъ образомъ, при чемъ причастность къ нимъ „духовъ“

большею частью оспаривается... Тѣмъ не менѣе, съ сообщеніями людей недавно умершихъ, говоритъ Подморъ, приходится считаться... но какъ ихъ объяснить? Телепатіей, т. е. улавливаніемъ медіумомъ воспоминаній и мыслей окружающихъ лицъ не только въ сознаніи, но и въ ихъ подсознательномъ („L'Automatisme Psychologique“ книга Жанэ, директора психологической лабораторіи)? Но—наблюдается иное: наиболѣе успѣшныя „воплощенія“ группируются не вокругъ отдѣльныхъ лицъ, психика которыхъ можетъ служить источникомъ вдохновенія медіумовъ, а вокругъ особенно дѣятельныхъ „духовъ“, при чемъ самыя яркія сообщенія получаются отъ „духовъ“ тѣхъ лицъ, которыя умерли въ молодости, особенно насильственной смертью... Поэтому Подморъ полагаетъ, что воспоминанія и личность человѣка, проявляющіяся черезъ тѣло медіума, обусловливаются не посмертной умственной его дѣятельностью, но вызываются родомъ „ауры“ или истеченій, проникающихъ въ окружающіе предметы за время жизни. Этимъ можно объяснить и большую яркость сообщеній отъ лицъ, погибшихъ въ расцвѣтѣ силъ, что согласуется съ вѣрованіемъ всѣхъ народовъ.

= Въ газетѣ „Подолія“, за № 104, была статья „О чемъ теперь слѣдуетъ проповѣдывать съ церковной каѳедры“, авторъ ея, будучи свидѣтелемъ, какъ добрая половина публики уходитъ изъ церквей передъ проповѣдями священниковъ, говоритъ: „Поелику въ наши дни общество замѣтно занято исканіемъ Бога, то слѣдовало бы, чтобы интересующіе нынѣ теософическіе вопросы составляли главное содержаніе современныхъ проповѣдей“.

= Въ „С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ“ статья „Что такое ложь?“ написана по поводу анкеты о лжи, якобы устроенной Теософическимъ Обществомъ.

Приводятся 56 вопросовъ, расклассифицированныхъ на 6 группъ, и выражается желаніе о полученіи возможно большаго количества отвѣтовъ.

Хотя это и интересно, но Теософическое Общество должно заявить, что оно не устраивало подобной анкеты.

= Редакціей „Вѣстника Теософіи“ получено сообщеніе о томъ, что съ 27 декабря по 1 января н. с. въ Штутгартѣ д-ромъ *Р. Штейнеромъ* будетъ прочтена серія лекцій по исторіи оккультизма.

Н. Т.

Письма къ читателямъ.

> Мы себя не осуждаемъ за то, что еще не достигли божественности... почему бы намъ осуждать болѣе молодыя души за то, что онѣ еще не достигли до нашего уровня?
>
> „Древняя Мудрость".

Ученія Теософіи подобны яркому фонарю, освѣщающему всѣ темные углы жизни, на которые направленъ его свѣтъ. Къ такимъ темнымъ угламъ, не освѣщеннымъ сознаніемъ, принадлежатъ наши отношенія къ прислугѣ. Постараемся освѣтить ихъ.

Пробовали вы когда-либо разрѣшать вопросъ: какой внутренній смыслъ въ раздѣленіи людей на сословія? *Почему* этотъ человѣкъ родится въ роли господина, а тотъ --въ роли слуги? Почему одинъ совсѣмъ освобожденъ отъ физическаго труда, а другой изнемогаетъ подъ его тяжестью? На подобные вопросы европейская наука отвѣчаетъ только съ точки зрѣнія внѣшняго строительства жизни, а не по существу. Нѣтъ ли въ этомъ разнообразіи человѣческой судьбы, въ этомъ рѣзкомъ различіи одной доли по сравненію съ другой глубокаго смысла, необходимаго для развитія *самого* человѣка? Для европейца, все вниманіе котораго устремлено на однѣ *видимости*, такой вопросъ не разрѣшимъ, такъ какъ онъ соприкасается уже съ скрытыми пружинами жизни.

По существу вопросъ о неравенствѣ разрѣшается только ученіями древней Мудрости. Основную ноту этихъ ученій составляетъ *идея единства Жизни.* Современная научная мысль снова подошла къ той же идеѣ подъ флагомъ монизма *). „Идеалистическій монизмъ" можно бы назвать на современномъ европейскомъ языкѣ древнюю религію-науку, которая лежитъ въ основѣ всѣхъ религіозныхъ системъ. Она разсматриваетъ вселенную какъ единство, въ которомъ всѣ отдѣльныя части выполняютъ свою собственную

---

*) Ученіе объ единствѣ.

задачу. Когда онѣ стремятся осуществить ее какъ можно полнѣе и совершеннѣе, онѣ ведутъ вселенную къ совершенству, уклоняясь отъ выполненія *своей* задачи, онѣ нарушаютъ міровую гармонію. Яркой иллюстраціей этой мысли служитъ организмъ человѣка: здоровье, сила, красота и совершенство нашего организма обусловлено тѣмъ, чтобы всѣ отдѣльныя его части: мозгъ, сердце, легкія, желудокъ, нервы и т. д. выполняли въ совершенствѣ свои спеціальныя задачи. Если мы представимъ себѣ, что различныя части нашего тѣла хотя на одну минуту перепутаютъ свои функціи и сердце начнетъ дѣлать работу желудка, а легкія—работу мозга, нормальная жизнь организма должна притти въ невообразимый хаосъ. Отсюда неизбѣжный выводъ, что вся совокупность человѣческой жизни можетъ достигнуть совершенства лишь тогда, когда всѣ ея составныя части, т. е. каждый человѣкъ въ отдѣльности будетъ выполнять свою собственную задачу какъ можно совершеннѣе. Но онъ долженъ жить и выполнять эту задачу по тѣмъ линіямъ, которыя начертаны закономъ его собственной внутренней сути. Не однородность, а разнообразіе составныхъ частей требуется для совершенства вселенной. Это знали древніе Мудрецы и поэтому въ ихъ ученіяхъ отсутствуетъ идея *равенства* и всюду выступаетъ идея долга, сознаніе единства жизни и рѣзко выраженная постепенность въ эволюціи нравственности. Съ точки зрѣнія этихъ ученій, различія въ соціальныхъ и экономическихъ условіяхъ являются необходимымъ средствомъ для постепеннаго роста внутренней сути человѣка; грѣхомъ же они становятся благодаря злоупотребленію силой, которая угнетаетъ слабыхъ, но это не есть результатъ ошибочности плана, а послѣдствіе несовершенства человѣка. Несовершенство развивающагося человѣка нарушаетъ гармонію общей жизни, нарушеніе гармоніи вызываетъ страданіе, а страданіе учитъ человѣка. Чтобы эти уроки соотвѣтствовали его внутренней сути и совпадали съ той ступенью развитія, до которой достигла его душа, человѣкъ воплощается въ различныхъ условіяхъ земной жизни. Весь строй древней Индіи съ ея кастами, этой *видимой* тканью ея общественной жизни, былъ основанъ на знаніи постепенной эволюціи человѣческой души. Наше знакомство съ кастами относится уже къ эпохѣ вырожденія Индіи, когда вся одухотворенность первоначальной жизни молодой арійской расы, руководимой мудрецами или Риши древней Индіи, замѣнилась омертвѣлыми формами, какъ это бываетъ всегда, когда одна міровая эпоха заканчивается и на очередь выступаютъ новыя задачи.

Если разсматривать древнія касты съ этой точки зрѣнія, мы увидимъ, что каждая изъ нихъ представляетъ свои особыя психологическія задачи, свои особыя восходящія линіи развитія. Это было не искусственное раздѣленіе, а выраженіе естественнаго порядка самой природы. Низшая каста, *Шудра*, имѣла задачей борьбу съ низшими инстинктами человѣка путемъ физическаго напряженія и повиновенія господину, который въ тѣ времена представлялъ дѣйствительно высшій типъ человѣка. Идеаломъ Шудры являлось совершенство въ послушаніи и вѣрность господину; въ слѣдующей кастѣ, *Ваишіа* (купцовъ), человѣкъ пріучался къ собственной иниціативѣ, вырабатывалъ осмотрительность и проницательность; отъ него требовались безпристрастіе, щедрость, отсутствіе расточительности и добросовѣстное отношеніе къ труду подчиненныхъ. Его идеаломъ было праведное употребленіе земныхъ благъ. Въ третьей кастѣ, *Кшатріа* (воиновъ), къ которой принадлежали правители и воины, человѣкъ долженъ былъ защищать и охранять свой народъ. Въ этомъ состоялъ долгъ его жизни. Его идеаломъ была беззавѣтная отвага, великодушіе, защита слабыхъ, самоотреченіе. Послѣдняя каста, *Брамановъ*, учителей народа, требовала отъ человѣка равнодушія къ земнымъ благамъ и побѣды высшей природы надъ низшей. Предполагалось, что человѣкъ, воплотившійся въ кастѣ Брамановъ, прошелъ уже черезъ всѣ низшія ступени и пріобрѣлъ нравственную силу и мудрость благодаря послушанію, совершенному исполненію своего долга и усиліямъ въ борьбѣ за правое дѣло, что и давало ему право учить другихъ. Идеаломъ и цѣлью Брамановъ являлась внутренняя свобода, всепрощеніе, любовь ко всему живому, чистота и единеніе съ Первоисточникомъ жизни. Во времена процвѣтанія Браманизма, его постановленія представляли собою дѣйствительную *школу народнаго воспитанія*, ибо они основывались на глубокомъ знаніи человѣческой души. Возьмемъ два закона, постоянно упоминаемые въ св. Писаніяхъ Востока, равносильнаго которымъ не имѣется ничего въ западной психологіи. Первый изъ нихъ—законъ *Дхармы*. Чтобы понять этотъ законъ, нужно не отрывать сознанія отъ эволюціи, т. е. понимать человѣка какъ существо движущееся впередъ и мѣняющееся по мѣрѣ своего развитія. Когда человѣкъ жилъ въ Карфагенѣ, онъ былъ совсѣмъ не то, что тотъ же человѣкъ представляетъ изъ себя, живя въ наше время—скажемъ—въ Англіи. Всѣ его понятія измѣнились, и нравственный критерій сталъ совершенно инымъ. Дхарма—понятіе сложное: это—показатель той ступени развитія, до которой достигла безсмертная инди-

видуальность человѣка, его *я,* и въ то же время законъ слѣдующей ступени его развитія. Вотъ почему Дхарма переводится то словомъ Законъ, то словомъ Долгъ. Знать свою Дхарму, значитъ вѣрно опредѣлять ступень, до которой достигла моя индивидуальность, и въ тоже время сознавать законъ, по которому она должна развиваться далѣе. Не зная мѣста, которое я занимаю въ міровой жизни, я не могу безошибочно направлять мои шаги и далѣе.

Второй законъ, *Карма* или законъ причинности, опредѣляетъ всю земную судьбу человѣка; по картинному сравненію восточной мудрости, человѣкъ, посѣявшій терніи, не можетъ собрать пшеницу, а посѣявшій добрыя дѣла и добрыя мысли, не можетъ пожать ничего иного, кромѣ добра и блага. Эти два закона являлись тѣми ключами, которые въ древности раскрывали загадку человѣка, и они могли бы раскрыть ее и для насъ, если бы мы научились владѣть ими. На знаніи этихъ законовъ были основаны въ своемъ первоначальномъ видѣ и древнія касты, которыя имѣли цѣлью дать внѣшнія условія, подходящія для Дхармы каждой души, достигшей той или иной ступени развитія.

Тогда человѣкъ былъ менѣе сложенъ, чѣмъ теперь; благодаря этому и грани его жизни были рѣзче очерчены, чѣмъ въ наше время, когда люди свободно переходятъ изъ одного сословія въ другое.

Человѣкъ несетъ въ своемъ внутреннемъ существѣ три элемента: животнаго, человѣка и Бога. Весь длинный путь его разнообразнаго земнаго опыта направленъ къ обузданію животнаго, къ развитію человѣческихъ свойствъ и къ раскрытію таящагося въ немъ божественнаго начала. Въ самомъ началѣ пути, когда душа вся еще въ возможности, когда она похожа на нераскрывшуюся завязь, всѣ вліянія извнѣ идутъ на то, чтобы разбудить ея дремлющія силы и обуздать ея животное начало. Чѣмъ же достигается такое обузданіе скорѣе всего? Усиленнымъ физическимъ трудомъ. Психологическую цѣль физическаго труда можно опредѣлить какъ использованіе животной энергіи съ цѣлью отвлечь силы человѣка отъ животныхъ страстей, которыя у первобытнаго человѣка очень сильны. Напрягая физическія силы человѣка, трудъ преодолѣваетъ лѣнь, инертное начало, *tamas* Индусовъ, которое на этой ступени, когда преобладаетъ низшій полюсъ, легко одолѣваетъ человѣка, заглушая еще зачаточныя силы его души, слабые ростки его воли, мысли и чувства. Если бы на этой низшей ступени не было принудительнаго физическаго труда, ничѣмъ не

сдерживаемыя животныя страсти развились бы до чрезвычайныхъ размѣровъ въ ущербъ высшимъ началамъ человѣка. Всѣ наблюденія надъ подонками современнаго общества, напримѣръ надъ восточными кули, переносящими тяжести, или надъ нашими крючниками,—приводятъ къ тому, что сытая жизнь безъ необходимаго усиленнаго труда могла бы принести имъ только вредъ. На западѣ, гдѣ не извѣстенъ законъ Дхармы, дающій проникновеніе въ скрытую жизнь души, сложилось ошибочное представленіе, что все дѣло во внѣшнихъ условіяхъ жизни: дайте человѣку образованіе и нравственныя понятія, предоставьте ему благопріятную внѣшнюю обстановку и онъ сразу измѣнится. Наблюденія надъ жизнью говорятъ иное; они скорѣе подтверждаютъ ученія древняго Востока о постепенномъ переходѣ души съ одной ступени на другую, о различіи человѣческой Дхармы, на основаніи котораго запрещалось „смѣшеніе кастъ". Въ наше время, когда усложнившаяся Дхарма современнаго человѣка требуетъ и соотвѣтствующаго разнообразія въ его переживаніяхъ, а слѣдовательно и въ общественныхъ условіяхъ, „смѣшеніе кастъ" неизбѣжно, и было бы большимъ бѣдствіемъ, если бы люди начали искусственно строить стѣны между различными сословіями. Но пониманіе самого закона необходимо, потому что оно даетъ ключъ ко многимъ загадкамъ человѣческой судьбы.

Если бы мы могли изслѣдовать человѣческое тѣло не только внѣшнимъ образомъ, а и внутреннимъ, т. е. безошибочно опредѣлить, какою степенью отзывчивости отличаются его атомы и съ какой быстротой и энергіей они вибрируютъ, мы увидали бы большую разницу между тѣломъ средняго крестьянина и тѣломъ человѣка изъ интеллигентной среды. Первое вибрируетъ въ отвѣтъ на внѣшнія раздраженія медленно и не полно, отзываясь лишь на болѣе рѣзкія, и совершенно не отвѣчая на болѣе тонкія вибраціи. Стоитъ лишь представить себѣ крестьянина обыкновеннаго типа въ картинной галлереѣ, въ концертномъ залѣ или передъ театральной сценой, на которой идетъ символическая пьеса, чтобы убѣдиться въ этомъ. На это могутъ возразить, что тутъ дѣло не въ свойствахъ матеріала, изъ котораго построенъ организмъ крестьянина, а въ степени образованія и воспитанія. Но это не такъ. Правда, свободное смѣшеніе сословій создало для современнаго человѣка весьма сложную Карму, и можетъ случиться, что тонко развитой организмъ—въ силу кармической связи съ крестьянской семьей—воплотится именно въ этой семьѣ. Но это — не правило, а скорѣе исключеніе. Кто не знаетъ случаевъ, когда дѣти вне-

запно разбогатѣвшаго крестьянина, попадая въ условія интеллигентной среды и получая утонченное образованіе, кончали тѣмъ, что или сходили съ ума, или спивались и предавались инымъ излишествамъ? Отчего это? Оттого, что самый матеріалъ, изъ котораго построены организмы такихъ, внезапно вырванныхъ изъ своей среды людей, требуетъ усиленнаго физическаго напряженія и способенъ отвѣчать только на грубыя и рѣзкія вибраціи, а между тѣмъ новыя условія ихъ жизни содѣйствуютъ полной физической праздности и окружаютъ ихъ такими утонченными вибраціями, на которыя совсѣмъ не находится отвѣта внутри ихъ организма. Благодаря такому несоотвѣтствію между организмомъ и средой, они обыкновенно отчаянно скучаютъ и оживляются только тогда, когда въ ихъ съ виду культурную жизнь врывается нѣчто очень дикое съ точки зрѣнія культурнаго человѣка, что-нибудь рѣзко бьющее по нервамъ. Вспоминаю, какъ много лѣтъ тому назадъ, когда мнѣ еще совсѣмъ не знакомы были ученія Теософіи, меня поразила исповѣдь одного крестьянскаго мальчика, отданнаго матерью въ годоваломъ возрастѣ на воспитаніе знакомой мнѣ помѣщицѣ, которая воспитывала его самымъ утонченнымъ образомъ, на французскомъ языкѣ, среди музыки, книгъ и самаго любовнаго вниманія. Помню какъ этотъ мальчикъ разсказывалъ, когда сталъ постарше, какъ онъ мучительно скучалъ и какъ неудержимо его тянуло бросить и барскій домъ, и свою вторую мать, и убѣжать въ деревню. Особенно ему было трудно побороть свою тягу, когда до усадьбы доносились хороводныя пѣсни и шумы деревенской толпы. Этотъ не погибъ, но вѣроятно благодаря тому, что послѣ смерти своей воспитательницы получилъ клочекъ земли, на которой и работаетъ крестьянскую работу.

Изъ трехъ сословій, занимающихся исключительно физическимъ трудомъ: крестьянскаго, фабричнаго и прислуги, самая трудная доля и самая трудная психологія несомнѣнно у послѣдней. Если отбросить на время обычную для насъ, европейцевъ, точку зрѣнія и стать на точку зрѣнія теософическую, по которой всѣ многообразныя человѣческія переживанія и испытанія являются средствомъ для постепеннаго движенія къ совершенству, къ Богочеловѣчеству, и по которой всѣ мы въ разное время проходимъ одинъ и тотъ же путь, — тогда вся драма, совершающаяся на землѣ, приметъ въ нашихъ глазахъ совершенно новый характеръ, полный благого значенія. Тогда и наша собственная роль въ этой драмѣ изъ непроизвольной и независящей отъ нашей воли сдѣлается сознательной и отвѣтственной.

Если бросить общій взглядъ на путь, которымъ идетъ современное человѣчество, первый этапъ на этомъ пути—жизнь крестьянина. Если она протекаетъ нормально, здоровый трудъ и тѣсная связь съ природой придаетъ ей столько достоинства и такую цѣльность настроенія, какую не встрѣтишь нигдѣ, кромѣ деревни. Но какъ ни хороши условія деревенской жизни, остановиться на этой ступени нельзя. Отъ тѣсной связи съ природой, отъ ея здоровой періодичности, человѣкъ *долженъ* перейти въ иную среду, гдѣ вліяніе природы отступаетъ на задній планъ и выдвигаются чисто человѣческія вліянія, соприкосновенія съ иными индивидуальностями, и, чѣмъ разнообразнѣе эти индивидуальности по степени своего развитія, чѣмъ ярче и многостороннѣе ихъ воздѣйствіе на душу человѣка, тѣмъ быстрѣе будетъ расти эта душа. Въ этомъ — внутренній смыслъ перехода изъ жизни сельской общины, гдѣ всѣ заняты однимъ дѣломъ и всѣ приблизительно равны, къ искусственной культурѣ городской жизни, гдѣ въ одномъ мѣстѣ соединяются люди всевозможныхъ профессій, гдѣ рядомъ съ рынками и фабриками вліяютъ музеи и университеты, картинныя галлереи и консерваторіи, публичныя лекціи и театры.

Вообразите на минуту всѣ эти разнообразныя дѣятельности большого города въ видѣ невидимыхъ, но совершенно реальныхъ вибрацій, бьющихъ со всѣхъ сторонъ на молодую душу: потрясая ее, онѣ пробуждаютъ одну за другой всѣ дремлющія ея способности. Естественно, что ея цѣльность утрачивается, впечатлительность обостряется, нормальная дѣятельность нервной системы переходитъ въ тревожную, появляется неуравновѣшенность, внутренній разладъ. Явленіе это замѣчается всѣми, оно породило нескончаемыя жалобы на порчу и огрубѣніе нравовъ переселяющихся въ города сельскихъ жителей. Но жалобами ничему не поможешь. Для того, чтобы помогать, нужно понимать смыслъ происходящаго передъ нами. Пониманіе той связи, которая существуетъ между внѣшними явленіями и ихъ невидимыми причинами, воспитываетъ въ человѣкѣ терпимость и доброжелательство и, вмѣсто негодованія, вызываетъ потребность сознательно участвовать въ творческомъ процессѣ жизни.

Признавъ внутреннюю необходимость перехода растущей человѣческой души отъ дѣтской ясности и простоты къ хаотической сложности и неуравновѣшенности, мы начнемъ понимать совершенно иначе и нашъ собственный долгъ относительно низшихъ сословій и прислуги.

Несомнѣнно, что самое раздѣленіе людей на господъ и на продающихъ свой трудъ слугъ—остатокъ варварства. Въ идеальномъ обществѣ всѣ будутъ служить другъ другу такъ или иначе, но не за деньги, а изъ сознанія единства жизни и изъ любви къ ближнему.

Но даже и въ наше время правильно понятыя отношенія между образованнымъ слоемъ, идущимъ впереди, и некультурными представителями народа могли бы стать источникомъ блага и для тѣхъ, и для другихъ. Для слугъ — постоянное общеніе съ старшими по развитію и опыту могло бы вызвать болѣе быстрый переходъ на высшую ступень сознанія, для господъ—явилась бы возможность погасить свой долгъ относительно взрастившаго ихъ народа, за счетъ котораго они и получили возможность подняться на высоту. Такова идеальная схема человѣческаго общежитія; но во что она выродилась подъ вліяніемъ эгоизма, который уничтожилъ самое сознаніе человѣческаго единства, замѣнивъ его обезсиливающимъ, основаннымъ на страданіи ближняго господствомъ личныхъ интересовъ, — это мы видимъ слишкомъ наглядно въ современной жизни, гдѣ страданіе слѣдуетъ за неправдой также неизбѣжно, какъ тѣнь за движущимся предметомъ.

Въ дѣйствительности, отношеніе „господъ" къ прислугѣ полно безсердечнаго эгоизма, безмѣрныхъ претензій и презрительнаго равнодушія къ ея внутреннему міру. Благодаря этому, всѣ хорошія возможности для той и другой стороны превращаются въ дурную дѣйствительность: долгъ „господъ" остается невыполненнымъ, а у слугъ—вмѣсто усиленнаго развитія—расцвѣтаютъ отрицательныя черты ума и характера, накопляется чувство обиды и недовѣрія, страсти направляются на вражду къ господамъ и невидимый міръ наполняется вибраціями взаимнаго раздраженія, горечи и ненависти.

Нельзя, конечно, не принять въ соображеніе того, что, благодаря современному смѣшенію сословій, человѣкъ, стоящій по своей Дхармѣ еще на очень низкой ступени развитія, получаетъ права, до которыхъ онъ совсѣмъ еще не доросъ. Благодаря этому, безпрестанно встрѣчаются „господа", или очень мало, или совсѣмъ не поднявшіеся надъ уровнемъ своихъ слугъ. Съ этихъ и спрашивать нечего. Но это не оправдываетъ тѣхъ, которые имѣютъ внутреннее право на передовой постъ. Этотъ постъ налагаетъ на нихъ обязанность усовершенствовать жизнь, замѣнять ея отживающія формы высшими формами.

Прежній патріархальный характеръ между господами и слугами достигалъ у лучшихъ людей несомнѣнной красоты *). Это происходило отъ того, что и господа, и слуги жили одной жизнью, одними идеалами, и между ними сохранялась живая духовная связь. Связь эта нарушена. Интеллигенція отошла слишкомъ далеко отъ простоты и цѣльности патріархальнаго строя, а слуги переживающіе трудный переходъ отъ естественной культуры къ сознательной, отличаются раздражительностью, безпринципностью, повышеннымъ самолюбіемъ и усиленной жаждой новыхъ впечатлѣній; все это сводитъ взаимныя отношенія между обоими сословіями къ очень низкому уровню, къ чисто механической связи между покупающими чужой трудъ и продающими его.

Такія отношенія не имѣютъ будущаго; они должны замѣниться новымъ строемъ жизни.

Свѣтъ, бросаемый Теософіей, указываетъ ясно, по какимъ линіямъ долженъ слагаться этотъ новый строй, если наша жизнь дѣйствительно пойдетъ къ совершенствованію. „Господъ“ и „слугъ“ въ современномъ смыслѣ вовсе не будетъ. Сознаніе единства жизни и всеобщаго братства вызоветъ сознательное, отвѣчающее силамъ и способностямъ каждаго, участіе въ общемъ творчествѣ. Добровольное раздѣленіе труда замѣнитъ принудительный трудъ. Отношеніе болѣе развитыхъ и сильныхъ духомъ къ такъ называемымъ низшимъ сословіямъ будетъ носить такой же характеръ любовной заботы, какую мы видимъ въ отношеніяхъ старшихъ къ младшимъ членамъ въ нормальной семьѣ. И это — не утопія. Какъ ни далека наша темная и грѣшная жизнь отъ этого свѣтлаго будущаго, но оно настанетъ: за это ручается неумирающее религіозное сознаніе человѣчества. Сознаніе это продолжаетъ жить въ нашей душѣ, какое бы имя мы ему не давали. Оно снова и снова

---

*) Изучать Дхарму развивающейся души въ связи съ кармическими условіями того или другого сословія труднѣе всего именно у насъ на Руси. Западная Европа имѣла свои ясно обозначенныя и строго разграниченныя сословія: ея феодалы и сервы проходили совершенно различныя школы жизни и психологія тѣхъ и другихъ была совершенно иная. Не то у насъ: наши бояре и крестьяне отличались только внѣшнимъ образомъ и психологія первыхъ была почти однородна съ психологіей послѣднихъ. Можно думать, что передъ русскимъ народомъ стояли не столько національно-психологическія, сколько общеміровыя духовныя задачи, которыя выполнялись соборно, всѣмъ народомъ; отсюда глубокій внутренній демократизмъ Россіи, не бывалый въ исторіи другихъ народовъ. Но это—вопросъ слишкомъ важный и сложный, чтобы его касаться мимоходомъ.

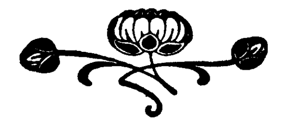
говоритъ намъ, что *есть* Богъ и внѣ, и внутри насъ, и что мы страдаемъ потому, что наша истинная стихія—не тьма и грѣхъ, а праведность и свѣтъ. Весь человѣческій путь состоитъ въ неутолимой жаждѣ этого свѣта, въ неугасающей потребности этой праведности.

Мы кружимся по лабиринту жизни не даромъ: намъ дана свобода движенія, но въ то же время данъ и внутренній показатель, который неизмѣнно даетъ знать, когда мы направляемся по невѣрному пути. Показатель этотъ страданіе. Мы стремимся избѣжать его, пробуемъ итти то по одному, то по другому направленію, снова возвращаемся, выбираемъ новую дорогу, а суть остается одна и та же: мы можемъ быть счастливы—не по видимостямъ, а по существу только тогда, когда наши дѣла совпадаютъ съ требованіями нашей совѣсти. Въ этой зависимости нашего счастья отъ нашей совѣсти и въ способности послѣдней расти и утончаться залогъ грядущаго свѣтлаго будущаго.

Сейчасъ наша жизнь темна и грѣшна, надъ ней какъ бы нависли черныя тучи; но безнадежна она была бы только въ томъ случаѣ, если бы мы не страдали отъ этой темноты. Но мы отъ нея страдаемъ и съ каждымъ поколѣніемъ будемъ страдать все сильнѣе: растущая совѣсть людей, все яснѣе говорящая о неизбѣжной зависимости личнаго благополучія отъ общаго блага, поможетъ людямъ пробить брешь въ этой нависшей надъ нами свинцовой тучѣ. Надъ нею сіяетъ все то же солнце, жизнь творящее и разливающее довольство и радость всюду, куда проникаютъ его лучи. Это солнце—любовь. Безъ ея животворящей силы всѣ темные углы нашей жизни, въ томъ числѣ и затронутый въ этомъ письмѣ, останутся навсегда темными и неприглядными, вызывающими недовольство и вражду. Наше сознаніе было такъ долго приковано къ одному земному, что мы и не замѣтили, какъ надъ нами все болѣе сгущались тучи, порожденныя эгоизмомъ однихъ и ожесточеніемъ другихъ. Необходимо повернуть фокусъ сознанія на *качество* нашей земной дѣятельности и тогда мы ясно увидимъ причинную связь удручающей насъ темноты жизни съ дурными качествами этой дѣятельности. Не нужно останавливаться на томъ, что „всѣ такъ дѣлаютъ“ и думать, что усилія одиночекъ безплодны. Это невѣрно: добро сильнѣе зла и каждое праведное усиліе разрываетъ темныя тучи грѣха то тамъ, то здѣсь, и даетъ возможность проникнуть отдѣльнымъ лучамъ солнца. „И порознь ихъ отыскивая жадно, мы ловимъ отблескъ вѣчной красоты“, сказалъ поэтъ. Превратить этотъ отблескъ

„вѣчной красоты“ въ яркое религіозное сознаніе, полюбить эту красоту такъ, чтобы безъ нея и жить на свѣтѣ было невозможно, вотъ къ чему мы должны стремиться, если хотимъ, чтобы свѣтъ одолѣлъ тьму, чтобы его лучи проникли во всѣ темные углы нашей жизни.

Другъ читателя.

Растить свою жизнь—служить Богу.

Есть благо духовное и благо тѣлесное. Тѣлесное благо мы видимъ и о немъ судимъ, но блага духовнаго не только не видимъ мы извнѣ, но часто не видитъ тотъ, кто его получаетъ.

Цѣль жизни есть только одна: стремиться къ тому совершенству, которое указалъ намъ Христосъ, сказавъ: „Будьте совершенны, какъ Отецъ вашъ небесный“.

(Мысли Льва Николаевича Толстого).

Редакторъ-Издательница **А. А. Каменская.**

Алфавитно-предметный указатель статей, помѣщенныхъ въ „Вѣстникѣ Теософіи" за 1910 годъ.

Спб. городская Типографія, Садовая, 55, уголъ Вознесенскаго.